

**Тори
Халимендис**

Полузабытая легенда

Сбежав от прошлого в уединенную приграничную деревушку, Риона жила тихо и спокойно до той ненастной ночи, когда в дверь ее дома постучался незнакомец. С появлением странника жизнь Рионы в очередной раз переменилась: теперь ее ожидает долгая дорога, новые опасности, неожиданные встречи и настоящая любовь. Фэнтези-сказка с гномами, эльфами, приключениями, верными друзьями и таинственным красавцем (куда же без оного)))

Тори Халимендис
Полузабытая легенда

Глава 1

В ту ночь бушевала вьюга. Ветер завывал невиданным чудищем, пригибал деревья к земле и с треском ломал ветви. Окна залепило снегом так, что и на улицу толком выглянуть было невозможно. Да и незачем — все равно сквозь сплошную белую пелену ничего не разглядеть даже в паре шагов. Ни звезд, ни луны не видать, только пушистые белые хлопья падают с неба и крутятся, подхваченные ветром. Более неподходящую погоду для прогулок и представить себе было невозможно. А уж о том, что кто-то вздумает нанести мне визит мало того, что среди ночи, так еще и в такую метель, я и помыслить не могла. Оттого и не обратила сначала внимания на стук в дверь, а возможно, что даже и не расслышала его за сильными порывами ветра. Но стук повторился вновь и вновь, стал более настойчивым, а затем незваный гость принялся, видимо, и вовсе колотить в дверь ногами. Вздохнув, я выбралась из уютного кресла, где коротала время, укутавшись теплым пушистым пледом, потягивая горячее сладкое какао и лениво просматривая только на днях доставленную мне деревенским лавочником книгу из новинок. Деваться было некуда, пришлось идти открывать.

Стоило приоткрыть дверь, как моментально потянуло морозным воздухом, а порыв ветра попытался вырвать створку из рук. Я задрожала от холода и недружелюбно велела застывшей на пороге темной фигуре:

— Проходи, коли пришел.

В том, что визитер — мужчина, сомнений у меня не было, слишком уж он был высок и широкоплеч. А когда я задвинула засов и повернулась, чтобы посмотреть, кто пожаловал ко мне в гости в такую непогоду, то безмерно удивилась — гость оказался мне абсолютно незнаком.

Он уже откинул капюшон подбитого мехом плаща и теперь беззастенчиво разглядывал меня. На темной ткани таяли снежинки, превращаясь в маленькие блестящие капельки воды. Отчего-то это зрелище словно заорожило меня и я не сразу удосужилась задать тот вопрос, которым следовало бы озадачиться еще до того, как впускать в свой дом незнакомца:

— Кто вы такой?

Отвечать мой гость не торопился. Внимательный взгляд опять прошелся по моей фигуре от светлых волос и до кончиков домашних туфель, а углы губ дрогнули в усмешке. Я разозлилась.

— Да кто вы такой, чтоб вас... — и осеклась.

Все-таки не стоит поминать некие силы ночью, да еще столь ненастной — не накликай бы неприятности на свою голову. О том, что бояться следует не неназванных мною существ, а стоящего напротив человека из плоти и крови, я даже не задумалась. Отчего-то мне даже в голову не пришла мысль, что он способен каким-либо образом обидеть меня.

— Вы правильно поступили, — произнес он низким глубоким голосом. — Не стоит будить спящих в ночи.

Сбитая с толку, я в третий раз повторила вопрос, только тихо и неуверенно:

— Так кто вы такой?

— Путник, — ответил незнакомец и сбросил плащ. — Если позволите, я повешу его вот здесь.

Я молча кивнула, отметив про себя, что гость мой весьма хорош собой. Темные волосы

спускались ниже плеч, слегка завиваясь на концах. Лицо с правильными, но несколько резкими чертами, густые брови, длинные ресницы, яркие синие глаза — должно быть, женщины уделяли ему немало внимания. Осознав, о чем я размышляю, я невольно залилась румянцем. Незнакомец, если и заметил мое смущение, виду не подал. Он улыбнулся неожиданно озорной улыбкой и спросил:

— Вы не предложите мне чаю? Или, возможно, у вас найдется что-нибудь покрепче? Видите ли, там, на улице, не сказать, чтобы тепло и солнечно. После долгого пути не помешало бы согреться.

Покрепче у меня, разумеется, водилось, вот только переводить на незнакомых путников, не желающих даже называть свое имя, ни изысканное вино из Райны, ни даже крепкий, хрустальной прозрачности горный самогон желания я не испытывала. Пусть уж лучше посчитает меня скаредной, чем ополовинит мои припасы. Оттого я бросила взгляд на плиту и спросила, причем довольно нелюбезным тоном:

— Какао будете?

— Не откажусь.

И гость склонился к небрежно брошенной у его ног большой дорожной сумке. Пусть поначалу я, занятая разглядыванием незнакомца, не обратила на нее внимания, но ее наличию вовсе не удивилась. Конечно же, у любого странника должны быть при себе хоть какие запасы еды, да и смена одежды тоже. Коня же, судя по всему, путник не имел, что меня немало удивило. Никак не был похож мой гость на человека простого, что не мог позволить себе покупку лошади. Вопрос уже готов был сорваться у меня с языка, но я вовремя спохватилась. Если уж пожаловавший ко мне среди ночи в гости странник не пожелал даже представиться, то прочие расспросы уж точно ни к чему не приведут. А имея терпение, многое можно разузнать — в свое время, разумеется. Но я вовсе не была уверена в необходимости знать хоть что-либо о ночном визитере. В том, что избыток знаний до добра не доводит, я была твердо уверена.

Пока я наливала какао в большую керамическую кружку, путник выкладывал из сумки на стол припасы. И когда я разглядела угощение, то невольно ахнула.

— Мой скромный вклад в наш поздний ужин, — пояснил мужчина, указывая на продукты, которых я давно уже не то, что не ела — даже не видала.

На столе, бережно завернутые в вощеную бумагу и перевязанные бечевой со знакомой печатью, лежали колбасы — знаменитые ровельские колбасы из лавки папаши Путо, который являлся поставщиком деликатесов в самые известные и богатые дома. Рядом в промасленном пакете радовало глаз печенье с крошкой экзотического ореха, привозимого с далеких островов. И апофеозом этого кулинарного безумства были конфеты — я примерно знала, сколько могла стоить та небрежно брошенная незнакомцем к остальным продуктам небольшая коробочка, которая грозилась вот-вот упасть с края стола. Назвав свой вклад скромным, путник явно лукавил.

Решив, что гость, принесший столь щедрые подношения, достоин большего, нежели кружка какао, я выставила на стол мягкий белый ноздреватый хлеб, только к ужину испеченный, изрядный кусок солончатого сыра и горшочек меда. Немного поколебавшись, вытащила из шкафчика бутылку со сливовой наливкой, полученной в дар от жившего неподалеку мельника. Наливку эту делал его тесть и славилась она на все окрестные деревеньки.

— Прощу, — кивнула я путнику, приглашая того к столу.

Он взял из моих рук острый нож, перерезал бечеву и ловкими движениями нарезал колбасы и сыр на аккуратные ломтики, тонкие до полупрозрачности. Невольно я отметила, что кисти рук незнакомца были узкими и изящными, с тонкими длинными пальцами. Однако же в силе этих рук сомневаться не приходилось.

Я положила кусочек колбасы на хлеб и откусила, прикрыв глаза от удовольствия. Я уж было и позабыла этот вкус! Едва расправившись с первым кусочком, я потянулась за следующим. Ужинали мы в молчании. Только когда гость разлил наливку по стаканам, я хотела было предложить традиционно выпить за знакомство, но осеклась. Хорошо знакомство, коли мы даже имен друг друга не знаем! Вот только в неосведомленности странника я сильно сомневалась. Скорее всего, он хорошо знал, в чей дом постучался ненастной ночью.

Когда же ужин закончился и я убрала со стола, то настало время для разговоров. Вернее, это я так думала, но, как оказалось, ошиблась.

— Время уже позднее, — безмятежно заметил гость, стоило мне вопросительно заглянуть ему в лицо. — Спать давно пора.

— И где, позвольте полюбопытствовать, вы собираетесь спать?

— Я, знаете ли, абсолютно неприхотлив, — мужчина улыбался. — Где скажете, там и лягу. Да хоть на полу.

Я посмотрела на него с сомнением. На человека, довольствующегося любыми, даже самыми стесненными условиями, он никак не походил. Скорее бы я сказала, что он привык получать от жизни все наилучшее. Хотя кому как не мне знать, сколь обманчивой бывает внешность.

— У меня не постоянный двор, — возразила я, хотя прекрасно понимала, что не смогу выставить незнакомца за дверь в такой буран.

И он понимал это не хуже меня.

— Вы ведь не выгоните меня на улицу на верную смерть, — произнес он серьезным тоном, хотя глаза его смеялись.

— Так уж и быть, — вздохнула я. — Оставайтесь, я постелю вам в соседней комнате.

— Буду премного благодарен, — и гость поклонился, только мне в словах его отчего-то почудилась насмешка, а поклон показался шутовским.

Списав видение на усталость и последствия употребления наливки, я указала путнику его спальное место, выдала подушку и одеяло и удалилась в свою спальню. Против ожидания, уснула я сразу и спала крепко. Находящийся за стенкой незнакомец на сон мой никак не повлиял. Да и будь у него какие недобрые намерения, дожидаться, пока я усну, ему было бы ни к чему. Мужчина он сильный, противостоять ему я бы не смогла.

Разбудил меня солнечный луч, упавший на постель и светивший прямо в глаза. Я потянулась, поднялась и выглянула в окно. Вчерашняя метель чудесным образом успокоилась и исчезла, оставив в напоминание о себе только высокие сугробы, искривившиеся на солнце так, что на них было больно смотреть. Пожалуй, пора выпроваживать незваного гостя, пока ко мне не заглянул кто-нибудь из жителей деревни разузнать, как я пережила непогоду. Застань кто из них в моем доме незнакомого мужчину — сплетен потом не оберешься. В деревеньке жизнь текла неспешно, происшествия никакие на моей памяти, пожалуй, что и не случались и любое мало-мальски достойное внимания событие обсуждалось месяцами, если не годами. Вон сын мельника еще той весной подрался с рыжим Стенькой, подмастерьем сапожника, так об этой драке до сих пор нет-нет, а и

припомнят. Особенно когда видят дочь лавочника, что, по слухам, причиной одного побоища и послужила. Девица после того случая нос задрала выше некуда и стала мнить себя первой красавицей. Еще бы — не из-за кого парни не дрались уже давненько, стало быть, она на порядок обольстительнее своих подружек. Воспоминания вызвали улыбку, впрочем, тут же сменившуюся беспокойством. Допустить, чтобы обо мне по деревне ходили сплетни, я не могла никак. И без того привлекла к себе излишнее внимание, переехав в свое время в этот домик. Так что от посетителя следовало избавляться, причем поскорее и со всей возможной осторожностью. Наскоро умывшись и одевшись, я отравила будить странника и обнаружила, что он уже проснулся. Более того, успел накрыть стол к завтраку. Колбасы и сыр, оставшиеся с вечера, лежали рядом с нарезанным ломтями хлебом. К ним гость добавил вяленое мясо из своих припасов и очередной пакет, на сей раз с орехами. На плите весело пофыркивал закипающий чайник.

— Доброе утро, — улыбнулся незнакомец. — Я немного похозяйничал, надеюсь, вы не будете против?

Выгонять приготовившего завтрак гостя показалось мне невежливым и я, пожелав ему доброго утра, тоже присела к столу, прикидывая, как бы сделать так, чтобы никто из соседей не заметил его ухода.

Придумать мне так ничего и не удалось, а после завтрака выяснилось, что деревенские сплетни — наименьшая из моих проблем. Точнее, и вовсе даже не проблема в свете свалившихся на мою голову неприятностей.

Я как раз раздумывала над тем, как бы, постаравшись не выглядеть излишне грубой и дурно воспитанной, указать путнику на дверь, когда он заговорил сам. И произнес фразу, которую я никак не ожидала услышать.

— Итак, я вас нашел.

— Простите? — переспросила я, уверенная, что ослышалась.

Он улыбнулся и повторил:

— Я вас нашел. Вы хорошо спрятались, очень хорошо. Никому и в голову не пришло искать вас в этой всеми богами позабытой деревеньке на окраине мира. Признаться, мне просто повезло. Если бы не одна досадная случайность — досадная для вас, разумеется — мне и в голову не пришло бы искать вас здесь.

Я почувствовала, что отпираться бесполезно, однако же не предпринять попытку попросту не могла.

— Вы меня с кем-то путаете.

— Неужели?

— Разумеется. Я ни от кого не скрываюсь и скрываться не думала. Домик этот получила в наследство от двоюродной тетушки — все бумаги в порядке, можете с ними ознакомиться, ежели пожелаете. Никто из соседей слова дурного обо мне не скажет. Не знаю, чего вы там себе напридумывали, но я к вашим фантазиям никакого отношения не имею.

Незнакомец недобро усмехнулся.

— Вы действительно полагаете, что вам удастся меня обмануть?

— Я вовсе не...

Он поднял руку, заставляя меня замолчать.

— О да, я уверен, что все бумаги у вас в порядке. Я полагаю, что ни одна проверка не выявит среди них фальшивку. И ваши соседи, я охотно верю, будут разливаться соловьями, описывая ваши добродетели. Однако же это не отменяет главного — вы не та, за кого себя

выдаете. Да, вам удалось придумать себе новую биографию столь безупречно, что обнаружить несостыковки практически невозможно. Я ведь наводил справки, прежде чем прийти сюда. Вы успешно замели следы. Однако меня вам не обмануть.

— Зачем вы пришли? — глухо спросила я. — И чего вы от меня хотите?

— Все очень просто. Я здесь, чтобы предложить вам сделку.

Я ожидала услышать все, что угодно, только не это.

— Сделку?

— Если вам не нравится это слово, то могу выразиться иначе — взаимовыгодное сотрудничество. Вы помогаете мне, а я — вам. По-моему, все предельно ясно.

— Вы издеваетесь надо мной? — гневно спросила я. — Вам-то, быть может, и ясно, да вот только мне — не очень.

— Я хочу вам помочь, — голос незнакомца звучал вкрадчиво. — Во-первых, я хорошо вам заплачу. У вас будет очень, очень много денег. Весьма приличное состояние.

— Я не бедствую! — вскинулась я.

— Но и не купаетесь в роскоши, — уточнил путник. — Но вы не дослушали. Помимо денег вы получите королевскую охранную грамоту. И тогда никто — ни храмовники Молчаливого Бога, ни члены Ордена, ни ваш жених — больше не сможет вам досаждать.

— Мой жених отказался от меня, — зачем-то сообщила я.

— А ваша семья отреклась от вас, когда вы сбежали, — жестко отрезал странник. — Но остальные о вас не позабыли и не отказались от своих планов. Ваши словесные описания разошлись по всем храмам Молчаливого. Впрочем, вы этого ожидали, не так ли?

— Словесные описания, — горько усмехнулась я. — Под это описание многие подходят: молодая женщина среднего роста, с светлыми волосами и зелеными глазами. Я ожидала, что они развешат во всех крупных городах мои портреты.

— Они предпочитают не привлекать внимания. Возможно, жрецы и получили портреты вместе с информацией, но мне о том неизвестно.

— Но как обнаружили меня вы? У вас, насколько я поняла, портрета не было.

— Я ведь уже сказал, что благодаря случаю. Вы были несколько неосмотрительны, когда посещали небольшой городок по соседству этим летом.

— Мальчик, — прошептала я. — Маленький мальчик, что должен был упасть в реку. Неужели там до сих пор помнят об этом?

— Вы живете в маленькой деревеньке уже достаточное время, чтобы узнать, как долго помнят здесь даже самые незначительные события. Пусть городок и будет побольше размером, но нравы там ровно такие же. О чудесном спасении малыша там судачат до сих пор. Насмешка судьбы, но вас выдало доброе дело.

— Единственное, которое я совершила, — и я усмехнулась. — Но я не жалею.

— Уверены? Как знать, каким вырастет этот ребенок? Возможно, он станет добрым и справедливым человеком. Но есть вероятность, что из него получится грабитель или жестокий убийца. Вы все еще уверены, что не зря нарушили планы богов?

Я не раз задавала себе подобный вопрос и теперь знала точный ответ.

— Уверена. Я могла спасти жизнь — и я это сделала.

Незнакомец невесть почему выглядел довольным.

— Очень хорошо. Именно так я и полагал.

Я не стала спрашивать его о том, что именно хорошего он услышал в моем ответе и на что рассчитывал. Куда больше меня интересовал другой вопрос.

— Чего вы от меня ожидаете?

— Помощи.

— Помощи какого рода? — настаивала я. — Не знаю, чем я могу быть вам полезна.

— Скажем так: я желаю, чтобы вы сопровождали меня в путешествии.

Мне даже показалось, будто я ослышалась.

— В любом путешествии я буду лишь обузой. Толку от меня никакого. Я не умею ничего: ни разводить костер, ни охотиться, ни варить суп в котелке.

— Этого от вас и не потребуется, — незнакомец был серьезен. — Видите ли, в данном случае мои интересы совпадают с интересами храмовников и членов Ордена. Мне нужен ваш дар.

— Если вы действительно наводили обо мне справки — а так оно, судя по всему, и было, — ехидно отозвалась я, — то должны быть прекрасно осведомлены, что я не могу воспользоваться своим даром в любой момент только по своему желанию. Иначе бы точно не впустила вас в свой дом. Видения приходят ко мне тогда, когда считают нужным.

Путник, однако же, был безмятежен. Я оказалась права: информация не была для него новой.

— Ничего страшного, — спокойно произнес он. — Мне достаточно того, что дар у вас наличествует.

— Тогда могу я полюбопытствовать, какова цель вашего путешествия?

— Вы узнаете об этом, — голос странника стал необычайно серьезен, — только когда принесете клятву на крови.

Я задумалась. Клятва на крови — дело серьезное, ее не нарушишь.

— А если я откажусь, то вы, надо полагать, выдадите меня храмовникам?

— С чего вы взяли? — мужчина был искренне изумлен. — У меня много недостатков, но подлость, смею надеяться, к ним не относится. Храмовники найдут вас сами, рано или поздно. Или же их опередит Орден. Право слово, даже не знаю, какой из вариантов хуже. Да и подумайте сами: разве не надоело вам скрываться? Вздрагивать от каждого вопроса о прошлом? Опасаться, что вас вот-вот обнаружат?

Со вздохом я призналась сама себе, что незнакомец был прав. Я желала вернуться к нормальной жизни. Но прежде чем соглашаться с его предложением, необходимо было кое-что потребовать. Во всяком случае, это было бы разумно.

— Я хочу гарантий. Вы можете мне их предоставить?

Странник посмотрел на меня, словно я сказала нечто крайне забавное.

— Я дам вам свое слово. Полагаю, этого будет достаточно?

— Слово, данное неизвестно кем? Вы всерьез считаете, что я соглашусь на такие условия?

— Отчего же неизвестно кем? — вкрадчиво спросил мужчина. — Вы, кажется, еще вчера соизволили поинтересоваться моим именем. Так вот, полностью оно звучит так — Диего Санториан дел Сторрон аль Ривенна дел Арьянте.

Куда меньшим бедствием для меня бы оказалась внезапно рухнувшая крыша моего домика. Найти новое жилье оказалось бы задачей пусть и нелегкой, но вполне выполнимой. А вот отказаться дать клятву — любую, какую ему вздумается потребовать — кузену короля мог бы осмелиться только безумец. Слухи о дел Арьянте ходили самые разнообразные, но ни один из них не повествовал о его доброте или великодушии. Мой ночной гость оказался вторым человеком после короля, между тем как злые языки утверждали, что это король,

напротив, является в собственном королевстве вторым после своего кузена. Утверждения эти произносились, как правило, шепотом и с оглядкой.

Должно быть, вид у меня был презабавный, с открывшимся от удивления ртом и округлившимися глазами, поскольку мой гость рассмеялся и сказал:

— Вам не стоит меня бояться. Ведь я провел ночь в одном доме с вами — и не причинил вам вреда.

— Я вовсе не боюсь, — выпалила я, прежде чем спохватилась и прикусила язык.

— Разве? Тогда почему у вас такой вид, словно вы никак не можете решить, что же вам предпочесть: упасть в обморок или выскочить в окно и бежать, не останавливаясь? Успокойтесь, Дара, вам ничего не угрожает. Вы ведь не против, чтобы я называл вас по имени?

— Я успела от него отвыкнуть, — ответила я, понемногу возвращая себе способность трезво мыслить.

Никаких идей о том, зачем я могла бы понадобиться королевскому кузену и в какое путешествие он намеревался меня взять, у меня, к величайшему моему сожалению, не было. Хотя к чему лукавить? Дел Арьянте мог предложить мне все, что только взбредет ему в голову — отказаться я бы все равно не посмела. «Уж лучше бы меня обнаружили храмовники,» — невесело подумала я. Даже ничего не зная о цели путешествия, в которое меня позвали столь оригинальным образом, я уже предчувствовала огромные неприятности.

— Вы предпочитаете, чтобы я называл вас Рионой? Или выберете себе иное имя? — учтиво поинтересовался собеседник. — Я обязуюсь учесть ваши пожелания.

Ответить мне помешал стук в дверь — громкий, настойчивый.

— Эй, Риона, ты там жива? Отпирай скорее, пока я не окошел.

— Лавочник, — шепнула я одними губами. — Придется открыть, не то перепугается и вовсе дверь выломает.

Дел Арьянте напряженно кивнул.

— Ух, знатный морозец! — с чувством выговорил лавочник, заходя в дом. — Сама-то ты как, Риона? Вот ведь бушевало ночью, мы уж забоялись, что вовсе без крыши останемся. А поутру моя Гална мне и велела пойти тебя проведать...

Тут он повернулся и осекся, заметив моего гостя.

— Знакомься, дядюшка Равель, — произнесла я приторно-сладким голосом. — Это Диего, мой жених.

Трудно было бы сказать, кто из двоих мужчин оказался удивлен сильнее. Лавочник поперхнулся и закашлялся, уставившись на предполагаемого жениха. У дел Арьянте лицо на мгновение вытянулось от изумления, однако же он благоразумно промолчал, даже не попробовав возразить.

— Жених, значит, — Равель озадаченно почесал в затылке. — И откуда он взялся, жених-то?

— Да вот, мириться пришел. Аккурат во время бури и явился. Не гнать же мне хорошего человека в такую погоду?

— Это да, хорошего гнать не след. Оно и плохого-то пожалеть можно, коли такое светопреставление творится, как вчера на нас свалилось. Ну, Диего, рассказывай теперь, отчего так долго мириться собирался? Риона уж здесь, почитай, больше года живет, а ты только сейчас нарисовался.

— Не надо, дядюшка Равель, — попросила я. — Сами разберемся.

— Как скажешь, — покладисто согласился лавочник. — Только вот что, парень: Риона — она девка хорошая, лучшую ты не найдешь, это я тебе как человек опытный да поживший говорю. Так что ты ее не обижай.

И он с силой хлопнул опешившего от такого обращения дел Арьянте по плечу.

— Не буду обижать, — на всякий случай быстро согласился тот. — Понимаете ли, у нас с невестой были некоторые недоразумения, но теперь мы их уладили.

— Слышь, Риона, он у тебя из благородных, что ли, будет? Вон говорит-то как складно.

Я хотела было представить новоявленного жениха писарем, но побоялась, что этой лжи не поверит даже лавочник.

— Из благородных, дядюшка Равель. Его мамаша запрещала ему на мне жениться, оттого мы и расстались.

Дел Арьянте, услышав новые подробности своей биографии, не смог сдержаться и закашлялся.

— Дела, — расстроено протянул лавочник. — Против материнской воли идти не след. Ну теперь-то она добро дала, коли ты здесь, приятель?

— А она ушла в обитель при храме Молчаливого Бога, — мстительно заявила я. — Вот Диего сразу и примчался ко мне. Правда, любимый?

— Правда, любимая.

И мужчина внезапно совершил изумивший меня поступок. Он притянул меня к себе и поцеловал прямо в губы.

— Простите, не сдержался, — пояснил он, лучезарно улыбаясь. — Все-таки я столь давно не видел свою невесту.

Первым порывом было вытереть рот ладонью, но я вовремя сдержалась, заметив, что Равель косится на меня с хитрой ухмылкой.

— Так ты теперь забереешь от нас Риону-то? — спросил он. — Жалко оно, конечно. Девка она, как я уже сказал, хорошая, воспитанная, услужливая, чем помочь — это она всегда готова, лишь намекни. В травах, опять же, разбирается, хвори лечить умеет. Ну да куда деваться, семья — она человеку всего важней.

— Вы правы, — подтвердил мой лже-жених. — И, раз уж об этом зашла речь, не подскажите ли, любезный, у кого я смогу купить парочку лошадей. Заплачу щедро.

— Подскажу, отчего не подсказать. А то и сам приведу. Когда вам надо-то? К утру сгодиться?

Дел Арьянте, видимо, рассчитывал управиться быстрее, но вынужден был согласиться.

— Отлично, договорились.

— По рукам! — азартно воскликнул лавочник.

Королевский кузен, и до того посматривавший на него с некоторым недоумением, теперь и вовсе уставился едва ли не неприличным образом. Во взгляде его промелькнуло изумление.

— Дядюшка Равель, — вмешалась я, пока дел Арьянте не принялся задавать неуместные вопросы, — выпьете с нами чаю?

— Да что я, Риона, совсем без понятия, что ли? — хохотнул тот. — Нет уж, не стану вам мешать. Пойду домой, к Галне, доложу, что ты в порядке. До завтра, господин хороший.

И он поклонился дел Арьянте, ответившему, к моему удивлению, поклоном.

Заперев дверь за утренним визитером, я повернулась к гостю, с досадой понимая, что теперь толком обсудить дело, что привело его ко мне, не получится уж точно до вечера. Но

один вопрос требовал немедленного прояснения и я без отлагательств приступила к нему.

— Зачем вы это сделали?

— Что именно? — голос дел Арьянте звучал настолько удивленно, что это даже сбивало с толку.

— Поцеловали меня.

— Так вот вы о чем! Я ведь ваш жених, разве вы позабыли? Имею я право поцеловать свою невесту?

— А как именно я должна была вас представить, не подскажете? Знакомьтесь, дядюшка Равель, этот странник — кузен самого короля, приехавший, чтобы забрать меня с собой в таинственное путешествие? Так, что ли?

— Не горячитесь, Дара... Или Риона? Я понял ваши мотивы и просто подыграл вам. Скажите лучше, то, о чем я подумал — правда?

— Откуда мне знать, о чем вы подумали? — огрызнулась я.

— Не притворяйтесь, вы прекрасно все поняли. Ваш лавочник Равель — гном?

— Наполовину, — неохотно ответила я. — По материнской линии.

— Да, потому-то я его сразу и не распознал. Забавно. Гномы — не тот народ, что приветствует смешанные браки. Как же сошлись его родители?

— Не знаю, — я ответила чистую правду. — Возможно, что дядюшка Равель и в курсе семейной истории, да вот только он предпочитает о ней помалкивать.

— А его жена, Гална, кажется?

— Человек, — сухо ответила я. — Прочие жители деревни — тоже люди.

Дел Арьянте рассмеялся.

— Я вовсе не пытаюсь выяснить деревенские тайны, Риона. Поверьте, это слишком мелко для меня.

— Охотно верю, — проворчала я.

Настроение у меня было — гаже некуда. С тоской я осматривала свой уютный домик, что некогда с такой любовью обставляла и украшала. Меньше всего на свете мне хотелось оставить его и отправиться суровой зимой в невесть какую даль с непонятной целью. Оставалось надеяться лишь на то, что путешествие наше не слишком уж затянется. Хотя, если дел Арьянте меня не обманывает, то я получу королевскую грамоту и смогу поселиться в любом месте по своему выбору. Тогда я, скорее всего, и сама не захочу возвращаться в деревеньку.

— Послушайте, Риона...

Однако же я так и не узнала, что именно хотел сказать мне мой гость — его перебил громкий стук в дверь.

— Да что же это такое? — возмутился королевский кузен.

Пришел мой черед смеяться.

— Привыкайте, — посоветовала я. — Это затянется на весь день.

И открыла двери, чтобы впустить Галну и ее лучшую подругу Марфу, слывшую первой сплетницей деревни. Гална, кругленькая, невысокая, с острым взглядом небольших карих глаз, тут же вручила мне теплый сверток.

— Пирог, — пояснила она. — С мясом и грибами, только испекла. Хотела Равелю дать с собой, да позабыла.

Я закашлялась, дабы скрыть смех. Более неудачной причины, объясняющей появление кумушек в моем доме сразу после ухода мужа одной из них, и придумать было трудно. Чтобы

Гална, славящаяся своей скаредностью («Хуже моей покойной матушки», — ворчал в недобрую минуту Равель) повсеместно и готовая удавить за медяк кого угодно, да пожелала сама испечь соседке пирог безвозмездно! Да еще и с мясом! Вот уж точно, после такого события прямо на снегу должны были бы распуститься розы. Я представила, как любопытство боролось после рассказа мужа в Галне с жадностью, и с трудом подавила очередной смешок. Кумушки тем временем бросали искоса взгляды на дел Арьянте, а тот с крайне независимым видом уставился в окно. Никакого желания общаться — и даже просто знакомиться — с деревенскими жителями не наблюдалось.

Но это он попросту не знал Галну — сбить ее с намеченной цели было невозможно. Если дел Арьянте полагал своим поведением смутить либо пристыдить лавочницу, то он крупно просчитался.

— Риона, — завела она делано-небрежным тоном, — разве ты не желаешь познакомить нас с твоим гостем?

Мне показалось, что даже кончик носа ее подрагивает от любопытства. Никакого желания знакомить деревенских сплетниц с королевским кузеном я, разумеется, не испытывала, но и заявить им об этом не посмела, поэтому вновь представила путника своим женихом, приехавшим, чтобы забрать меня обратно.

— Какая трогательная история, — расчувствовалась Марфа, услышав про бессердечную матушку «моего дорогого Диего». — Так вот почему ты поселилась у нас в деревне. А мы-то все гадали, что привело тебя сюда.

— Любовь, — глубокомысленно заявила Гална, — заставляет людей совершать различные глупости.

Дел Арьянте переменялся в лице, а я призадумалась, кого могла подразумевать достопочтенная лавочница: двоих пареньков, что устроили драку из-за ее дочери, или же собственного супруга, иной раз сгоряча заявлявшего, что женился на ней, повредившись рассудком, не иначе. Впрочем, подобные редкие заявления не мешали чете жить дружно, в любви и согласии, лишь изредка поругиваясь. Нечасто доводилось встретить столь подходящую друг другу пару.

Марфа тем временем сделала насколько шагов, будто бы намереваясь обойти дел Арьянте по кругу и рассмотреть как следует со всех сторон. Тот поспешно отодвинулся поближе к окну. А я произнесла то, что предписывали мне приличия:

— Выпьете чаю с пирогом?

Гална, не обладавшая тактом своего супруга, мигом согласилась, да и Марфа не заставила себя упрашивать. Королевский кузен последовал за ними к столу с кислым видом, не найдя предлога, чтобы покинуть нашу компанию.

— Послушай, Риона, — обратилась ко мне практичная лавочница, выбирая себе куок пирога побольше, — а дом-то ты продавать будешь?

Над этим вопросом я еще не задумывалась. Продавать дом мне вовсе не хотелось, слишком уж страшила неизвестность, а так у меня оставалось бы место, куда можно вернуться. Да и времени для его продажи не было, ведь задерживаться в деревне явно не входило в планы дел Арьянте.

— Нет, пожалуй, не буду, — ответила я. — Вы с Равелем ведь присмотрите за ним? Я заплачу вам, разумеется.

— О чем речь, дорогая девочка? Конечно же, присмотрим.

— А зачем тебе оставлять дом? — спросила более простодушная Марфа. — Чтобы было

куда удирать от мужа, ежели поссоритесь?

Сидящий рядом со мной дел Арьянте едва не поперхнулся куском пирога. Должно быть, он и представить себе не мог, чтобы его супруге — когда она у него появится, естественно — могло взбрести в голову сбежать от него в домик в деревне.

Облегчение, появившееся на лице моего гостя, стоило кумушкам наконец распрощаться с нами, было вполне объяснимо, но несколько преждевременно. Стоило мужчине напомнить мне о клятве, которую, по его разумению, мне следовало ему принести, как в дверь снова постучали. На сей раз пожаловала Карла, самозабвенная сплетница, жившая на другом краю деревни. Похоже, она обладала нюхом на различные происшествия, поскольку добралась очень уж быстро, опередив прочих любопытствующих. Должно быть, заглянула в лавку и, узнав столь важные новости, отправилась лично убедиться в их правдивости. Карла была женщиной простой, а если говорить совсем уж прямо — то бестактной и бесцеремонной. Едва переступив порог, она тут же спросила:

— Ну и где этот благородный господин, что морочит тебе голову, Риона?

— Отчего же сразу «морочит голову»? — усмехнулась я, даже не предлагая Карле присесть, дабы не затягивать ее визит.

— А как еще это назвать? — завелась женщина. — Нехороша ты, значит, для него была, пока про наследство твое не пронюхал.

Подивившись, как быстро и ловко она умудрилась извратить мой рассказ лавочнику, я, тем не менее, представила ее дел Арьянте. Карла тут же разразилась длинной и нудной нотацией, смысл которой сводился к тому, что, будь я хоть немного благоразумнее, то гнала бы эдакого женишка грязным веником да к гоблиновой матери. К моему удивлению, гость мой выслушал ее тираду молча, лишь с лица его не сходила брезгливая гримаса. Зато к появлению прочих обитателей деревни, чередой потянувшихся к моей двери, он остался уже равнодушен, смирившись с неизбежностью. Я чудом успела приготовить в кратких перерывах между этими визитами ужин. Обед нам пришлось пропустить, удовольствовавшись остатками пирога, принесенного Галной. Закрыв дверь за последним посетителем, хромым Петром, я подошла к столу, намереваясь накрывать его к ужину.

— Больше никто не придет, — сообщила сидевшему в моем любимом кресле с отрешенным видом дел Арьянте. — После ужина наносить визиты здесь не принято.

Мужчина сразу же вскочил, разом став серьезным и собранным.

— Не возражаете, если мы сначала уладим все формальности, а уже потом приступим к ужину? — и вытащил небольшой серебряный нож.

Можно было бы, наверное, заупрямиться, настоять на том, чтобы сначала поужинать, вот только это ничего не изменило бы. Он прав — лучше закончить с тягостным делом побыстрее. Вздохнув, я взяла нож и полоснула по левой ладони.

— Я, Даррана Риона Астара Намийле, клянусь Диего Санториону дел Сторрону ал Ривенна дел Арьянте во всевозможном вспомоществовании в выполнении его задания и полном неразглашении доверенных мне сведений. Так устраивает? — исподлобья взглянула на него.

— Вполне, — спокойно откликнулся дел Арьянте, забирая у меня нож. — Да, вы можете и дальше звать меня Диего. Полагаю, так будет удобнее.

— А теперь вы расскажете, что же за таинственное дело привело вас ко мне?

Дел Арьянте — Диего — ответил спокойным будничным тоном:

— Проклятие.

— Погодите, — забормотала я, пытаюсь осознать сказанное, — получается, что вас прокляли?

— Не меня, — голос его был по-прежнему спокоен, вот только слова от этого показались еще страшнее. — Короля.

Я растерялась.

— Короля? Но кто? И каким образом? И чем я могу вам помочь?

— Не все сразу, Риона, — устало произнес Диего. — Давайте поужинаем, а потом я расскажу вам то, что посчитаю необходимым.

Я ненадолго призадумалась, а потом вытащила из шкафа большую бутылку с прозрачной жидкостью и два стакана. Определенно, новые сведения требовали того, чтобы запить их чем-нибудь покрепче.

— Гномий? — уважительно спросил Диего, распечатав залитую воском пробку и приносиваясь.

— Разумеется, — я подвинула стаканы поближе. — До краев.

— Равель привез? Значит, он общается с кем-то из материнской родни?

Я пожалала плечами и отпила сразу половину стакана, закусив хрустящим маринованным огурчиком.

— Понятия не имею, насколько они ему родня. Точнее, гном гному родня в любом случае, но вот в их родословных кто угодно запутается. Возможно Равель имеет дело с пятиуродным дядюшкой по линии мужа троюродной тетушки — я его о том не расспрашивала. Не мое это дело.

— Да и не мое тоже, — гость обаятельно улыбнулся. — Просто к слову пришлось.

По мере того, как пустел бутылка, Диего казался мне все привлекательнее. Мысль о путешествии с ним вдвоем незнамо куда уже выглядела заманчивой.

— Так что там с проклятием? — спросила я, убирая посуду. — Куда мы отправляемся?

— К эльфам, — ответил дел Арьянте, проигнорировав первый вопрос.

— Куда?

Мне доводилось ранее слышать о случаях мгновенного протрезвления, но я всегда считала такие рассказы преувеличением. Однако же теперь получила прекрасную возможность убедиться в их правдивости.

— К эльфам, — безмятежно повторил Диего. — Вас что-то не устраивает?

Вероятно, хмель все же не покинул меня окончательно — только этим можно было бы объяснить мой дерзкий ответ. Если бы не выпитое, я никогда не осмелилась бы разговаривать с королевским кузеном подобным тоном.

— Да меня все не устраивает! Как именно вы собираетесь добираться до эльфов? И откуда у вас уверенность, что они пожелают нас выслушать? Эльфы вот уже несколько поколений живут обособленно, почти не общаясь с людьми. Ходят, правда, слухи, что иногда они появляются в наших городах, выдавая себя за людей. Но никаких подтверждений этому нет. А к себе они и вовсе никого не пускают. Насколько мне известно, никому еще не удалось проникнуть в Заповедную Долину.

— Никому, — спокойно подтвердил Диего. — Мы будем первыми.

— И как вы планируете это сделать?

— Увидите. Непременно увидите, всему свое время.

— Вы — самоуверенный... — и тут я вспомнила, с кем разговариваю и резко оборвала незаконченную фразу.

Дел Арьянте хмыкнул — он явно догадался, какое именно слово я так и не произнесла.

— Пожалуй, нам следует лечь спать пораньше, — заметил он. — Необходимо выспаться перед дорогой.

Спорить я не стала, поскольку поняла, что никаких новых сведений не добьюсь. Мелькнула было мысль собрать себе дорожную сумку, но надолго не задержалась. Я легкомысленно решила заняться сборами с утра. И, разумеется, проспала.

Пока я металась по дому, суматошно выхватывая те вещи, что, по моему разумению, могли бы пригодиться в странствиях, дел Арьянте договаривался с Равелем о плате за приведенных тем лошадей. В том, что лавочник свой навар получит в любом случае, я была твердо убеждена, потому слегка удивилась, когда услышала деликатный стук в дверь и вопрос:

— Риона, можешь выглянуть на минутку?

Я бросила в сумку смену белья, что как раз держала в руках, и вышла из спальни. Королевский кузен, к моему удивлению, отсутствовал.

— Что произошло, дядюшка Равель? Диего отказался платить?

— Ну уж нет, девочка, — лавочник хитро улыбнулся. — Заплатил, как миленький. Видно, лошади уж больно ему нужны. Скривился, само собой, как их увидел — он-то, небось, вовсе не к деревенским клячам привык. Но других здесь не сыщешь, нет у нас благородных скакунов. А уж каких трудов мне стоило уговорить хозяев их продать, я и рассказывать не буду — все одно не поверишь.

— Но ты-то в накладе не остался, не так ли? — осведомилась я.

— Так мне процент положен за посредничество, — важно сказал полугном. — Оно, может, делать добрые дела за просто так — хорошо и правильно, да вот только семью с такой благотворительности не прокормишь. Или скажешь, что я неправ?

— Правы, — стараясь изо всех сил сохранить серьезность, ответила я. — А меня зачем позвали?

— Попрощаться. Ты, Риона, девка хорошая, я и жениху твоему про то толковал. Жаль, что уезжаешь, да что поделать. Вот, возьми на память. Это так, пустяк, безделица, однако же гномья работа, авось тебе и понравится.

И, сунув мне в руку нечто завернутое в тряпицу, дядюшка Равель неловко обнял меня.

— Прощай, Риона!

— Глядишь, и свидимся еще, — откликнулась я.

— Риона! — в дверях показался дел Арьянте. — Ты готова? Пора выезжать.

Я натянула сапоги, надела теплый плащ и перчатки и вышла на крыльцо. Заперев дверь, протянула ключи Равелю.

— Вы уж присматривайте за моим домом, — попросила его.

— Не сомневайся, Риона, присмотрим, — кивнул тот.

А Диего уже подвел ко мне лошадь. При взгляде на нее меня разобрал смех. Раньше, в прежней жизни, я бы на такого рысака и не взглянула. А уж о том, что на подобной доходяге будет ездить сам королевский кузен, даже в шутку помыслить не могла.

— Ничего смешного, — буркнул дел Арьянте, помогая мне взобраться в седло. — В конце концов, это ненадолго.

Спрашивать о том, что он хотел этим сказать, я не стала, поскольку лавочник еще не ушел и мог заинтересоваться нашим разговором. Молча я подождала, пока Диего оседлает свою лошадь, помахала Равелю и высунувшейся из окна Галне рукой и тронула поводья. Уже

отъехав к концу улочки, не сдержалась и обернулась бросить последний взгляд на свой домик. Отчего-то в сердце поселилась уверенность, что больше я в деревню не вернусь.

Ехали мы в молчании. Лошади медленно продвигались по заснеженной дороге, ведущей в город, в котором мне бывать не приходилось. Однако же я была наслышана от Равеля обо всех населенных пунктах по соседству и знала, что лежащий к юго-западу от деревеньки городок был не так уж и мал, во всяком случае, куда крупнее того, где мне довелось спасти от смерти мальчика. Храма Молчаливого, по словам лавочника, там не было, но я все равно предпочла не рисковать. Не для того я уехала жить в такую глушь, чтобы однажды меня обнаружили храмовники и заставили-таки принять посвящение. Впрочем, дел Альянте сумел найти меня и в деревне. Но я уже решила для себя, что королевский кузен всяко лучше храмовников.

— Вы еще не проголодались, Риона? — спросил Диего, когда солнце поднялось уже высоко в небо. — Я предполагал, что мы пообедаем в трактире, однако же с нашей скоростью мы можем рассчитывать только на ужин. Одно лишь радует — он будет ранним.

Я покачала головой.

— Нет, я еще не голодна.

— Вот, возьмите, — дел Арьянте подъехал ко мне поближе. — Печенье. Вы сможете перекусить прямо в седле.

— Благодарю вас.

Я взяла угощение, но есть его не стала — не было аппетита. Просто смотрела на бесконечные заснеженные поля, мимо которых пролегал наш путь, и думала о том, как в один день поменялась вся моя жизнь, причем происходило это со мной уже во второй раз. Унылый однообразный пейзаж сменился уже ближе к вечеру, когда я наконец-то разглядела на горизонте дымок от печных труб и смутные очертания домов.

Уже смеркалось, когда мы въехали в пригород.

— Теперь нам надо туда, — махнул рукой дел Арьянте. — Так мы выедем на Гномий Тракт.

Я догадалась о причинах, побудивших королевского кузена искать трактир поближе к тому пути, по которому следовали торговцы с гномами. По Тракту ежедневно движется масса народу, городские трактиры вдоль него, как правило, переполнены, а на двух путешественников никто не обратит внимания. Диего ехал медленно, всматриваясь в вывески заведений.

— Вот здесь, — сказал он наконец, останавливая лошадь у сложенного из потемневших бревен здания с криво приколоченной вывеской, гласившей «Веселый гном».

Из дверей заведения тут же выскочил тощий вертлявый парнишка, пообещавший позаботиться о наших лошадях. Дел Арьянте уверенно зашел внутрь и мне не оставалось ничего иного, кроме как последовать за ним.

В ярко освещенной небольшой комнате, из которой вело несколько дверей и поднималась лестница на второй этаж, Диего о чем-то переговорил с полным лысоватым трактирщиком. Тот слушал его внимательно, кивая с многозначительным видом, а затем что-то быстро произнес и указал на дверь, из-за которой то и дело доносились взрывы хохота, нестройное пение и неразборчивые выкрики. Дел Арьянте подошел к указанной двери и поманил к ней меня. Делать нечего, пришлось идти за ним следом.

Войдя в большой обеденный зал с темными стенами и высоким потолком, я на

мгновение зажмурилась, поскольку его освещение оставляло желать лучшего, а глаза тут же принялся разъедать табачный дым, укутывавший все, словно туманом. Мой спутник схватил меня за руку и поволок за собой в дальний угол к столу, за которым кто-то уже сидел. Разглядеть незнакомца мне удалось, лишь когда мы приблизились. У него были светлые волосы, собранные в низкий хвост, правильные черты лица и глаза необычного светлого-карего, почти золотого цвета. Сначала мне почудилось, что он очень юн, но когда незнакомец поднял на нас взгляд, я поняла, что ошиблась — он был примерно ровесником королевского кузена.

— Наконец-то, — произнес он мелодичным приятным голосом. — Я ждал вас гораздо раньше. Вы, я так понимаю, Дара? А меня зовут Келебран. Простите, что не могу подняться и поприветствовать вас должным образом — в этом месте подобное поведение привлечет к нам излишнее внимание.

— Наша спутница предпочитает, чтобы ее называли Рионой, — пояснил Диего, помогая мне снять плащ — в трактире было жарко натоплено. — А что до твоего вопроса, то видел бы ты тех доходяг, что всучил мне деревенский делец, содрав притом за них втридорога.

Келебран рассмеялся — и смех его звучал, словно музыка.

— Неужели кому-то удалось выудить у тебя хотя бы медяк сверх разумной цены, Диего?

— Удалось одному полугному, — проворчал дел Арьянте.

— Полугном? Надо же, как интересно. Надеюсь, ты его разговорил?

— Не получилось, — с сожалением ответил Диего. — Не то слишком хитер, не то действительно ничего не знает. Однако же мы с Рионой проголодались. Предлагаю сначала поужинать, а уже потом поговорить о делах. Ты, я вижу, тоже ничего не ел, дожидаясь нас?

Действительно, перед Келебраном стояла только одинокая кружка с медовухой.

Новый знакомый согласно кивнул и поднял руку, подзывая трактирного служку. Тот сразу же подскочил к нам и замер с угодливым выражением на плутоватой физиономии.

— Скажи-ка нам, любезный, чем нынче кормят у вас на ужин? — обратился к нему блондин.

— Заячье рагу сегодня удалось на славу, — словоохотливо начал парнишка. — Еще могу порекомендовать запеченного на углях карпа, а к нему — отварной картофель со сливками. Имеется также фасолевый суп и куриные щи, но, — понизил он голос, и без того едва различимый за выкриками из-за соседнего столика, где небольшая компания сотрапезников никак не могла решить, какую же песню желают исполнить все собравшиеся, — вот их я бы на вашем месте не брал. Видать, повар был не в духе, когда их готовил, вот и вышли не слишком вкусными.

— Хорошо, — отозвался дел Арьянте. — Принеси нам рыбу с картофелем, а нашей спутнице... Что закажете, дорогая?

— Рагу, — отозвалась я, нимало не удивившись, услышав подобное обращение. — И кружку эля.

— Отлично. А нам с приятелем кувшин медовухи.

— Господин? — услужливо повернулся паренек обратно к Келебрану.

— Мне тоже рыбу. И полностью согласен с медовухой.

Вскоре на нашем столе появилась плетенка с ломтями свежего хлеба, кувшин с медовухой и две кружки: одна с элем — для меня, а вторая пустая, которую дел Арьянте тут же до краев наполнил хмельным напитком.

Подвыпившие путешественники за соседним столиком наконец-то сделали выбор и

затянули нестройными голосами песню о гноме, продававшем разбавленный самогон. Я торопливо огляделась: если кто-нибудь из представителей гордого горного народа окажется в пределах слышимости, то славного скандала, а то и доброй драки не избежать. Но, к счастью, ни одного гнома поблизости не наблюдалось.

К тому моменту, как перед нами очутились тарелки, над которыми поднимался ароматный парок, песня подошла ко второму куплету и внезапно застопорилась. Опять разгорелись жаркие споры, на сей раз о том, кто был следующим покупателем нечистого на руку гнома: не то эльф, так и не разобравшийся в тонкостях столь хитрого дела, как самогоноварение и наивно принявший разбавленный напиток за высококачественный продукт, не то гоблин, долго гонявшийся за горе-продавцом с каминной кочергой. Келебран, с заинтересованным видом прислушивавшийся к спорщикам, весело фыркнул:

— Хотел бы я увидеть столь наивного эльфа, как тот, о котором поется в песне.

— Чего ты хочешь от застольной песенки — достоверности? — пожал плечами дел Арьянте, приступая к ужину.

Я последовала его примеру и зачерпнула ложкой густое рагу. Паренек не соврал — блюдо было поистине восхитительным, а мягкие сочные кусочки зайчатины просто таяли во рту. Запив это великолепие элем, я ощутила, что смотрю на жизнь уже не столь мрачно. Если во время путешествия меня будут так кормить, то я вовсе даже и не против прогуляться к эльфам в Заповедную Долину. На дел Арьянте я теперь взглянула с уважением — умеет же человек находить правильные места. Если бы я выбирала трактир с целью поужинать, то, скорее всего, прошла бы мимо «Веселого гнома», не соблазнившись его неказистым видом. Мне бы и в голову не смогло прийти, насколько вкусная здесь стряпня. Оставалось надеяться, что и комнаты, где мы останемся на ночлег, тоже окажутся на должном уровне.

Келебран, все еще посмеиваясь, тоже приступил к своей порции, но ел без особого аппетита, видимо, был не слишком голоден. Зато по части медовухи он не отставал от Диего. Мне стало интересно, влияет ли хмель на разговорчивость нового знакомого? В том, что на дел Арьянте даже гномий самогон не действует, я уже имела возможность убедиться вчера. Быть может, красавчик с отливающими серебром волосами окажется более разговорчивым? Хотя надежда была, прямо сказать, слабенькая — болтливого спутника Диего вряд ли взял бы с собой.

Компания за соседним столиком, вдоволь наругавшись, принялась за следующую песню, о любви прекрасной юной девы к жестокому оборотню. Некоторые строки приводили меня в смущение, что, как мне показалось, веселило моих спутников. Разозлившись, я быстро прикончила рагу, одним махом допила остатки эля и откинулась к стене, скрестив руки на груди с демонстративно скучающим видом. Диего прекрасно понял намек.

— Ну что же, — сказал он с сожалением, — как бы мы ни желали дослушать сей шедевр народного творчества, но наша спутница устала. Пойдем, друг.

Вставая, Келебран бросил на стол несколько серебряшек, за которыми тут же бросился служка. Мы вышли из зала и поднялись по крутой лесенке на второй этаж.

— Я снял две комнаты, — пояснил Келебран. — Одну — для нас, другую — для Рионы. Кстати, мы уже пришли.

И он протянул мне ключ, указав на дверь.

— По-моему, мы собирались после ужина кое-что обсудить, — напомнила я.

— Мы? — переспросил Диего насмешливым тоном.

Его приятель успокаивающим движением положил ему руку на плечо.

— Риона права, ей тоже нужно знать, каким образом мы будем добираться до цели нашего путешествия.

Дел Арьянте посмотрел на меня с сомнением, но возражать не стал. Блондин между тем отпер дверь комнаты по соседству с моей и сделал приглашающий жест:

— Прошу!

Я вошла и сразу же вспыхнул огонек небольшой лампы. Его свет был неяркий, но вполне достаточен для того, чтобы как следует осмотреться. Комната небольшая, но чистая, с добротной сделанной мебелью. Две кровати у противоположных стен, стол, два крепких табурета и небольшой шкаф — ничего лишнего. Узенькая дверца вела, должно быть, в умывальню. Я села на один из табуретов, Диего занял другой, а Келебран, нимало не смутившись, растянулся на кровати.

— Итак, — начал он, устроившись поудобнее и закинув руки за голову, — мне удалось раздобыть еще одну неплохую лошадь.

— Неплохую? — с нескрываемой иронией переспросила я. — Еще одну?

Меня нельзя было назвать великой лошадицей, но на неплохих лошадях те доходяги, на которых мы добрались до «Веселого гнома» никак не тянули. К моему удивлению, мужчины расхохотались.

— Риона, — немного отсмеявшись, спросил дел Арьянте, — неужели ты всерьез полагаешь, что до твоего дома я добирался пешком?

Я вспыхнула, ощутив себя невероятно глупой и наивной. Конечно же, эти двое подъехали к деревне верхом, а потом Келебран отправился поджидать Диего в заранее условленном месте, прихватив с собою лошадь приятеля.

— Так вот, — безмятежно продолжал Келебран, — лошадь для Рионы я купил, от ваших, как ты, друг мой, изволил выразиться, доходяг мы избавимся без труда, если только ты, разумеется, не захочешь остаться без убытков и вернуть себе все потраченные на них деньги до последнего медяка.

— Не то, чтобы меня это сильно радует, но я готов даже подарить их любому желающему, — сквозь зубы процедил Диего. — Кстати, у меня сложилось впечатление, что продавший их мне полугном привязался к Рионе. Во всяком случае, отзывался он о ней весьма тепло.

— Вот как? — среброволосый смотрел на меня со все возрастающим интересом. — Значит, я был прав, настаивая на ее участии в нашем походе.

Услыхав эти слова, я устремила вопрошающий взгляд на дел Арьянте. Получается, взять меня с собой было вовсе и не его идеей?

— Это действительно придумал Келебран, — буркнул Диего, правильно поняв мой взгляд и отвечая на незаданный вопрос. — Я-то полагал — и полагаю, честно признаться, до сих пор — что нам с ним попутчики не нужны. Нам не впервой работать вдвоем. Мы бы добрались до Заповедной Долины, не привлекая к себе излишнего внимания. Но отчего-то мой приятель, стоило ему услышать о разыскиваемой храмовниками Молчаливого провидице, загорелся желанием прихватить в наш поход и вас.

— У тебя еще будет возможность убедиться в том, что я прав, — мягко заметил Келебран, обращаясь к другу. — Разве чутье хоть раз подводило меня?

Похоже, этот вопрос они обсуждали уже много раз. И, поскольку дел Арьянте уже дал согласие и даже вынудил меня поехать с ними, очередное пререкание уже ничего не

изменит.

— Хотя то, то Риона способна поладить с гномами, лишним точно не будет, — задумчиво произнес Диего.

Меня порядком раздражало то, что они говорили обо мне так, словно меня в комнате не было. Однако же я благоразумно не выказывала своего недовольства — с такими людьми, как дел Арьянте и его приятель ссориться выйдет себе дороже. Пусть я и не знала, кем являлся Келебран, однако же он был далеко непрост, а слабый всплеск дара и вовсе подсказывал, что блондин весьма опасен. Но повторное упоминание гномов привело меня в недоумение и я решилась спросить:

— Разве мы отправляемся не к эльфам? Причем здесь гномы?

— К эльфам, разумеется. Но просто так в Заповедную Долину не попадешь, вход в нее давно закрыт для смертных. Поэтому мы завтра выедем по Гномьему Тракту. Дорога будет достаточно легкой, ведь это широко известный торговый путь, им пользуются многие. Потому первую часть нашего путешествия можно даже счесть приятной — ночлег под крышей и горячий ужин нам обеспечены.

Я не могла бы сказать, что слова Диего меня не обрадовали (всяк порадуется легкому и приятному пути), но меня насторожило упоминание о первой половине. Раз есть первая, следовательно, подразумевается, что будет и вторая — и, похоже, она-то и окажется далеко не легкой и приятной. Думать об этом не хотелось, тем более, что избежать любой дороги, какую бы ни выбрал дел Арьянте, мне бы все равно не удалось. А вопрос с гномами прояснить следовало.

— Но Гномий Тракт именуется так вовсе не потому, что вдоль него живут гномы, — продолжала настаивать я, — а потому, что он ведет к гномам. Так причем здесь моя способность ладить с кем бы то ни было? С эльфами я вовсе не знакома, а в путешествии нам придется иметь дело в основном с людьми.

— А мы сначала заглянем к гномам, — абсолютно безмятежным тоном, словно нечто само собой разумеющееся, сообщил Келебран. — Вот тут-то, дорогая Риона, ваше умение и пригодится. Гномы, сами знаете, народ недоверчивый, любят они мало кого. Меня вот и вовсе недолюбливают.

И он усмехнулся.

— Ко мне они особой антипатии не испытывают, — добавил Диего. — Впрочем, как и симпатии. Так что, возможно, ваше присутствие действительно будет нам на пользу. Нельзя с уверенностью утверждать, что все гномы отнесутся к вам подобно вашему соседу, но вы определенно умеете произвести на этот народ впечатление. Не может ли это быть таким себе побочным эффектом вашего дара?

— Понятия не имею, — мрачно отозвалась я. — Я, видите ли, знаю о своем даре чрезвычайно мало. И, как вы могли уже догадаться, вовсе не стремлюсь узнать побольше — иначе не потрудилась бы сбегать от любезных господ храмовников.

— Ваше нежелание тесного общения с этими господами вполне понятно, — заметил Диего. — Итак, Риона, достаточно ли мы посвятили вас в свои планы?

Я твердо взглянула ему в глаза.

— Нет, не достаточно. Однако же теперь я, по крайней мере, имею представление о том, куда мы направляемся. Полагаю, о цели визита к гномам вы мне все равно не скажете?

— Вы и сами все узнаете в свое время, Риона, — улыбаясь, проговорил Келебран. — И не сердитесь на Диего, прошу вас. Он и своей-то тени не доверяет.

Сам Келебран тоже излишне доверчивым никак не выглядел, но я опять предпочла держать свои мысли при себе.

— Раз так, господа, то позвольте мне оставить вас. Утром, если не ошибаюсь, нас ожидает ранний подъем? Покойной ночи.

— Покойной ночи, — откликнулись мои спутники.

Очутившись в коридоре, я не спешила отпирать свою комнату, потоптавшись некоторое время возле двери своих попутчиков. Однако же, несмотря на все мои усилия, расслышать мне ничего не удалось. Вздохнув, я отправилась спать. Как ни крути, но Келебран был прав — всему свое время.

Устраивая плащ на вешалке в шкафу, я вспомнила о подарке дядюшки Равеля и вытащила небольшой тряпичный сверток из кармана. Что же за безделицу он подарил мне на память? Развернув мягкую ткань, я невольно залюбовалась подарком. Крупный прозрачный кристалл оплетала причудливая вязь из неизвестного мне металла. Из него же была сработанна и цепочка, на которой полагалось носить украшение. Его нельзя было назвать изящным или изысканным, но оно невольно притягивало взгляд. Чудилось, будто в глубине кристалла вспыхивают и подмигивают мне разноцветные искорки. Подивившись, отчего Равель подарил безделушку мне, а не отдал ее дочери, я надела кулон на шею и спрятала под платье. Там, где камень прикоснулся к коже, разлилось приятное тепло. Гномья работа, вспомнила я. Интересно, это просто украшение или же оно несет в себе какой-нибудь тайный смысл? Надо будет попробовать осторожно выведать у гномов.

Дневные события порядком утомили меня, потому стоило мне, умывшись и раздевшись, укутаться в одеяло, как я сразу же уснула. А наутро никак не смогла припомнить, что же именно мне снилось. Зато и проснулась я рано, и даже спустилась к завтраку немногим раньше своих спутников.

Основательно подкрепившись, мы направились к конюшне, где содержались кони постояльцев. Келебран подвел ко мне гнедую лошадь, рядом с которой та, на которой я прибыла вчера, смотрелась бы не просто доходягой, а почти что полутрупом.

— Ее зовут Песня, — пояснил мне попутчик.

— Прежний хозяин, видать, обладал фантазией, — съехидничала я, протягивая Песне кусочек сахара на раскрытой ладони.

— Не все ли равно? — пожал плечами услышавший мои слова Диего. — Имя не имеет особого значения, главное — на ней ты не отстанешь от нас.

— Пожалуй, что так, — откликнулась я.

В молчании мы выехали на Гномий Тракт и двинулись по направлению к Горному Королевству. Спутники мои смотрели прямо перед собой и погрузились каждый в свои мысли. Я тоже с ними не заговаривала, предавшись воспоминаниям...

Глава 3

Детство мое прошло в предместье столицы. Небольшой домик нашей семьи стоял на чистой узкой улочке среди таких небольших нарядных домиков, крытых черепицей веселого красного цвета. Люди там жили небогатые, зато веселые и трудолюбивые. Судя по обрывочным детским воспоминаниям, можно было бы утверждать, что родилась я совсем в ином, куда более богатом доме. Да и скандалы, время от времени вспыхивающие между родителями, только подтверждали эти догадки. Мать иной раз упрекала отца в том, что он умудрился пустить по ветру почти все состояние, доставшееся ему от деда. Позднее, когда я немного повзрослела, наряжая меня в миленькие платьица, отделанные узенькими полосками кружева или же атласными лентами, несчастная женщина сокрушалась, что не может позволить себе купить для дочурки такие же наряды, в которых некогда красовалась сама. Я по малолетству своему не понимала ее слез и вздохов. Светлые платьица, надеваемые по праздникам, накладывали на меня немалые ограничения: в них нельзя было прыгать, бегать, играть в прятки с соседскими детьми. Кстати сказать, дружба наша матерью не одобрялась и не поощрялась. Неоднократно слышала я от нее, что мне негоже водиться со своими приятелями, поскольку они не принадлежат к нашему кругу. И при этих словах представлялся мне четко очерченный жирной меловой чертой круг, в котором бедная моя родительница находилась в одиночестве, поскольку у нее самой никаких друзей и вовсе не было. С соседями нашими она разговаривала неизменно вежливо, но и от слов ее, и от самого выражения лица так и веяло прохладой. Отец приходил домой поздно, а в выходные норовил улизнуть куда-нибудь под любым предлогом. В отличие от своей супруги, он обзавелся приятелями, как я впоследствии узнала, жалевшими его и из-за сварливой жены, и из-за неудач, некогда преследовавших его в азартных играх. Огромное состояние, доставшееся молодому тогда мужчине после смерти родителей, почти полностью пошло на уплату долгов. На оставшуюся скудную сумму моя семья купила тот самый домик, в котором прошло мое детство, и кое-как пыталась свести концы с концами. Соседи наши, впрочем, почитали нас за богачей, ведь у мамы оставались ее чудесные наряды и некоторые милые сердцу вещицы, перевезенные из старого дома — их мать любила слегка поглаживать, проходя мимо, и взгляд ее в такие моменты затуманивался. Помимо того, мои родители наняли прислугу. И пусть мама причитала, что иметь всего одну служанку — невыносимый позор, прочим соседям такое казалось роскошью и излишеством, ведь только лишь мой отец ходил на службу, а жена его целыми днями находилась дома и, по мнению прочих обитателей нашего квартала, вполне могла бы заниматься домашними делами и сама. Но мнение соседей маму нисколько не трогало. Прежние ее приятельницы, видимо, не захотели знаться с ней, когда она обеднела, а возможно, что и сама она разорвала с ними всяческие отношения, стыдясь своих новых жилищных условий. Новых же друзей, как я уже упоминала, она заводить не пожелала.

Меня она обучала всему тому, чему некогда учили ее саму и что требовалось знать девушке из дворянской семьи. Мои друзья посмеивались из-за этого надо мной, но совсем беззлобно. И все же я ощущала не благодарность за даруемые мне знания, а досаду.

Первый проблеск дара проявился, когда я была совсем еще ребенком, причем я тогда даже не смогла осознать случившегося. Просто внезапно почувствовала настоящую потребность встать с лавочки под старым деревом, где столь любила учить заданные мамой

уроки. Немного посопротивлявшись неприятным ощущениям, я все-таки поднялась и отошла на пару шагов — и тот час же на лавочку с неприятным треском рухнула внезапно обломившаяся толстая ветка. Но в ту пору я была еще слишком мала, чтобы придать этому случаю какое-либо значение.

* * *

...Я настолько погрузилась в воспоминания, что не смогла сразу уловить тревожное настроение своих спутников. В реальность меня вернул резкий выкрик Диего:

— Келебран!

Светловолосый красавец приподнялся в стременах и, как мне показалось, принюхивался к дующему нам в спины ветру. Происходило что-то неладное. Сердце сжала смутная тревога, а кулон, подаренный дядюшкой Равелем, нагрелся так сильно, что, казалось, обжигал нежную кожу груди.

Наконец Келебран опустил в седло и тут же пришпорил своего коня.

— Быстрее! — донесся до меня его возглас, уносимый ветром в противоположном направлении — блондин ехал впереди меня.

Без долгих рассуждений мы с дел Арьянте тоже заставили своих лошадей перейти в галоп. Широкая дорога уже миновала укутанные искрящимся на солнце снегом поля и теперь шла через густой лес.

— Мы могли бы свернуть, — закричал Диего, догоняя товарища, — и укрыться в лесу.

— И нас быстро нашли бы по свежим следам на снегу, — в голосе Келебрана явственно ощущалась насмешка.

Я не стала спрашивать, кого они опасаются и от кого желают скрыться. У меня имелись сильные подозрения, что, даже если бы мне соизволили ответить, то этот ответ не смог бы меня порадовать и уж точно не привел бы в восторг. Да и горло от волнения перехватило так, что на крик я способна не была и мой голос никто из попутчиков не расслышал бы за свистом ветра.

Лес, столь тихий и мирный, безмолвно спящий, укрытый белым покрывалом, теперь показался мне пугающим и недобрым, а отсутствие прочих путников в поле зрения — дурным знаком. Снег на дороге был основательно утоптан, что позволяло нам продвигаться вперед довольно быстро, однако же и неведомые силы, что преследовали нас, тоже не имели никаких препятствий. Отчего-то очень важным мне показалось выехать из леса, но темные стволы вековых деревьев по обе стороны тракта росли, казалось, все гуще, сплетаясь ветвями. Кое-где ветви эти, согнувшиеся под тяжестью снега, нависали над дорогой, закрывая от нас солнце. И стоило мне только лишь на мгновение очутиться в их тени, как меня пробрал озноб, в котором я и протряслась до самой опушки.

Внезапно конь Келебрана замедлился, переходя на рысь, а после и вовсе на шаг. Мы с Диего последовали примеру нашего спутника и тоже осадили лошадей.

— Ты что-то почуял? — тревожно спросил дел Арьянте.

— Торговый обоз, — ответил Келебран. — Мы скоро его нагоним. Народу там достаточно, чтобы мы могли быть спокойны.

Я приложила ладонь к глазам, прикрывая их от солнца, и всмотрелась вдаль. Ничего — только белая полоса дороги среди постепенно редящих черных стен леса. Затем

попыталась прислушаться, но не смогла уловить никаких посторонних звуков, словно во всем мире остались только мы втроем. Окружающий нас лес будто вымер — ни потрескивания веток, ни шороха опадающего снега. В который раз за короткий отрезок времени мне стало не по себе. Желая прогнать противный липкий страх, я нарочито насмешливо спросила:

— Как ты смог это определить? Разве что у тебя в роду были эльфы и твои зрение и слух намного превосходят человеческие.

В том, что Келебран предпочел проигнорировать мое замечание, не было ничего удивительного. Признаться, я и не ожидала от него ответа. А вот настороженные мрачные взгляды, которыми обменялись мои попутчики, меня немало озадачили.

Впрочем, то, что у моих спутников имелось немало секретов, тайны для меня не представляло. Часть из них волей-неволей окажутся раскрытыми за время нашего путешествия, прочие же... Так ли уж необходимо было мне знать о них? Подобные знания, как правило, бывали чрезвычайно вредны для их обладателя.

Келебран оказался прав — спустя всего несколько минут даже я смогла разглядеть медленно ползущие по дороге черные точки. Тракт, выведя нас из леса, изогнулся широкой дугой, так что нам, дабы догнать путешественников побыстрее, следовало вновь перейти на рысь, иначе таинственные преследователи могли настичь нас быстрее, чем мы — купцов. Однако же опасения мои оказались напрасны. Как я не озиралась, опасаясь погони, на горизонте никаких силуэтов так и не появилось.

Подводы мы нагнали, уже когда солнце медленно начинало сходить с небосвода, наливаясь багрянцем.

— Ветрено завтра будет, — заметил пожилой длиннородый торговец, прищурился глаза в густой сеточке морщин. — Так вы говорите, что тоже держите путь в Горное Королевство?

Я предусмотрительно предпочла отмалчиваться, предоставив право говорить мужчинам. Из рассказа Диего я уже без особого удивления узнала, что являюсь его женой, а вот блондин приходится мне братом. Только лишь усмехнулась про себя — за фамильное сходство разве что отдаленно похожий цвет волос принять можно, однако же у купцов рассказ дел Арьянте ни удивления, ни подозрений не вызвал.

— Да, по личному приглашению многоуважаемого Громмыша, — важно подтвердил Диего.

Торговцы, услышавшие его слова, многозначительно переглянулись. Кем бы ни был сей неведомый мне Громмыш, они о нем явно имели представление, стало быть, гномом он являлся не из последних.

— Ну а мы, как вы, господа хорошие, уже, должно быть, догадались, по делам торговым, — вставил второй купец, помоложе, но тоже с окладистой бородой. — Горной слезы прикупить да каменьев всяких. Ну и еще кой-чего по мелочи.

И торговцы разом ухмыльнулись, так что всем стало ясно — именно это «кой-чего по мелочи» и является основной целью их путешествия. Но меня, как и моих спутников, их секреты занимали мало. Я некоторое время лениво размышляла, отчего все торгующие с Горным Королевством были бородатыми — неужели чтобы больше походить на гномов? Борода лавочника Равеля казалась мне само собой разумеющейся деталью его внешности, учитывая его происхождение, а наши нынешние попутчики были все-таки людьми.

За разговорами мы и не заметили, как въехали в пригород.

— Скажите, уважаемый Колин, — обратился дел Арьянте к старшему из торговцев, —

какое достойное заведение вы могли бы порекомендовать нам для ночлега?

— Сами мы всегда в «Охотнике» останавливаемся, — неспешно проговорил седовласый бородач. — Пожалуй, что и вам подойдет. Солидно, но вовсе и недорого. А утречком вместе и выехать сможем.

— Да, пожалуй, так и поступим, — согласился Диего.

«Охотник» действительно выглядел солидно — лучшее слово, дабы охарактеризовать его, подобрать было бы затруднительно. Приземистое длинное одноэтажное здание, оббитое бревнами снаружи, с темно-зеленой крышей и ставнями и ажурными резными перилами крыльца. Трактирщик встретил нашу компанию, словно родных и близких людей, что, на мой взгляд, свидетельствовало о том, что господин Колин и его приятели были клиентами постоянными и любимыми, стало быть, оставляющими, несмотря на внешнюю прижимистость, крупные суммы. От совместного ужина, к моему глубочайшему изумлению, Диего и Келебран отказались. Более того, дел Арьянте настоятельно попросил трактирщика не беспокоить нас, многозначительно подмигнув ему и демонстративно положив руку мне на талию. Я скрипнула зубами, однако же смогла придать лицу смущенное выражение. Блондин тоже заверил, что ни в чем не нуждается и сослался на сильную усталость. Трактирщик выглядел несколько разочарованным, однако же ни спорить, ни настаивать на ужине для новых постояльцев не стал. Служка сопровождал нас в комнаты, причем меня, ради поддержания легенды, поселили вместе с Диего. Стоило пареньку оставить нас, я взялась за дверную ручку, уверенная, что Келебран охотно поменяется со мной местами, но Диего жестом показал, чтобы я отошла от двери. Заинтересованная и встревоженная, я присела в кресло и принялась наблюдать за моим лже-мужем. А тот повел себя на редкость странно. Сначала на цыпочках подошел к двери и приложил к ней ухо, затем так же бесшумно проскользнул к окну. Свет при этом он зачем-то погасил. Осторожно распахнув ставни и оконную раму, он свесился вниз, а когда наконец выпрямился, то подозвал меня к себе.

— Сейчас я сброшу наши сумки наружу, — пояснил он. — Потом помогу выбраться вам. Келебран уже внизу, он поможет вам спуститься.

Я смогла бы справиться и без посторонней помощи, особенно если учесть, что окно располагалось не так уж и высоко над землей, но спорить не стала. Диего посадил меня на подоконник и почти сразу же меня подхватили руки Келебрана. Мне показалось, что они сжали мою талию чуть крепче, чем требовалось, а отпустили несколько позже. Отстранившись, я попыталась разглядеть выражение лица блондина в неверном лунном свете — оно было невозмутимо. Дел Арьянте, выскользнувший в окно подобно быстрой неслышимой тени, захлопнул ставни и, вытащив нож, провозился с ними недолгое время.

— Вот и все, — объявил он шепотом. — Теперь ставни заперты изнутри.

Я изумленно смотрела на него, поскольку никак не ожидала навыков, которые более пристали бы опытному домушнику, у королевского кузена. Если так пойдет и дальше, то к концу нашего путешествия не найдется в этом мире ничего, способного меня удивить.

— Куда мы теперь? — едва слышно спросила я у мужчин, подхвативших сумки. — За лошадьми в конюшню?

— Зачем? — безмятежно откликнулся Диего, быстро шагая по направлению к сиявшему яркими огнями двухэтажному строению. — Мы переночуем вот в этом заведении.

— Но это же... Это же — веселый дом, — задыхнулась от возмущения я.

— Вот именно. Потому никому не придет в голову искать нас там. Правда вам, дорогая Риона, опять придется лезть в окно. Справитесь? — скептически спросил у меня дел

Арьянте.

Я молча кивнула, будучи настолько ошарашенной, что слов для ответа у меня попросту не нашлось.

— Давай я пойду один, — внезапно предложил Келебран. — А ты поможешь Рионе.

— Я тебе точно не нужен?

— Не суди всех по себе. Мне, между прочим, дружеская помощь в общении с девками не требуется, — высокомерно ответил блондин и тут же прибавил, взглянув в мою сторону. — Простите, Риона. Иногда трудно сдержаться и не подколоть приятеля. Не обращайтесь на нас внимания.

Воспитание, полученное от матушки, требовало от меня единственно возможного ответа.

— Простите, — откликнулась я рассеянным тоном. — Вы что-то сказали? Я задумалась и не расслышала.

Келебран скрылся в дверях заведения, а мы притаились неподалеку. Потянулись томительные минуты ожидания, каждая из которых казалась мне едва ли не часом. Наконец одно из окон второго этажа распахнулось и из него выглянул наш спутник. Слегка пошатываясь и вцепившись пальцами в подоконник, он свесил голову и несколько раз мотнул ее из стороны в сторону. Затем поведение его внезапно переменялось. Он выпрямился, а из окна по стене скользнула веревка.

— Свободно, — шепнул мне Диего. — Попробуйте подняться.

С этой задачей я справилась довольно легко. Кладка стены не отличалась идеальной ровностью, так что перебирать по ней ногами не составило труда. А когда я добралась до подоконника, Келебран затащил меня внутрь. Я с любопытством огляделась. Никогда прежде бывать в подобных заведениях мне по вполне понятным причинам не доводилось, да и вряд ли когда еще придется, потому хотелось воспользоваться представившейся возможностью и хорошенько все рассмотреть. Комната была не очень большая и почти все пространство ее занимала огромная кровать под алым покрывалом. На столике у кровати я заметила какие-то непонятные предметы, о предназначении которых не могла даже догадаться, но подойти поближе мне не позволило неподдельное на сей раз смущение. Возможно, будь я одна, то и рискнула бы (да что скрывать — точно бы рискнула), но в присутствии мужчины, пусть и занятого в данный момент тем, что осторожно поднимал в окно на веревке наши сумки, подобное поведение не представлялось возможным. И продолжила осмотр, не сходя со своего места. Обилие зеркал поразило меня. Одно большое зеркало было на стене напротив кровати, а другое, совсем огромное — на потолке. Подивившись чужой фантазии, я только покачала головой. Помимо уже упомянутого столика, из мебели в комнате еще наличествовала узкая кушетка. Неприметная дверь вела, должно быть, в умывальню.

Тем временем дел Арьянте ловко перебрался через подоконник и захлопнул окно.

— Премилое местечко, — проговорил он, оглядываясь. — А где его обитательница?

Келебран пожал плечами.

— Понятия не имею. Я дал ей денег и велел не показываться здесь до утра. По-моему, она была несколько разочарованная таким поворотом событий, однако же послушалась. Здесь не принято задавать лишних вопросов.

— Возможно, — ухмыльнулся Диего. — Тебе лучше знать местные нравы.

Келебран насупился, но в ответ ничего не сказал.

— Нужно укладываться спать, ведь вставать нам рано, — как ни в чем не бывало продолжал дел Арьянте. — Хорошо еще, что постройка здесь основательная и нам не будут мешать ни шум с первого этажа, ни... гм, отдыхающие из комнат по соседству. Риона, с какой стороны кровати вы предпочитаете спать?

— Что? — вскинулась я. — Уж не хотите ли вы сказать, что мне предстоит разделить постель с вами?

— Не хочу, а говорю, — поправил меня Диего. — Полноте, да не смущайтесь вы так. На этом роскошном ложе мы превосходно разместимся втроем. Хотя, разумеется, наш друг может переночевать и на кушетке — я возражать не буду.

— Не дождешься, — беззлобно возразил Келебран.

— На кушетке буду спать я, — отрезала я.

— Подумайте хорошенько, Риона, — мягким тоном искушал меня дел Арьянте. — Кушетка маленькая и узкая, да еще и наверняка жесткая и неудобная. Заверяю, что ни у кого из нас нет по отношению к вам бесчестных намерений. Я даже согласен положить между нами кинжал.

— Да я сама о него порежусь спросонья, — возмутилась я.

Диего еще некоторое время пытался уговорить меня, но я осталась непоколебима. И пожалела о своем решении почти сразу, стоило мне устроиться на кушетке, завернувшись в покрывало. Королевский кузен был прав — более неудобное ложе и представить было себе трудно. Малейшая попытка повернуться оборачивалась угрозой оказаться на полу, потому лежать мне пришлось неподвижно, да еще и слегка согнув в коленях ноги, поскольку для того, чтобы вытянуться во весь рост длины моей импровизированной постели не хватало. Кое-как мне удалось уснуть, но сон мой был беспокоен, а проснувшись я осознала, что с трудом могу пошевелиться — все тело затекло и немилосердно болело от малейшего движения.

Зато мои спутники, похоже, очень даже неплохо выспались. Я хмуро наблюдала за тем, как они, негромко переговариваясь, выглядывают из окна, а затем опускают веревку. Дел Арьянте перелез через подоконник и исчез, следом Келебран спустил ему наши сумки, а уже за ними последовала я. Сам же везунчик-блондин вышел, как и полагается порядочным людям, через парадную дверь. Ночная тьма начинала понемногу сереть — верный признак того, что вскоре на востоке небо и вовсе посветлеет. Мы быстро добрались до трактира, чтобы успеть влезть в окна незамеченными. На сей раз меня подсадил Келебран, опять словно невзначай прижав к себе на мгновение, а дел Арьянте помог забраться в окно. Вид у него был напряженный.

— У нас были гости, — сообщил он.

Я осмотрелась. На мой взгляд, в комнате ничего не изменилось, разве что дверь в умывальню была закрыта неплотно. Однако же я отчего-то даже и не подумала усомниться в словах Диего, сразу же поверив ему. Раздался короткий стук в дверь.

— Это Келебран, — бросил дел Арьянте, отодвигая тяжелый засов.

Действительно, на пороге стоял наш светловолосый приятель.

— Ну что? — отрывисто спросил он. — У вас тоже побывали?

— Разумеется, — недобро усмехнулся Диего. — Оставайтесь здесь, а я пойду кое с кем потолкую.

Отсутствовал он недолго. Как оказалось, трактирный служка не заподозрил ничего неладного, когда вчера к нему обратился некий мужчина и, подкрепив свою просьбу

золотым, поинтересовался, не останавливалась ли у них молодая светловолосая женщина с зелеными глазами, предположительно, путешествующая с женихом-брюнетом. Недалекий паренек охотно рассказал щедрому незнакомцу, что вчера он, действительно, видел похожую путницу, только сопровождали ее муж и брат. И даже сообщил номера наших комнат. Неизвестный размышлял некоторое время, а потом покачал головой, сказав, что эта женщина, судя по всему, не та, которую он ищет, и удалился. А парнишка и думать бы забыл об этом разговоре, если бы не золотой, гревший ему душу.

— В связи с этим возникает вопрос, — задумчиво протянул Келебран. — Эти люди — а я уверен, что у таинственного незнакомца имелись сообщники — действительно разыскивают Риону или это просто была своего рода хитрость, дабы не спрашивать о нас напрямую?

— Если они упомянули о женихе, — сказал Диего, — значит, уже успели побывать в той деревне, где жила Риона. Вряд ли это служители Молчаливого — не их методы. Куда больше похоже на...

— Членов ордена, — едва выговорила я враз помертвевшими губами.

К моему глубочайшему удивлению, Диего и Келебран переглянулись с кривыми ухмылками.

— Хорошо бы, если так, — произнес блондин.

— Значит, вы планируете отдать меня ордену? — с трудом веря услышанному, спросила я.

Но дел Арьянте только покачал головой.

— С чего ты взяла, Риона? Наш друг подразумевал, что члены ордена — это не те враги, которых нам следует опасаться. Вот увидишь, если нам доведется с ними столкнуться, мы им быстро объясним, что от тебя лучше держаться подальше.

Слова его, с одной стороны, меня успокоили, раз уж мои спутники намеревались вступить за меня перед орденом, с другой же... Кто же такие их таинственные недоброжелатели, способные заставить себя опасаться самого королевского кузена? Похоже, что я все-таки умудрилась влипнуть в крупные неприятности, ведь враги Диего и Келебрана автоматически стали и моими врагами — во всяком случае, до тех пор, пока путешествие наше не подойдет к концу. И судя по всему, ничего хорошего лично мне это времяпровождение не сулит. Однако отказываться уже поздно — я не просто дала согласие, но принесла клятву на крови, а такими вещами шутить не следует. Да и отказать дел Арьянте без пагубных последствий представлялось мне невозможным — такие люди отказов не прощают. Мне еще сильно повезло, если ночью он сказал правду и ни он сам, ни его друг не будут претендовать на мое внимание, потому как в противном случае моему положению точно не позавидуешь.

— Пойдем завтракать, — позвал Келебран. — Кто бы ни искал нас ночью, с ним мы разберемся потом. А пока не мешало бы как следует подкрепиться перед дорогой.

В большом зале мы присоединились к вчерашним купцам, уже увлеченно поглощавшим яичницу со шкварками и оладьи с медом.

— Ну как, удалось выпасться? — Колин подмигнул дел Арьянте, намекая, по-видимому, на наш статус молодоженов.

— Да, благодарю, — отозвался тот невозмутимым тоном. — Полагаю, мы выезжаем сразу после завтрака? Или у вас есть какие-то дела в этом городе?

— Да какие здесь дела? — недоуменно пожал плечами торговец. — Вот перекусим как

след да и дальше тронемся. А вы, стало быть, с нами?

— Вместе дорога веселее, — пояснил Келебран.

— Так оно и есть, — согласился Колин, поглаживая бороду, в которой уже промелькивала первая седина. — Завсегда интересно поболтать с людьми знающими, а вам, сразу же видать, немало довелось-то постранствовать. Вот и расскажете, где чего видали да слышали.

— Непременно, — пообещал блондин.

Рассказать-то, быть может, и расскажет, подумалось мне, вот только будет ли в его рассказе хоть слово правды? Впрочем, к моим делам этот вопрос точно не относился. Да и торговцам, если подумать хорошенько, важно было просто скоротать время в пути, а никак не узнать жизненную историю попутчика.

Служка, то и дело бросая на дел Арьянте настороженные взгляды, с опаской приблизился к нашему столу. Вероятно, мой «муж» все-таки не удержался и сделал ему внушение, дабы отбить охоту распускать язык, пусть даже и при виде туманящего разум золотого. Перед нами оказались исходящие паром миски с кашей, обильно сдобренной маслом, аппетитно пахнувшая яичница и большое блюдо с горкой золотистых оладий — видимо, завтрак в заведении подавался стандартный. Вспомнив о том, что поужинать мне так и не довелось, а на обед вчера пришлось довольствоваться сушками, я увлеченно приступила к поглощению пищи. Мои спутники от меня не отставали, а то и, пожалуй, опережали, так что я с некоторой тревогой поглядывала на все уменьшающееся количество оладий на блюде. Наконец, не утерпев, стащила несколько штук себе на тарелку с остатками яичницы и полила растопленным медом.

— За вами не угонишься, — пробурчала в ответ на веселое хмыканье Диего.

Купцы к тому моменту уже покинули нас, пообещав дожидаться во дворе. Да и то сказать, нам-то для сборов требовалось куда меньше времени, нежели им.

— Вы бы просто попросили, Риона, и мы бы оставили вам столько оладий, сколько вы пожелали, — добродушно произнес Келебран, разливая по кружкам горячий густой ягодный кисель.

Я бросила на него недоверчивый взгляд. Ну уж нет, заботиться я с некоторых пор предпочитала о себе сама, не имея оснований доверять окружающим.

— Ты тоже полагаешь, что наши преследователи еще себя проявят? — спросил Диего у друга, резко меняя тему.

Впрочем, при купцах подобные вопросы не обсудишь, так что я его прекрасно понимала.

— Как знать, — неопределенно ответил Келебран. — Увидим. Но лучше бы это действительно оказались члены ордена. Они нас уж точно задержать не смогут. Но все же я не слишком бы полагался на удачу, дружище. Даже если нас не выследили до сих пор, это все равно можно сделать и потом.

— Но мы ведь едем к гномам, — резко бросил дел Арьянте. — Если кто начнет выяснять, то именно это и нароет. И слежка приведет к Горному Королевству — мы ведь именно на это и рассчитывали.

— Хорошо бы оно так и получилось, — задумчиво протянул собеседник.

А мне стало тоскливо. Чувство, что я умудрилась попасть в на редкость скверную историю, только лишь усиливалось.

Торопливо доев оладьи, показавшиеся мне теперь, несмотря на обильно пропитавший

их мед и растопленное масло, абсолютно безвкусными, я сделала глоток киселя и отодвинула кружку.

— Готовы? — спросил Диего.

И дождавшись моего кивка встал из-за стола.

Во дворе все еще царила суматоха. Торговцы суетились вокруг телег, гоняя несчастного служку. Конюх, крепкий черноволосый детина, вывел уже оседланных лошадей. Я протянула своей Песне кусочек яблока на раскрытой ладони, а пальцами свободной руки зарылась в шелковистую гриву.

— Хорошая моя, — пробормотала я. — Мы ведь уже подружились, да?

Наконец все приготовления были окончены и обоз тронулся в путь. Верный своему слову Келебран держался рядом с телегой Колина и рассказывал тому какие-то забавные истории. Время от времени до меня доносились взрывы хохота и восклицания, судя по которым, купцы находили побасенки попутчика весьма интересными и даже познавательными. Диего о чем-то переговаривался с Томасом, юношей, приходившимся Колину двоюродным племянником. Я, пожалуй, могла бы подъехать поближе и послушать их разговор, но, признаться, не видела в том особой нужды. Все равно ни одна из тем, волнующих меня, скорее всего затронута не будет. А выслушивать истории о многоуважаемых гномах и связях между почтенными гномьими кланами, а также рассказы о производимых ими товарах я была не в настроении. Вместо этого я предпочла вернуться мыслями в прошлое, силясь понять, что же привело меня в то, прямо сказать, незавидное положение, в котором я очутилась.

После случая с веткой мой дар долгое время не давал о себе знать. Вместе с прочими детьми предместья я посещала школу, ходила на гуляния и ярмарки и даже иногда заглядывала в храм Молчаливого Бога. Его служители производили на меня двойное впечатление: с одной стороны, мне нравилось наблюдать за обаятельными мужчинами в нарядных одеждах, с другой же — в их присутствии я испытывала непонятный трепет с изрядной примесью испуга. Ни мать, ни отец ни разу на моей памяти храм Молчаливого, этого бога работающего люда из предместий, покровительствующего также немощным и недужным, не посетили. Задать родителям вопрос о том, отчего они не желают переступить порог храма, я не решилась. Просветила меня Лита, моя лучшая подруга.

— У богатых свои боги, Дара, — горячо поясняла она мне. — Вот как у нищих — Мать Благолепия, или у разбойников — Великий Вор. А твои родители — они птицы не нашего полета.

— Отчего же они тогда не ходят в свои храмы? — недоумевала я.

— Они бы, быть может, и ходили, да только зазорно показаться на глаза старым приятелям. Теперь-то у них нет ни богатого дома, ни красивого экипажа, ни дорогих нарядов.

Лита была права. Более того, совсем недавно мне запрещалось не только дружить с ней, но и ходить с приятелями на ярмарку или же заходить в местный храм. И лишь только когда мне минуло десять лет, мать перестала меня всячески контролировать. Это вовсе не означало, что она приняла нашу новую жизнь. Вовсе нет, наоборот, она все больше уходила в мечтания и жила уже большей частью в призрачном мире, где вновь блистала на балах и принимала визитеров. Попросту говоря, моя бедная мать понемногу лишалась рассудка, но я была слишком мала, чтобы осознать это. Боюсь, что в немалой мере ее состоянию поспособствовало поведение отца. Он все реже приходил домой ночевать, а запах спиртного уже прочно ассоциировался в моем представлении с ним. Денег он приносил все меньше и мы вынуждены были рассчитать служанку, что окончательно подкосило маму. Сама она толком ни готовить еду, ни убирать дом не умела. Все чаще между ней и отцом вспыхивали скандалы — и теперь родителей уже не смущало мое присутствие. В такие моменты я запиралась у себя в комнате и крепко прижимала ладони к ушам в надежде приглушить их крики.

К счастью, остатки бывшего капитала мать умудрилась положить в банк на свое имя и мы худо-бедно могли сводить концы с концами. Я быстро выучилась у Литы и прочих девочек тому, как следует делать домашнюю работу, и теперь отца всегда ждал по вечерам горячий ужин, но хорошего настроения, как и желания пораньше возвращаться домой, моя стряпня ему не прибавила. Мать же словно не замечала моих стараний, все сильнее погружаясь в свои фантазии и далекие воспоминания, которыми она изредка со мною делилась.

Вот так мы и жили до моего шестнадцатилетия.

После шестнадцати девушки нашего королевства получали право вступать в законные браки. Я, разумеется, знала об этом, но к себе это знание применять даже и не думала. Все мои отношения с парнями сводились к паре поцелуев с Дирком, сыном плотника, за сараем, пока его родители отсутствовали. К тому же Дирк был всего на год старше, так что ни о какой свадьбе мы даже не заговаривали.

Мой день рождения ни чем не отличался от прочих дней. Я встала по обыкновению рано, приготовила завтрак и подала его отцу. Мама еще спала, так что я, уходя в школу, оставила ее порцию на столе, накрыв салфеткой. О том, что у меня праздник, вспомнила только Лита, купившая на свои карманные деньги мне в подарок небольшую шоколадку в кондитерской. А вот через пару дней меня ожидал сюрприз. Вернувшись домой, я с огромным удивлением обнаружила в гостиной не только мать, нарядно одетую в платье, оставшееся от прежней жизни, но и отца. Его ранний приход домой так поразил меня, что я не сразу обратила внимание на господина, сидевшего в кресле в углу. Сначала я заметила, что родители необычайно оживлены. На небольшом столике стоял чайник и тарелочки с не появлявшимися доселе в нашем доме деликатесами: свежайшими пирожными со взбитыми сливками, засахаренными фруктами и шоколадными трюфелями. Пребывая в полнейшей растерянности, я наблюдала, как мама разливает по чашкам чай, машинально отметив при этом, что красивые кружевные манжеты на рукавах ее платья изрядно пожелтели от времени. Фасон одеяния, разумеется, тоже давно уже вышел из моды, но все равно это платье было лучшим из всех, которыми располагала мама, и, раз уж она надела его, то произошло нечто необычное.

— Дара! — преувеличенно радостно воскликнул между тем отец. — А вот и ты, дорогая!

И я вновь поразились, на сей раз ласковому слову. Слишком уж я привыкла за последние годы к тому, что отец замечает меня только в том случае, если я не успеваю вовремя подать еду и прибраться в доме — вот в этих случаях он мог в сердцах обозвать меня дармоедкой. В прочее же время ему до меня, как правило, не было дела. Однако же странному поведению моих родителей быстро сыскалось объяснение.

— Познакомься, дорогая, — торжественно провозгласил отец. — Это — высокочтимый господин Карл Пандеро, владелец столярной мастерской.

— Рада знакомству, — все еще пребывая в недоумении, откликнулась я.

Высокочтимый владелец мастерской поднялся из кресла и подошел ко мне. Был сей солидный господин благообразен и слегка сутул. Рыжевато-каштановые его бакенбарды уже изрядно тронула седина, а в довольно густых волосах на затылке начала проглядывать небольшая еще плешь.

— Я тоже рад знакомству с вами, Дара, — произнес он неожиданно приятным низким голосом. — Вы ведь позволите называть вас по имени?

— Если вам так угодно, господин Пандеро, — ответила я, все еще теряясь в догадках, что могло понадобиться ему в нашем доме.

В том, что и нарядное платье матушки, и вытасченный из шкафа фарфоровый чайный сервиз гномьей работы, оставшийся от той, прежней жизни, и на удивление трезвый и чисто выбритый отец — все это было ради его визита, сомневаться не приходилось.

— Зовите меня по имени, Дара. Ни к чему между нами формальности.

Я подняла на отца вопросительный взгляд.

— Господин Пандеро пришел просить твоей руки, — гордо пояснил он.

Расступись внезапно дощатый пол и появись перед нами демон подземелья — и то я, наверное, была бы поражена куда меньше. Зачем этому незнакомцу жена, которую он и в глаза-то не видел?

— Дара, — мягко сказал Карл, по-видимому, правильно истолковав мое изумленное молчание, — ваша матушка упомянула, что в доме есть библиотека. Не соблаговолите ли

показать ее мне.

— О да, разумеется, — вместо меня ответил отец. — Дара с удовольствием все вам покажет. Доченька, сопроводи нашего гостя в читальню.

От библиотеки давно осталась лишь пара просто сколоченных шкафов, набитых, правда, книгами так, что вытянуть оттуда требуемый том являлось делом весьма затруднительным, да облезлый диван. Тем не менее я подошла к первому шкафу и распахнула дверцу.

— Вот на этой полке книги по истории королевства, — тоном примерной ученицы завела я. — А на этой...

— Дара, — перебил меня Карл, — я хотел бы поговорить с вами вовсе не о книгах.

Я замолчала и опустила глаза, выжидая.

— Дара, — продолжал мужчина, — я понимаю, что мое предложение являлось для вас полнейшей неожиданностью. Прошу вас только об одном: не отказывайте мне сразу. Подумайте как следует. Дара, что ожидает вас в будущем? Простите, но я скажу уж как есть, без прикрас: отец ваш — пьянчуга, а мать — сумасшедшая. Нет, не сверкайте так глазами. Я согласен, что вы вправе вклеить мне за эти слова пощечину, но это ничего не изменит. Вы-то прекрасно знаете, что я говорю правду. Я — человек прямой и к дипломатии не склонен. Скажите мне, Дара, как вы представляете себе дальнейшую жизнь? До старости будете довольствоваться крохами? Прислуживать окончательно опустившемуся отцу и свихнувшейся матери? А я предлагаю вам то, чего вы достойны. У меня есть деньги, Дара. Да, я не смогу ввести вас в то общество, к которому вы принадлежите по праву рождения, но нуждаться вы точно не будете. У вашей матери снова появятся красивые платья, по которым она так тоскует, и прислуга, без которой ей жить не в состоянии. Я дам вашему отцу работу — не очень ответственную, чтобы он не мог ничего испортить, но такую, где у него будут в подчинении другие люди. Возможно, осознав собственную значимость, он перестанет нуждаться в нынешней компании выпивох. А вам уж точно не придется никогда больше ни стряпать, ни стирать белье, ни выливать помой.

— У меня есть один вопрос, — я посмотрела ему в лицо. — Почему именно я? Мы ведь даже незнакомы. Стало быть, ни о какой любви с вашей стороны не может идти и речи. Так отчего вы остановили свой выбор на мне?

— А вы разумная девочка, Дара, — снисходительным тоном произнес Карл. Он даже протянул было руку, дабы потрепать меня по щеке, но отдернул ее, точно обжегшись, поймав мой гневный взгляд. — Не буду скрывать, что для меня женитьба — своего рода вложение капитала. Вы не просто миленькая девчушка, нет, вы — девушка из очень хорошей семьи. Да, разорившейся и опустившейся, но, не будь ваш отец столь легкомыслен, у меня точно не было бы ни единого шанса заполучить такую жену. Вы получили хорошее образование и воспитание и мне никогда не придется вас стыдиться. Кроме того, вы сумеете воспитать должным образом наших детей. Полагаю, что вы также сможете вести дом таким образом, что в нем не стыдно будет принимать даже аристократов. Ну и должен признаться, что я все-таки видел вас и вы произвели на меня самое благоприятное впечатление. Я часто посещаю храм Молчаливого Бога — вот там-то я вас и приметил. Ваше благочестие тоже пришлось мне по душе. Так что мы скажем вашим родителям, Дара?

— Я подумаю, — пробормотала я. — Только, пожалуйста, не торопите меня. Я пока еще не готова к замужеству.

— О, сейчас мне хватит и предварительного договора, — просиял Карл. — Мне тоже не очень-то хочется, чтобы все вокруг говорили, что я взял в жены вчерашнего ребенка, едва

лишь дождавшись вступления невесты в брачный возраст. Так что годик мы можем и подождать. А тем временем вы как раз сумеете привыкнуть ко мне.

Родителей моих решение об отложенной свадьбе, несомненно, расстроило. В мечтаниях своих они уже пользовались всеми теми благами, которые посулил им Карл. Однако же настаивать на скорейшем заключении брака ни мать, ни отец не осмелились. Карл стал частенько заходить к нам на правах жениха и непременно прихватывал с собой всяческие вкусности. Именно тогда я впервые попробовала и знаменитые колбасы папаши Путо, и нежнейшие паштеты из печени специально раскормленных гусей, и хрустящее ореховое печенье, и шоколад с начинкой из ликера. Моя лучшая подруга, узнав о заключении предварительного договора, вовсе не стала меня высмеивать, как я опасалась. Напротив, она всецело одобряла мое решение и постоянно твердила, что мне сказочно повезло.

— Риона, — голос Келебрана вернул меня к действительности, — уже миновал полдень, не желаете подкрепиться?

Я с удивлением обнаружила, что вовсе не голодна и отрицательно покачала головой. Келебран подъехал ко мне поближе и сочувственно спросил:

— Вы вспомнили нечто, вас тревожащее? Простите, но вы выглядите так, будто вам не по себе. Если это из-за членов ордена, то, право же, переживать не стоит. Диего прав: если даже они и рискнут сунуться к нам, то мигом получают достойный отпор. Полагаю, репутация дел Арьянте достаточно вам известна для того, чтобы знать: он слов на ветер не бросает. Раз уж он пообещал оградить вас от ваших преследователей, то, будьте уверены, слово он сдержит.

— Келебран, — позвала я и сама немало удивилась тому, сколь устало и надтреснуто прозвучал мой голос. — Скажите, зачем я вам все-таки понадобилась? Ведь в вашем путешествии я могу быть лишь помехой, толку от меня мало.

Я ожидала, что мой собеседник по своему обыкновению промолчит либо же отделается шуткой, однако он не стал лукавить.

— Я и сам не знаю. Просто однажды услышал, что храмовники разыскивают Прорицательницу, что скрылась от них. Мне не было дела ни до храма Молчаливого, ни до сбежавшей девушки, но вот привычка запоминать услышанное мне очень даже свойственна — никогда не знаешь, что именно сможет тебе пригодиться. И когда Диего сообщил мне о предстоящем пути, я понял, что нам необходимо найти Прорицательницу раньше, чем это сделают храмовники. У меня нет вашего дара, Риона, — при этих словах он криво ухмыльнулся, — зато у меня есть то, что мой друг называет интуицией. Я почувал, что вы нам пригодитесь. Не знаю где и не знаю чем, но вы точно будете полезны.

— Вам повезло, — вздохнула я. — С одной стороны, у вас определенно присутствует некий дар, с другой же — вам нет нужды опасаться прислужников Молчаливого.

— Вы неверно выразились, Риона, — с улыбкой, от которой меня пробрала дрожь, поправил Келебран. — Это они меня опасаются.

— Надо полагать, не только они? Впрочем, на этот вопрос ответ известен и так. Скажите, а вы давно знакомы с дел Арьянте?

При этом, казалось бы, невинном вопросе дружелюбное выражение мгновенно исчезло с лица блондина. Оно стало замкнутым и равнодушным.

— Довольно давно.

И Келебран тронул поводья, отъезжая от меня.

Я недоуменно посмотрела ему вслед и пожала плечами. Непонятно было, желает ли блондин избежать вопросов о своем прошлом в целом или только лишь о взаимоотношениях с Диего. Как бы то ни было, в очередной раз напомнила я себе, меня это не касается.

— Госпожа Риона, — окликнул меня сидящий на телеге молодой темноволосый торговец. — Госпожа Риона, не желаете ли клюквенного морсу?

И он протянул мне флягу.

— Благодарю, — ответила я, приложила к губам обтянутое тонкой кожей горлышко и сделала глоток. — Ваше имя ведь Томас, верно?

— Вы правильно запомнили, — заулыбался молодой человек, весело блеснув карими глазами. — А что вы с мужем, поссорились, что ли?

— Вовсе нет. И с чего вам только подумалось о подобном? — удивилась я.

— Да вы с ним с самого утра и словом не перебросились, — бесхитростно пояснил Томас. — Я и подумал, вдруг вы загрустили и требуется поднять вам настроение.

Я предпочла сделать вид, будто не понимаю намека. А юноша, несомненно, оказался наблюдателен, но не слишком умен: мне даже представлять не хотелось, что именно способен был сделать дел Арьянте с тем, кто рискнул бы ухаживать за его настоящей женой — разумеется, если бы она у него имелась.

— Знаете, — доверительно произнесла я, посчитав за лучшее переменить тему, — я никогда не была в Горном Королевстве. И я совсем мало знаю о гномах. Это у мужа с ними какие-то дела, вот и брата в них втянул. А я-то с этим их Громмышем и вовсе незнакома. И о порядках гномьих даже и не слыхала. А уж вам-то, небось, о них многое известно? Может, расскажете мне чего, чтобы я совсем уж невеждой перед знакомыми Диего не выглядела?

Разумеется, я желала отвлечь Томаса от расспросов о моих отношениях с так называемым мужем, однако же я вовсе не лукавила. Дядюшка Равель в свое время ясно дал мне понять, что не приветствует расспросы о своей родне по линии многоуважаемой матушки, а окромя него иных гномов или же полугномов среди моих знакомых не водилось, так что знания мои об этом народе отличались крайней скудностью.

— Правду сказать, я и сам-то в Горном Королевстве бывал всего однажды, — неохотно признался Томас. — Отец решил, что пора и мне к семейному делу приобщаться да и взял с собой. Я на сей раз я и вовсе за него буду, потому как он расхворался.

И парень гордо приосанился. Я окинула его внимательным взглядом: даже если сбрить короткую жиденькую бороденку и усы, придающие возраста, все ему никак не может быть меньше двадцати. Поздновато что-то почтенный родитель взялся приобщать отпрыска к делу. Да у того же Равеля четырнадцатилетний сынок давно уже стоял за прилавком, подменяя отца.

— А чем же вы, уважаемый Томас, занимались до первой поездки к гномам? — спросила я и по разом загоревшимся азартом глазам юноши тоскливо осознала, что сейчас мне предстоит выслушать долгий рассказ, не представляющий для меня никакого интереса.

Как оказалось, догадка моя была правдивой.

— Я учился в Университете, представляете? — гордо объявил молодой человек. — Единственный на всю округу студент был, между прочим. Очень уж батюшке хотелось, чтобы сын у него не неучем был, а человеком образованным.

— Простите, — я закашлялась, дабы подавить смешок.

После слов об учебе мне стало понятно желание Томаса приударить за приглянувшейся женщиной, не смущаясь близким присутствием ее мужа. Должно быть, будучи

наслышанным от университетских товарищей об их лихих любовных подвигах, решил и сам испытать судьбу. А то, что с выбором объекта ошибся — так то от неопытности, при папеньке-то небось не забалуешь. Однако ежели дело действительно обстоит так, как я подумала, то на время учебы разумный купец свое чадушко без пригляда не оставлял.

— Я проживал у тетки, — несколько кисло продолжал Томас, подтверждая, таким образом, мое предположение. — Особа незамужняя, сварливая и придиричивая до тошноты. Стоило мне явиться однажды слегка навеселе, как она мигом пожаловалась родителям. А после и вовсе накрутила отца так, что он забрал меня домой и приставил к делу.

Мне стало смешно. Интересно, что умудрился натворить опьяненный жизнью в большом городе и относительной свободой купеческий сынок, если родители сочли нужным вернуть его под отчий кров и, надо полагать, крепкую отцовскую руку?

— И как вам, нравится?

Юнец попытался принять вид умудренного опытом, скучающего человека. Выглядело это столь презабавно, что я вынуждена была прикусить губу, дабы не обидеть его, расхохотавшись.

— Вы знаете, госпожа Риона, я не принадлежу к числу людей, что любят восхвалять себя. Однако же без излишнего хвастовства могу заметить, что у меня весьма недурно получается вести дела. Вот и теперь отец отправил меня в Горное Королевство почти что в одиночестве.

Все-таки сдержаться и не окинуть скептическим взглядом растянувшуюся по дороге вереницу подвод оказалось выше моих сил. Томас, похоже, уловил мои мысли и слегка покраснел — едва заметно за закрывавшей нижнюю часть лица бородой.

— Да-да, почти в одиночестве, — с жаром повторил он. — Все прочие, кроме разве что Колина, просто попугачики.

— А Колин — компаньон вашего отца?

Томас энергично помотал головой из стороны в сторону.

— Нет, старый друг. Да и торгует он иным товаром. С отцом вечно так, — прибавил он с досадой. — Полагает, будто я еще нуждаюсь в присмотре, словно несмышлениш.

— Но разве гномы, — вкрадчиво спросила я, — не предпочитают иметь дело только с теми, с кем давно и хорошо знакомы? Насколько я слышала, они не очень-то доверяют любым рекомендациям — только личному опыту.

— Мне тяжело судить, — неохотно признал Томас свое неведение. — Та семья, с которой мне надлежит связаться по приезду — давние торговые партнеры отца. Они торговали, страшно сказать, не только с моим дедом, но и с прадедом. И меня им представили в прошлый приезд, так что не думаю, что могут возникнуть проблемы.

— У вас все получится, — подбодрила я его.

— Горное Королевство, — пробормотал он. — Забавно, вы не находите, что страна, в которой нет короля, именуется Королевством?

— Разве у вас в Университете не было курса истории? — удивилась я.

— А, припоминаю, кажется, они все ждут возвращения своего легендарного правителя, оттого и Тронный Зал в Чертогах пустует. Но это же смешно!

— Только не вздумайте сказать этого гномам, — предупредила я.

— Разумеется, не скажу. Гномы — народ ужасно гордый и обидчивый, это-то я прекрасно уяснил. Но вот мастера они непревзойденные. Я, как попал впервые в Горное Королевство, так норовил почти все, что мне попадалось, потрогать руками: не верилось,

что эта красота — настоящие вещи, а не искусно наведенный морок. Вот увидите, вы тоже будете впечатлены их искусством. И вот еще, что меня поразило: они свою горную слезу пьют, будто воду. И всем гостям наливают, да еще и отказываться не принято. В прошлый раз, правда, отец пить мне запретил и пояснил многоуважаемому мастеру Норхорну, что я слишком юн, — добавил Томас обиженным тоном, — но теперь-то я уже еду как настоящий представитель нашего торгового дома, так что никакие запреты действовать не будут.

Лицо его приобрело несколько мечтательно выражение, а я невольно посочувствовала его отцу: сынок-то явно не подарок. И, похоже, достопочтенный купец прекрасно это понимал, иначе не стремился бы к неусыпному контролю за своим чадом.

За разговором, пусть я и не узнала почти ничего ранее мне неизвестного о гномах, время пролетело незаметно. Солнце скатывалось все ниже к горизонту, тени, пересекающие покрытую плотно утоптаным и укатанным снегом дорогу, удлинялись с каждым мгновением. На темнеющем небе появился узкий серп месяца, еще призрачно-бледный, поскольку дневное светило не покинуло небосвод окончательно. Впереди зажигались первые огоньки в окнах домов очередного городка.

— На сей-то раз вы поужинаете с нами? — громогласно спросил Колин у Диего.

Дел Арьянте переглянулся с Келебраном и ответил:

— Отчего бы и не отужинать в хорошей компании? С удовольствием, уважаемый.

На сей раз постоянный двор оказался довольно новым строением в два этажа. Договорившись со спутниками встретиться внизу, Диего пошептался о чем-то с хозяином и получил ключ. Поднимаясь по лестнице, я обратила внимание, что трактирщик то и дело бросает на нас недоуменные взгляды. Причина его странного поведения выяснилась сразу же, как только дел Арьянте отпер дверь: оказалось, что мой мнимый супруг взял всего одну комнату для нас троих. Я скрестила на груди руки и вперилась в него гневным взором.

— Об отдельной комнате для меня вы, разумеется, позаботиться не пожелали, — обвиняющим тоном произнесла я.

— Не глупите, Риона, — досадливо отмахнулся он. — Я могу снять вам отдельную комнату, но вот что вы станете делать, если ночью вас пожелают навестить ваши друзья из ордена?

— Простите, — немного подумав, неохотно признала я свою ошибку. — Это я как-то выпустила из внимания.

— Ничего, — добродушно отозвался Диего. — Если вам требуется переодеться, то мы с Келебраном подождем за дверью.

— Не стоит, я пойду на ужин так.

— Как пожелаете, — и дел Арьянте отворил дверь.

На сей раз мы появились в общем зале раньше торговцев. Диего решительным шагом подошел к длинному столу у камина, опередив направляющуюся было туда небольшую группу мужчин в поношенных черных плащах. Один из них попробовал было протестовать, но быстро умолк под холодными немигающими взглядами моих спутников.

— Как ты думаешь, — спросил у Келебрана Диего, вальяжно развалившись на стуле, — это они?

Блондин оценивающе взглянул на незнакомцев.

— Весьма похожи, — заключил он. — Неприметная внешность, порядком потрепанная одежда. Явно стараются не привлекать к себе излишнего внимания, однако же попробовали нарваться на стычку с тобой, чтобы посмотреть на твою реакцию.

— Вы полагаете, что это — члены ордена? — ахнула я.

— Весьма вероятно, — скучающим тоном отозвался Келебран.

— Что-то вы побледнели, Риона, — насмешливо заметил Диего.

— Присутствие сих любезных незнакомцев не вызывает во мне радостных чувств, — огрызнулась я.

— Однако же со мной вы охотно вступаете в спор, а я куда опаснее всех их, вместе взятых. И они, между прочим, тоже почувяли опасность.

— Если я не ошибаюсь, вы обещали, что не причините мне вреда.

— Не причиню. И никому не позволю. После ужина вы первая встанете из-за стола и пойдете в нашу комнату, Риона. А мы проследим за незнакомцами, дабы подтвердить либо опровергнуть наши догадки.

Я ничего не успела спросить, поскольку именно в этот момент двери в зал распахнулись и наши попутчики гурьбой ввалились внутрь. Так что мне оставалось лишь согласно кивнуть.

Вокруг нашего стола тут же засуетились парень и девушка, явно брат и сестра. Вероятно, они были детьми трактирщика, во всяком случае, имели столь же крупное телосложение. Я покосилась на девицу с невольным уважением: вряд ли какой забулдыга осмелился бы приставать к ней, поскольку ударом ее, без преувеличения, пудового кулака, похоже, можно было свалить лошадь. Однако же с подносами, кувшинами, кружками и мисками она обращалась на удивление ловко. Еда в трактире была неплоха, но за время нашего путешествия доводилось мне пробовать и повкуснее, потому я лениво помешивала ложкой густую пшеничную похлебку, прислушиваясь к разговорам своих сотрапезников.

Диего и Колин обсуждали начатое, видимо, еще днем обсуждение различий между клинками работы гномов и эльфов. Оба сходились на том, что эльфийская сталь куда как лучше, поскольку прочнее и одновременно легче. Недостаток был только один: купить меч либо кинжал, выкованный эльфами, являлось делом практически невозможным, а эльфийское оружие стоило баснословных денег, ведь эльфы, укрывшись от всего мира в своей Благословенной Долине, оборвали с людьми все связи, в том числе и торговые. Впрочем, в том, что мои спутники вполне могут быть вооружены легендарными эльфийскими клинками, я ничуть не сомневалась: дел Арьянте раздобыть их, скорее всего, не представляло особого труда.

По другую руку от меня сидел Келебран, молчаливый и задумчивый. После короткого разговора с Диего еще до появления купцов он больше не проронил ни слова и только

быстро поглощал ужин. После похлебки нам было подано жаркое из зайца, а к нему — медовуха в широкогорлых кувшинах. Я заметила, что торговцы были весьма умеренны в выпивке, мои спутники пили и того меньше, только лишь Томас, сидевший напротив меня, то и дело подливал хмельной напиток в свою кружку, пользуясь тем, что остался без родительского пригляда.

Мимо воли я то и дело бросала взгляды на неприметных незнакомцев, вошедших одновременно с нами в зал. Теперь, после того, как я узнала о подозрениях Диего и Келебрана, мне казалось, будто я ощущаю исходящую от них опасность. И я никак не могла решить, было ли то очередное пробуждение моего дара либо мое беспокойство стало результатом самовнушения.

Едва дождавшись окончания ужина, я, полная желаний покончить с терзавшими меня сомнениями поскорее, громогласно объявила, что устала и собираюсь лечь спать пораньше. А затем решительно поднялась и, ни разу не обернувшись, вышла из зала.

С каждым шагом вверх по лестнице я ощущала, как тает моя решимость, а колени начинают подгибаться от страха. Мне захотелось развернуться и опрометью броситься обратно, но я сдержалась, только беспрестанно повторяла про себя слова Диего о том, что он не даст меня в обиду. Однако же стоило мне шагнуть в темный коридор, освещенный лишь слабым светом луны, как я усомнилась и в своих защитниках. А что, если они не успеют прийти мне на помощь? Или и вовсе решат, что я не стою того, чтобы из-за меня связываться с членами ордена? Зубы отчетливо клацнули и я ускорила шаг, почти переходя на бег. И, хотя я была готова, по собственному разумению, к самому наихудшему, все равно вскрикнула, когда за спиной раздались чьи-то торопливые шаги, а чужая рука опустилась на плечо.

Рот мне тут же зажала потная ладонь, вызвав волну дичайшего отвращения, от которого я содрогнулась всем телом.

— Риона, — прошипел на ухо знакомый голос, — Риона, не бойтесь, это я, Томас. Только не кричите, прошу вас.

И молодой торговец убрал ладонь от моих губ и слегка ослабил хватку на плече. Раздосадованная и, что скрывать, порядком разозленная, я резко развернулась.

— Что вы себе позволяете?

— Риона, — юноша склонился ко мне и приблизил свое лицо к моему, обдавая хмельным дыханием, — зря вы днем отрицали, что между вами и вашим мужем нелады. Он совсем не уделяет вам внимания, а вы женщина молодая, горячая...

Томас мерзко захихикал, а моя правая рука взметнулась словно сама собой и со звоном приложилась к его щеке. Смех оборвался, юноша уставился на меня недоверчивым взглядом, погладив пальцами пострадавшую щеку.

— Ты меня ударила... — медленно и как-то растерянно произнес он.

— Вы пьяны, Томас. Покойной ночи, — и я отвернулась от него, намереваясь проследовать дальше по коридору к своей комнате.

Но торговец схватил меня за руку. Что именно он собирался сделать, я так и не узнала, поскольку уже в следующий момент молодой человек отлетел к стене, с силой впечатался в нее и безвольно сполз на пол.

— Идите в комнату, дорогая, — сквозь зубы процедил невесть откуда появившийся дел Арьянте. — А я пока потолкую с этим неучтивым юношей.

— Но, Диего...

— Ступайте, Риона.

Его голос был столь холоден, что, казалось, с легкостью мог заморозить любого куда быстрее, нежели зимняя стужа за окном. Мне пришлось повиноваться и оставить мужчин вдвоем. Впрочем, за здоровье Томаса я вовсе не беспокоилась, осознавая, что калечить молодого дурака дел Арьянте точно не будет, дабы не вызвать ненужных расспросов утром. Куда больше меня беспокоило то, что произошло в зале после моего ухода. Мы все рассчитывали, что на меня попытается напасть один из незнакомцев, а вовсе не изрядно подвыпивший юный повеса. И я не могла понять, оправдались наши расчеты или нет. Диего мог пойти следом за Томасом, увидев, что он покидает компанию сразу после того, как я распрощалась с сотрапезниками. Или же кто-то из ужинавших за соседним столом тоже последовал за мной, но торговец со своими приставами спугнул его.

— Гоблин бородатый, — в сердцах ругнулась я и пнула дверь, чтобы она побыстрее открылась. — Нарушил все наши планы к лысой тролльей бабушке!

Я была не просто зла — я пребывала в самой настоящей ярости. Несколько минут не просто страха, а самого настоящего ужаса, от которого тряслись поджилки и подгибались колени, оказались пережиты зря. Пытаясь успокоиться, я отправилась в умывальню готовиться ко сну. Когда я, уже закутанная в теплое ночное одеяние и с нетуго заплетенной косой, вернулась в спальню, дел Арьянте уже сидел на кровати, привалившись к изголовью и рассматривая потолок со скучающим видом. На всякий случай я тоже взглянула вверх — вдруг ему удалось обнаружить там нечто, достойное внимания? Однако же на потолке, ввиду новизны постоянного двора, не было даже трещинок.

— Ну что, дорогая женушка, — дурашливо произнес наконец-то соизволивший обратить на меня внимание Диего, — а вы, оказывается, ветреная особа. Стоит несчастному, ни о чем не подозревающему супругу только отвернуться, как вы уже с радостью готовы флиртовать с первым же попавшимся молодым человеком. К тому же должен сказать, что я абсолютно не одобряю ваш вкус — выбранный вами на роль ухажера хмырь мне категорически не нравится. Совершенно неприятный тип. И да, бесхребетный слизняк. Что вы только в нем нашли?

От возмущения я открыла рот, но не смогла выдавить из себя ни звука. Пальцы мои непроизвольно сжались в кулаки и я шагнула к Диего.

— Только не надо набрасываться на меня, — расхохотался он. — Мне многое пришлось пережить за свою долгую жизнь, но драка с разъяренной женщиной — не тот опыт, которым можно бы гордиться. Успокойтесь, Риона. Хотите воды?

Я резко помотала головой.

— Право слово, лучше бы выместили свою злость на вашем поклоннике, — продолжал потешаться Диего. — Тогда, быть может, мне и не пришлось бы проводить с ним воспитательную беседу. Хотя кого я обманываю? Не мог же я спустить нахальному юнцу с рук приставания к моей жене.

— Я не ваша жена, — наконец-то смогла прошипеть я сквозь зубы.

— Неужели? — продолжал зубоскалить дел Арьянте. — Если я не ошибаюсь, именно вы объявили меня своим женихом. Я только лишь развил наши взаимоотношения.

От неминуемой расправы Диего спасло только лишь своевременное появление Келебрана, с грохотом распахнувшего дверь и устало опустившегося на край своей кровати.

— Ну что? — в одно мгновение вновь став серьезным, спросил его брюнет. — Побеседовал?

— Побеседовал, — невесело подтвердил среброволосый. — Поначалу они не желали принять мое предложение, поэтому пришлось прибегнуть кое к каким дополнительным доводам.

Я догадалась, что о подробностях этих самых дополнительных доводов мне лучше не знать, однако же не преминула задать наиболее интересующий меня вопрос:

— Они из ордена, да? Вы ведь говорите о тех незнакомцах, что ужинали за соседним столом?

— Именно о них, — Келебран поморщился. — Упрямые ребята. Подавай им ведьму и все тут. Но ничего, и не таких уговаривали. Словом, хорошо, что они мне попались. И, если они окажутся достаточно сознательными для того, чтобы передать мои слова своему начальству, то вы, Риона, больше об ордене можете не переживать. Я их заверил, что в случае, если вам будет причинен хоть малейший вред, то неприятности их ожидают настолько крупные, что трудно даже представить.

— Спасибо, — проговорила я, раздираемая противоречивыми эмоциями.

С одной стороны, мне очень сильно хотелось узнать, как именно Келебрану удалось повлиять на членов ордена, но с другой — я прекрасно понимала, что это знание не только не принесет мне пользы, но и может даже представлять для меня опасность.

— Кстати, они действительно планировали вас похитить, — добавил Келебран. — Ваш слишком настойчивый поклонник им помешал, ведь он мог поднять шум, возмись посторонний человек вырывать объект симпатий из его объятий.

— Может, прикажете мне еще поблагодарить Томаса? — сварливым тоном осведомилась я.

Блондин перевел изумленный взгляд с меня на Диэго, ненадолго о чем-то задумался и лукаво улыбнулся.

— Вижу, я пропустил много интересного. Расскажите?

— Не о чем рассказывать, — отрезал дел Арьянте. — И хватит уже разговоров, спать пора.

Я полагала, что уснуть после всех волнений, выпавших на мою долю этим вечером, мне удастся нескоро, однако же провалилась в сон, стоило мне устроиться поудобнее и укутаться в одеяло.

На сей раз я проснулась, когда Диэго и Келебран давно уже были на ногах. Они устроились на широком подоконнике и вполголоса о чем-то переговаривались. До меня долетали только отдельные слова, смысл разговора из которых я уяснить не сумела. Утро выдалось пасмурным, над городком низко нависали свинцовые тучи.

— Снег может пойти, — сказал Келебран уже в полный голос, видимо, заметив, что я открыла глаза. — Причем довольно сильный. Надо бы узнать у наших попутчиков, собираются ли они сегодня выезжать или решат денек переждать.

— А мы? — спросила я, уверенная, что решение торговцев на планы моих спутников, каковы бы они ни были, влияния не окажет.

— А мы покидаем сие гостеприимное заведение в любом случае, — любезно пояснил Диэго. — Ваши преследователи нам больше не угрожают, так что нужды продолжать путь вместе с купцами у нас нет. Без них мы даже будем продвигаться быстрее.

Мне припомнилось, что опасались мы поначалу вроде бы как вовсе не членов ордена, но, как и раньше, мысли свои я предпочла держать при себе. Спорить ни с дел Арьянте, ни с Келебраном я вовсе не горела желанием.

Спустившись на завтрак, мы обнаружили, что купцы уже заняли свои места за столом, но к еде еще не приступили — стало быть, пришли незадолго до нас. Я окинула зал быстрым взглядом в поисках вчерашних незнакомцев, но нигде их не заметила. Зато Томас восседал напротив меня, но старательно отводил взгляд и прятал лицо, украшенное, насколько я успела рассмотреть, темно-фиолетовыми, почти черными обширными синяками.

— Бедолага перебрал вчера да и свалился с лестницы, — словоохотливо пояснил Колин, заметив, что я смотрю на парня. — Повезло еще, что ничего себе не сломал. Ну да верно, видать, говорят, что пьяных хранят все боги. И, скажу вам по секрету, — тут почтенный торговец понизил голос, — что Петер, его отец и мой старый приятель, опасался чего-то подобного, потому и просил меня приглядеть за сынком. Так что хорошо, что парень просто набил себе шишек, а не умудрился с кем-то повздорить.

Сидевший рядом со мной Диего выслушивал слова Колина с абсолютно невозмутимым лицом. По его виду никто и предположить бы не смог, что он имеет к произошедшему с Томасом хоть малейшее отношение. Сам парень, надо полагать, тоже будет молчать о том, кто его так разукрасил, опасаясь насмешек, и Колину никогда не доведется узнать, что просьбу друга он выполнил из рук вон плохо.

— Вы выезжаете сегодня? — поинтересовался у купца Диего, пока вчерашняя девица сгружала на стол тарелки с яичницей.

В самый центр стола она водрузила большую миску, наполненную политыми растопленным маслом крупными ломтями картофеля и окружила ее мисочками поменьше с всевозможными соленьями.

— Погода портится, — задумчиво ответил Колин. — Пожалуй, придется задержаться.

И он насыпал себе на тарелку небольшую горку картошки, добавив к ней маринованных мелких грибов. Потом подумал и положил еще несколько ломтиков соленого огурца. Его соседи по столу откликнулись на слова о задержке одобрительным гулом. Кто-то подозвал девицу и распорядился принести еще и кувшин с медовухой — раз уж все равно придется коротать день в трактире, так отчего бы немного не выпить?

— А мы, пожалуй, все же рискнем, — негромко произнес Диего.

Колин, как раз положивший в рот грибок, немного покивал, а прожевав ответил:

— Вы-то налегке, можете и успеть добраться до жилья до начала бури. Удачного пути и да хранят вас все боги.

Закончив завтрак, мы распрощались с приветливыми торговцами (Томас предпочел пробурчать нечто, что могло быть расценено и как пожелание доброго пути, и как проклятие, и отвернуться) и отправились в путь. Поначалу ехать было легко и я уже уверилась, что мы сможем преодолеть участок дороги до следующего городка без проблем, но Келебран разбил мои надежды. Перевалило за полдень, когда ветер усилился, а с неба начали срываться первые снежинки.

— Не успеем, — выкрикнул блондин. — До ближайшего жилья нам добираться не меньше четырех часов, а скоро разыграется метель. Придется пережидать.

Я в отчаянии огляделась. Среди полей укрыться от вьюги казалось мне нереальным, а вокруг нас были только бесконечные белые просторы, лишь далеко впереди что-то чернело — видимо, очередной лес. Или мои спутники собираются укрыться от бурана там? Эта мысль тоже показалась мне малопривлекательной.

— Прибавьте ходу, Риона, — закричал, обращаясь ко мне, дел Арьянте. — Не беспокойтесь, Келебран хорошо знает здешние места и приведет нас к укрытию.

Пожалуй, мне и раньше следовало догадаться, что мои спутники — во всяком случае, один из них так точно — уже бывали здесь и раньше, но меня сбили с толку те расспросы, которым подверглись с их стороны торговцы. Хотя если бы я дала себе труд хорошенько подумать, то давно бы поняла, что такие люди, как дел Арьянте и его приятель, не слишком полагаются на сведения, полученные от случайных людей. Да и первый постоянный двор, где мы ночевали, помнится, произвел на меня самое благоприятное впечатление — а ведь был выбран приятелями без подсказки купцов.

Когда мы наконец добрались до леса, редкие пушистые снежинки уже превратились в сплошную белую пелену, за которой тяжело было разглядеть хоть что-нибудь в паре шагов. Я видела перед собой только темный силуэт Диего и могла лишь догадываться о том, что он, в свою очередь, следует за Келебраном. Ветер в лесу слегка утих и я смогла расслышать слова дел Арьянте, когда он обернулся ко мне:

— А сейчас надо будет спешиться, Риона, и пройти немного в глубь леса.

Нельзя сказать, что его слова меня обрадовали, но чего-то подобного я и ожидала. Взяв под уздцы покорно пошедшую за мной Песню, я вслед за Диего свернула с дороги и с удивлением обнаружила, что мы продвигаемся по тропинке, пусть и занесенной снегом. Риск упасть в скрытый под белым покрывалом овраг и сломать себе руку или ногу, а то и свернуть шею, был минимален, но я все равно ступала с осторожностью. Шли мы таким образом довольно долго — так мне, во всяком случае, показалось. Наконец идущий передо мной Диего остановился. Я подняла голову и, несмотря на летящий прямо в лицо и слепящий глаза снег, смогла рассмотреть, что мы вышли к невысокому поросшему кустарником и редкими деревцами холму. Рядом со мной из белой мглы вынырнул Келебран.

— Я позабочусь о лошадях, — сказал он, отвязывая от седла сумку. — А вы с Диего ступайте в пещеру.

Присмотревшись, я действительно заметила узкую расселину, в которой и скрылся дел Арьянте. Второй мой спутник уже уводил Песню и я, пожав плечами, последовала его распоряжению. Протиснувшись в узкий проход, я вошла в довольно низкую пещеру. После ослепительной белизны снаружи сумрак ее показался мне непроницаемым.

— Сейчас я разведу огонь, — услышала я голос Диего. — Подождите немного.

И точно, вскоре в паре шагов от меня весело заплясали языки пламени. Я осмотрелась. Мне не показалось, пещера действительно была невысокой, причем в том месте, где я стояла, свод ее почти касался моей головы, уходя выше где-то через шаг. Само помещение — если его можно было так назвать — оказалось довольно просторным и, к моему удивлению, каким-то уютным. Никогда не полагала это слово применимым к пещерам, но здешнюю оно странным образом характеризовало лучше всего.

— Норка, — произнесла я. — Лесное жилище.

— Вы близки к истине, — раздался за моей спиной голос Келебрана. — Но проходите же.

— Здесь что, кто-то живет? — спросила я, шагнув вперед и пропуская его внутрь.

— Уже нет. Но было время, когда это место облюбовала для встреч одна влюбленная пара. Эта история длинна, стара и неинтересна.

Вот с последним утверждением я бы поспорила. Что за парочка могла выбрать для свиданий место, столь удаленное от человеческого жилья? Но вопросов я задавать не стала, справедливо полагая, что они опять останутся безответными.

Келебран между тем подошел к неприметному сундуку у стены, откинул обитую железом крышку и вытащил какие-то свертки, один из которых бросил мне. Я пощупала ткань и удивленно посмотрела на блондина.

— Это же...

— Эльфийская работа, — подтвердил он мою догадку столь будничным тоном, словно одеяла, сделанные эльфами, продавались на каждом углу за бесценок. — Весьма удобны: прочные, легкие и теплые. Могут храниться в любых условиях и ничего с ними не случится.

Я провела по свернутому одеялу рукой, потом поднесла его к носу и понюхала. Удивительное дело, оно не только не отсырело, но от него даже исходил слабый запах луговых трав!

— Да оно же стоит целое состояние! — не выдержала я. — Ладно, у вас двоих нет нужды в деньгах, но почему же его никто до сих пор не украл?

Оба моих спутника посмотрели на меня с таким недоумением, словно я сморозила редкостную глупость.

— Риона, в это место так просто не попадешь, — наконец снизошел до объяснения дел Арьянте. — Если бы вы случайно подошли к этому холму, допустим, во время прогулки, то нипочем не обнаружили бы вход в пещеру.

— Нам придется здесь переночевать, — Келебран говорил ровным тоном, словно продолжал начатый и прерванный моим восклицанием разговор. — Буран усиливается. Лошадей я устроил с максимально возможным комфортом, нам тоже имеет смысл оборудовать спальные места.

— Не нравится мне это, — раздраженно отозвался Диего. — Я рассчитывал, что ночевать мы все-таки будем в людном месте.

Его приятель пожал плечами.

— Ступай поговори с ветром, авось он и смилостивится над тобой. Мои планы погода в расчет принимать отчего-то отказалась, но к просьбе самого королевского кузена может и прислушаться — как знать.

— Перестань ерничать, — устало произнес вышеупомянутый кузен. — Скажи лучше, разве ты сам не полагаешь, что уж здесь-то нас и смогут застать?

— Сам знаешь — никому из живых сюда хода без моего позволения нет.

— А тебя беспокоят только живые?

Я слушала перебранку друзей с все нарастающим беспокойством и уже не в первый раз за время путешествия пожалела, что позволила втянуть себя в эту авантюру. Однако же стоило мне вспомнить вчерашних незнакомцев, как я вынуждена была признать, что привычную уже деревеньку я покинула как нельзя вовремя.

— Ну за нас-то с тобой я не слишком сильно переживаю, — хмыкнул Келебран. — Мы — люди закаленные. А вот за Риону не поручусь.

Услыхав свое имя, я встрепенулась и мысленно застонала. Неужели опять опасность будет грозить только мне? Надоело, право слово. Особенно если учесть, что уж на сей раз дело вовсе не в моих врагах. Келебран подошел ко мне и посмотрел внимательно прямо в глаза. В неверном свете огня, бросающего свои отблески на его лицо, золотистые глаза блондина вдруг показались мне нечеловеческими. Радужка словно бы расплылась на весь глаз, не оставив места белку, а зрачки вытянулись в вертикальную линию. Я моргнула и наваждение пропало, а я с облегчением решила, что мне померещилось.

— Ни в коем случае не выходите ночью из пещеры, вам ясно? — тон, которым были

произнесены эти слова, напугал меня.

— А сам-то ты как? Справишься? — обратился к приятелю Диего.

— У тебя есть повод сомневаться?

— До сих пор не было. Но все когда-нибудь случается впервые.

— Не стоит. Но пока до ночи еще далеко. Предлагаю пообедать и отдохнуть.

— Отдохнуть? — удивилась я.

Келебран невесело усмехнулся.

— Боюсь, что ночью для сна у нас останется мало времени.

Диего, не дожидаясь нас, уже раскладывал на плоском камне у огня припасы: захваченные в трактире пироги с мясом и тыквой, сыр, остатки колбас, маленькие сладкие пирожки с творогом и яблоками. Последней появилась фляга с медовухой.

— Выпейте, Риона, — произнес он, протягивая мне хмельной напиток.

Я не стала отказываться, хорошенько приложившись к питью. После услышанного от Келебрана немного захмелеть показалось мне просто необходимым. Я даже пожалела, что в сосуде не горная слеза.

Перекусив, мы устроились у стены рядом друг с другом, завернувшись в одеяла. Я пыталась задремать, не в последнюю очередь рассчитывая на выпитую за импровизированным обедом медовуху, но сон все не шел ко мне. Вместо него снова и снова возвращались нежеланные воспоминания. И в конце концов я сдалась...

После моего семнадцатилетия, отпразднованного хотя и в узком семейном кругу, но довольно пышно, началась подготовка к свадьбе. К великому огорчению родителей стать женой Карла едва ли не на следующий день после торжественного события я не могла. В храме Молчаливого Бога служитель пояснил нам, что жениху и невесте дается трехмесячный срок на обдумывание решения, от которого зависит вся дальнейшая жизнь. Матушку такое условие сначала немало раздосадовало, но, поскольку Карл выделил ей довольно внушительную сумму для расходов, она быстро смирилась. Отцу пришлось тяжелее — обещанную должность до моего замужества ему никто предоставлять не спешил, потому вид он имел чаще всего хмурый и раздраженный, но напиваться до состояния невменяемости в компании прежних дружков все же не рисковал, опасаясь, как бы о том не прознал будущий зять. Лита тоже охотно включилась в подготовку, бегая с моей матушкой по лавкам и рассматривая образцы тканей и фасоны.

— Посмотри, какой чудный голубой, — то и дело теребила она меня. — А вот редкий оттенок зеленого, совсем яблочный, тебе пойдет.

Ткани, ленты, кружева, пуговицы, булавки... Я равнодушно взирала на них, предоставляя право выбирать за меня матери и подруге. Меня же саму томило предчувствие надвигающейся опасности.

— А как он тебе вообще? — спросила Лита как-то вечером, когда мы сидели на все той лавочке под деревом, где я впервые ощутила проблеск дара. — Карл? Ну, ты ведь понимаешь, о чем я.

Я пожала плечами.

— Даже не знаю, что сказать. Он мне не противен, но и не очень-то нравится. Ну и у нас еще ничего не было. Я сказала, что не хочу до свадьбы, и он согласился. По-моему, его мои слова даже не расстроили.

— Совсем-совсем ничего? — глаза Литы горели а лицо покраснелось. — Даже не целовались?

— Несколько раз, — я смутилась.

— Ну и? Тебе понравилось?

— Да, наверное. Целуется он неплохо, — я не стала признаваться, что во время поцелуев закрывала глаза и представляла на месте Карла какого-нибудь красавчика из числа знакомых либо же незнакомцев, увиденных на улице.

— Повезло тебе, — вздохнула Лита. — Богатый, нестарый, нестрашный, еще и целуется хорошо.

— Только все равно я не выйду за него замуж, — неожиданно для самой себя произнесла я.

Подруга уставилась на меня с изумлением.

— Ты случаем не заболела? — она осторожно пощупала мой лоб. — Прохладный вроде бы. И что на тебя нашло? С чего тебе взбрело в голову отказываться от свадьбы?

— Я вовсе не собираюсь отказываться, — попробовала пояснить я. — Просто я чувствую, что свадьбы не будет. Вот есть это знание где-то внутри.

Лита недоуменно покачала головой.

— Чудная ты. Нет чтобы радоваться и выбирать себе наряды, ты всякие глупости

придумываешь.

В ее тоне я явственно уловила осуждение и даже некоторую толику зависти. Бесспорно, Лита, происходящая из крепкой работающей семьи и всегда чувствовавшая превосходство передо мной, поскольку ее родители даже толком никогда не ругались, была шокирована год назад, когда Карл сделал мне предложение. Пусть она никогда об этом и не заговаривала, но я-то видела, что подруга недоумевает, чем именно я могла приглынуться богатому солидному мужчине, ведь внешне она была куда как привлекательнее: высокая брюнетка с тяжелой грудью и крутыми бедрами. Без ложной скромности я могла бы признать себя очень хорошенькой, но Лита была настоящей красавицей, вслед которой оборачивались почти все проходящие мимо мужчины от совсем мальчишек и до убеленных сединами стариков, опирающихся на трость дрожащими руками. Однако же к чести подруги следовало заметить, что она смогла успешно побороть свою зависть и всегда стремилась помочь мне.

Я хотела сказать ей что-то малозначащее и легкомысленное, что давно уже выветрилось у меня из памяти, но вновь произнесла неожиданное:

— Ты завтра собираешься после обеда в лавку Мадлен? Не ходи туда.

— Да что с тобой, Дара? — не на шутку встревожилась Лита. — Ты точно себя хорошо чувствуешь? Какая-то ты сегодня странная. Мы ведь только утром договорились с твоей матушкой, что я завтра забегу к Мадлен забрать заказанные платки.

— Не ходи, — настойчиво повторила я.

Я не стала рассказывать ей о промелькнувшем у меня перед глазами видении из опасения быть поднятой на смех, но твердо решила на следующий день сбежать из-под матушкиного присмотра, дабы предотвратить несчастье, что должно было случиться с моей лучшей подругой.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Успела я как раз вовремя, чтобы буквально вытолкнуть Литу из-под копыт внезапно понесшей лошади. Мы с ней кубарем покатались к обочине, изрядно извозившись в пыли, расцарапав руки и сбив колени.

— Я ведь тебя предупреждала! — вне себя от пережитого страха кричала я. — Я тебе говорила, чтобы ты не ходила к Мадлен! А если бы я не успела?

Лита в ужасе зажала мне рот рукой.

— Замолчи сейчас же, — прошипела она мне на ухо. — Хорошо еще, если твои слова никто не расслышал.

Но она ошиблась. Нашлись люди, которые не только расслышали мои слова, но и донесли о них. И очень скоро на пороге моего дома возник служитель Молчаливого.

— Я слышал о сегодняшнем происшествии, дитя мое, — обратился он ко мне, не утруждая себя приветствиями и не обращая ни малейшего внимания на озадаченный его появлением отца с матерью. — Это правда, что ты предсказала несчастье, которое должно было произойти с твоей подругой?

Я еще смутно представляла себе цель его визита, но на всякий случай решила отпираться до последнего, догадываясь, что ничего хорошего мне появление служителя не сулит.

— Я ничего никому не предсказывала, — отрезала я. — Просто увидела, как лошадь несется прямо на Литу и...

— Лгать нехорошо, дитя мое, — укоризненным тоном перебил меня мужчина. — Люди слышали твои слова. Ты ясно сказала, что подруга послушалась твоего предупреждения.

Под его внимательным цепким взглядом мне стало не по себе.

Я попробовала было пролепетать какие-то объяснения, но служитель властным взмахом руки остановил меня.

— Итак, дочь моя, ты — Прорицательница, — торжественно провозгласил он. — Следовательно, место твое — в храме, среди служителей Молчаливого Бога.

О Прорицательницах я знала крайне мало, поскольку последняя из них скончалась более ста лет назад. Мои скудные сведения сводились к тому, что эти женщины жили при храмах, могли за деньги предсказывать судьбу всем желающим и умирали отчего-то исключительно в молодом возрасте.

— Я не могу быть Прорицательницей, — облегченно выдохнула я, радуясь, что произошла ошибка. — У меня было всего лишь одно видение, причем я о нем не просила. Я не способна предсказывать судьбу.

Служитель недобро усмехнулся.

— Тебе не следует об этом волноваться, дитя мое. Молчаливый Бог отводит тебе три дня на то, чтобы ты успела завершить свои мирские дела и попрощаться с близкими. По истечению этого срока тебе надлежит явиться в храм. Вещи можешь не брать, они тебе не понадобятся.

И, сделав это заявление, он развернулся и вышел, оставив нас переглядываться в растерянности. А спустя совсем короткое время к нам пожаловал следующий гость. Карл смущался, мялся, неловко теребил в руках край своего пояса и, наконец решившись, заявил, что разрывает брачный договор, поскольку не смеет претендовать на ту, что предназначена Молчаливому Богу. Матушка ахнула и зарыдала, а отец помрачнел и разом как-то постарел.

— Карл, — робко произнесла я, — вы ведь обещали, что будете заботиться обо мне. Как же так, Карл? Разве вы отказываетесь от своих слов?

— Непредвиденные обстоятельства, — промямлил мой уже бывший жених, разглядывая угол комнаты так, словно там находилось нечто в крайней степени любопытное. — Да, вот именно, непредвиденные обстоятельства. Всего хорошего, Дара. Надеюсь, у вас останутся обо мне теплые воспоминания.

И поспешно ретировался, позабыв попрощаться с моими родителями.

После его ухода отец, ссутулившись, подошел к комоду и вытащил из ящика мешочек с золотыми, приготовленными для оплаты новых матушкиных нарядов.

— Не ждите меня ночевать, — надтреснутым голосом произнес он и тоже скрылся за дверью.

Мама, безутешно рыдавшая в кресле, стоило лишь захлопнуться за отцом двери, разъяренной фурией подлетела ко мне и с размаху ударила по лицу.

— Маленькая дрянь! Так-то ты отплатила нам за то, что растили тебя, отказывая себе во всем! Уничтожила наш последний шанс на нормальную жизнь!

Продолжая бесноваться, она принялась швырять на пол подушки с дивана, а затем упала на них и захохотала. В страхе я попятилась из комнаты, а потом в свою очередь выскочила из дома и сломя голову понеслась по улице.

Запыхавшись, я добежала до дома Литы и рванула дверцу калитки. О том, что лучшая подруга тоже может отвернуться от меня, я даже не задумывалась.

— Дара? — голос Литы прозвучал на редкость встревоженно. — Они уже успели побывать у тебя? Так?

Я кивнула и зарыдалась, чувствуя, как силы покидают меня. Мой мир, такой

привычный, казавшийся столь незыблемым, рухнул в один миг. Подруга крепко обвила рукой мою талию и затащила меня в дом.

— К Карлу ходила? — деловито спросила она.

— Он сам приходил. Сказал, что разрывает договор.

— Плохо дело, — брови Литы сдвинулись к переносице. — Подарки хоть не забрал? И деньги?

Я улыбнулась сквозь слезы. Почему-то мысль о Карле, требующем назад свои подношения и сражающемся за них с моими родителями, не желающими выпускать то, что уже полагали своим, из рук, насмешила меня.

— Деньги отец забрал. И ушел.

— Пить, — уточнила очевидное Лита.

Я кивнула.

— Плохо, что ты в свое время стала ходить в наш храм, — продолжала подруга. — Хотя никому и в голову не могло взбрести, что ты — Прорицательница.

— Да какая из меня Прорицательница, — досадливо отмахнулась я. — Три предсказания за всю жизнь: одно видение и два смутных ощущения. Этак храмовники годами будут ждать моих пророчеств. Может, они разберутся и отпустят меня?

Но подруга мои надежды не разделяла. Напротив, услышав мои слова, она забеспокоилась еще сильнее.

— У тебя даже видение было?

— Ну да, с тобой и с лошадью, — ответила я, не понимая, к чему она клонит.

— Совсем худо.

— Да почему же? — не выдержала и вспылила я. — Если бы не мое видение, ты погибла бы под копытами!

— Дара, — Лита взяла меня за руку, — не обижайся, но ты ведь ничего не знаешь о Прорицательницах.

— Кроме того, что они все вымерли, — пробурчала я.

— Их никогда и не было много, — тихо произнесла подруга. — А если учесть, что почти все они умирали бездетными, то в каждом поколении их рождалось все меньше и меньше. Храмовники уже полагали, что больше Прорицательниц не будет, ведь после смерти последней из них обнаружить новую так и не удалось. Потому-то они и вцепятся в тебя.

— Но я ведь действительно не умею предсказывать по заказу, — растерянно прошептала я.

— Прорицательницы — не гадалки, которые пытаются угадать судьбу. Они видят опасность и могут предостеречь от нее. А в храмах им давали настои особых трав, чтобы обострить восприятие. Бедные девушки быстро сходили с ума, зато их видения становились более частыми, яркими и отчетливыми.

Несмотря на теплый летний день меня затрясло в ознобе.

— А ты откуда это знаешь?

— У моего дедушки был брат-храмовник. Скончался он в нашем доме и после него остались кое-какие книги. Мне было любопытно, вот я и полезла их читать.

— И ничего не сказала мне, — обиженно встала я.

— Я вообще никому ничего не сказала, мне было страшно. И потом, мне и голову не могло взбрести, что у тебя есть дар!

— Мне тоже, — понуро согласилась я. — И что теперь мне делать?

— Бежать! — голос подруги прозвучал решительно.

— Но как? И куда?

Я пребывала в растерянности. Пусть на мои плечи с юных лет и легли заботы о родителях, но я полагала себя абсолютно неприспособленной к самостоятельной жизни. И я никогда не покидала столицу. Но Лита, не утратившая в тяжелую минуту способность быстро соображать, мигом составила план побега.

— Уйдешь из города, как только рассветет. Если встретятся попутчики — говори, что осталась сиротой и добираешься к тетке, меньше расспросов о семье будет. Плохо вот, что папаша твой деньги забрал, ну да ладно, есть у меня кое-какие сбережения, отдам их тебе.

— Не стоит, — тихо возразила я.

— Стоит! — сверкнула глазами подруга. — И не смей со мной спорить! Да, вот еще: те безделушки, что подарил тебе Карл, не помешало бы забрать, авось что из них и продать сумеешь. И самое важное: надо изменить тебе внешность!

Я ахнула.

— Это еще зачем?

— Чтобы тебя тяжелее было опознать, — снисходительно пояснила подруга. — Храмовники через три дня кинутся тебя искать. Повезло еще, что родители твои, скорее всего, не станут бить тревогу, обнаружив, что ты пропала. Да и вряд ли заметят твое исчезновение до завтрашнего вечера, покуда не проголодаются и не удивятся отсутствию ужина. А вот когда ты не появишься в храме, твои описания — хорошо еще, если не портреты — точно уж облетят всю страну. Лучше всего, конечно же, было бы тебе переодеться в парня, да только тебя вмиг раскусят. Потому мы выкрасим тебе волосы. Можно в рыжий — луковой шелухой, а можно и в темный — ореховой настойкой. В темный, наверное, даже лучше, он меньше внимания привлекает. Опять же, старше казаться будешь.

И Лита засуетилась, разыскивая необходимое для покраски. Я же тем временем вернулась домой, дабы собрать вещи. Матушка, все еще сотрясающаяся в рыданиях, не обратила на меня ни малейшего внимания. Вот мать Литы, некстати вернувшаяся домой как раз когда мы смывали с моих волос краску, выслушала мою историю с сочувствием. Более того, она напекла мне в дорогу пирожков и дала несколько золотых.

— Уж чем богаты, — вздохнула она. — Береги себя, девочка.

Лита сунула в узел с моими платьями еще и оставшиеся от бывшего храмовника книги.

— Вдруг прочтешь в них чего нужного, — пояснила она.

Рано утром мы с подругой распрощались у городских ворот. Из глаз у обеих текли слезы, которые мы даже не посчитали нужным вытирать.

— Быть может, мы еще встретимся, — прошептала Лита, обнимая меня в последний раз.

— Волею богов, — ответила я, хотя надежда на эту встречу была, прямо сказать, совсем невелика.

И пусть я ни разу не обернулась, выйдя за ворота, я знала, что Лита смотрит мне вслед и беззвучно шепчет молитвы одними губами. Меня же ждала неизвестность, страшная порой не меньше, нежели плачевная судьба, уготованная Прорицательницам в храме...

Огонь, весело плясавший в центре пещеры, едва рассеивал полумрак в том углу, где мы устроились. Спящий рядом со мной Келебран внезапно приподнялся на локтях. Переход от сна к бодрствованию произошел столь мгновенно, что я только и могла, что в который раз подивиться необычности нашего с Диего попутчика — было в его реакциях и действиях нечто невиданное мною ранее.

— Смеркается, — произнес блондин. — Диего, просыпайся. Риона, вы так и не уснули?

И он укоризненно покачал головой. Я бросила взгляд на вход в пещеру. Сквозь узкую длинную щель невозможно было разобрать, что именно происходит снаружи, как, впрочем, и определить время суток, но я уже привычно поверила Келебрану. Раз он сказал, что наступают сумерки, значит, так оно и есть. Диего был прав, говоря о том, что чутье ни разу не подводило его друга.

— Уже? — спросил королевский кузен, открывая глаза и потягиваясь. — Жаль, я так чудно спал. Перекусим?

Я полагала, что в ожидании неведомой опасности кусок не ползет мне в горло, однако же, как вскоре выяснилось, заблуждалась. Мы допили остатки медовухи из фляги дел Арьянте, закусывая ее холодными пирогами. Потом Келебран бросил в мою сторону скептический взгляд, на мгновение задумался о чем-то, слегка поморщился и отвязал от пояса незамеченную мною ранее небольшую плоскую фляжку из черного серебра.

— Один глоток, Риона, — предупредил он, протягивая ее мне. — Не больше.

Я послушно глотнула неведомый напиток. Даже знаменитая горная слеза не обжигала так внутренности и не согревала кровь, как это не пробованное мной доселе питье. Мгновенно стих начавшийся было озноб, неведь откуда появились силы, а в голове на удивление прояснилось. Келебран, которому я вернула фляжку, вопросительно посмотрел на Диего.

— Не стоит, — с очевидным усилием отказался тот. — Запас невелик, а вам с Рионой нужнее. Я — обычный человек, мне этой ночью придется куда как легче, нежели вам.

Блондин согласно кивнул, подтверждая правоту друга, и в свою очередь сделал глоток.

— Помните, Риона, вам ни в коем случае нельзя покидать пещеру, — в очередной раз напомнил он. — И изо всех сил сопротивляйтесь внушению. У вас получится, я верю.

Я села на выступ, укутавшись в одеяло и приготовилась к ожиданию. Диего и Келебран расположились чуть ближе ко входу. Лица у них были напряжены, Келебран отчего-то вытащил меч и теперь крепко сжимал его рукоять, дел Арьянте же к оружию даже не прикоснулся. Я еще успела удивиться, зачем понадобился меч, ведь мужчины упомянули, что никто не сможет переступить порог нашего убежища, когда блондин выдохнул:

— Начинается.

Сначала я ничего не заметила, а потом разглядела, как в пещеру вползает — иначе не скажешь — серебристо-серый туман, посверкивающий крохотными искорками. Зрелище завораживало. Сначала туман клубился у входа, потом медленно потянулся к центру, отрезая меня от моих спутников. Поднялся над костром и попробовал поглотить его, но не смог сомкнуться над языками пламени. Я готова была поклясться, что услышала при этой попытке болезненное шипение. Огонь взметнулся выше, но ярче не стал. Туман стелился по пещере, стремясь заполнить все ее уголки, подобрался к моим ногам, но притрагиваться ко

мне не стал, только поднялся до уровня моего лица. Дышать стало тяжело, я ничего не различала перед собой и меня медленно — куда медленнее, признаться, чем я могла бы полагать — начала охватывать паника. Я не могла разглядеть ни своих спутников, ни яркого пламени костра и мне на несколько чудовищных мгновений показалось, что я осталась один на один с неведомой угрозой. Возникло желание опрометью броситься вон из пещеры, на свежий воздух, к луне и звездам, туда, где не будет этого непроницаемого серебристого мерцания.

— Я не поддамся, — пробормотала я. — Я не выйду. Останусь здесь. Кем бы или чем бы ты не являлся, ты мне не страшен. Ты просто туман, убиваемый солнцем. Навредить мне у тебя не получится.

Несмотря на храбрые слова, я начала вздрагивать от страха. Пусть туман и не пытался пока навредить мне, он вызывал какой-то безотчетный ужас. А потом я явственно расслышала тихий смех.

— Дара, — прошелестел голос, отчего-то показавшийся мне смутно знакомым, — Дара, иди сюда. Я так по тебе соскучилась.

Зрение внезапно обострилось и я смогла разглядеть призрачную фигуру, протягивавшую ко мне руки.

— Дара, — звала она меня, делая шаг навстречу. — Ну что же ты сидишь? Обними меня, я так долго ждала, когда же мы наконец встретимся.

Я гулко сглотнула, узнав, наконец, этот голос.

— Лита, — прошептала я и слезы потекли из моих глаз сами собою. — Лита, родная моя. Я так часто тебя вспоминала.

Я уже приподнялась, собираясь броситься к подруге, как вдруг ощутила сильное жжение на груди. Это нагрелся и пульсировал, обжигая мне кожу, подаренный Равелем кулон.

Отрезвленная болью, я опять вжалась в стену. Опять послышалось шипение, на сей раз разочарованное, и туман, сгустившись, приник к полу и немного отступил, позволив мне дышать полной грудью. Я с наслаждением втянула сухой прохладный воздух, ощущая боль в груди. Голова слегка кружилась, тело ослабло, словно после тяжелой болезни. Я привалилась к стене, чтобы не упасть. Костер, вновь видимый мною, высоко вздымал языки пламени. Я бросила взгляд в ту часть пещеры, где находились мои спутники — но за плотной клубящейся серебристой завесой ничего не смогла разглядеть. Похоже, в покое оставили только меня.

А потом я услышала крик. Глухой, доносившийся словно сквозь толстое пуховое одеяло, но вполне различаемый. Кричал Келебран.

— Диего! Диего!

Я дернулась было, чтобы броситься на помощь. Серебристая мгла, растекавшаяся у моих ног, оживилась и приподнялась, сгустившись и свиваясь в причудливые спирали. Я опустила обратно на выступ и крепко-накрепко вцепилась пальцами в холодный камень. На сей раз у меня не было сомнений в том, что слышала я не порождение морока и кричал действительно блондин, однако же я осознавала, что никакой помощи оказать своим спутникам не способна. Кроме того, к своему стыду я вынуждена была признать, что мне было очень страшно. Что бы ни происходило сейчас в нескольких шагах от меня, принимать участие в этом действе мне не хотелось.

А спустя несколько долгих томительных минут — или часов, точно определить время представлялось решительно невозможным — плотные сгустки тумана внезапно разрезал

поток жидкого огня, стекающего, как мне показалось, прямо со свода пещеры. Лишь присмотревшись, я поняла, что огонь льется с меча в руке Келебрана. Я потрясенно ахнула. Огненным оружием блондин буквально прорезал путь ко мне, а на другом его плече обессиленно повис Диего. Пошатываясь, Келебран приблизился и со стоном опустился на пол. Дел Арьянте и вовсе упал бы, не соскочи я таки с уступа и не подхвати его.

— Тяжелый какой!

Мы оба свалились бы, но Келебран, точно очнувшись, мгновенно оказался на ногах и поддержал нас. Вдвоем мы усадили Диего у стены. Он тяжело и хрипло дышал, глаза его закатились, левая щека мелко дрожала.

— Помогите мне, Риона.

Я перевела взгляд на второго своего спутника. Меч его все еще вспыхивал огненными всполохами, но огонь этот медленно затихал. Келебран протягивал мне уже знакомую фляжку.

— Разожмите зубы этому самонадеянному болвану и влейте пару глотков. Живее!

Схватив сосуд с напитком, я склонилась над Диего. Королевский кузен пребывал в беспамятстве. К сожалению, стоило мне поднести фляжку к его губам, как он затряс головой и только везением можно было объяснить то, что мне удалось вовремя отдернуть руку и не расплескать драгоценную жидкость.

— Скорее же! Что вы там возитесь? — донесся до меня резкий голос Келебрана.

Я оглянулась. Тонкие мерцающие невесомые струйки подбирались к нам, безжалостно отсекаемые огненным мечом. Похоже, Келебран слабел. Пламя на его оружии то тускнело, затухая, то вспыхивало с новой силой. Сам воин пошатывался и то и дело утирал свободной рукой заливающий глаза пот. Диего рядом со мной заметался, попытался приподняться.

— Прости, — прошептала я, доставая из-за голенища сапога кинжал, некогда привезенный мне Равелем из Горного Королевства. Не эльфийская сталь, разумеется, но гномы — оружейники тоже великолепные, во всяком случае куда лучшие, нежели люди. Короткий размах и точный удар — и тело дел Арьянте обмякло. Что-то подсказывало мне, что нельзя теперь терять ни секунды. Лезвием я осторожно разжала зубы Диего и насильно влила ему в рот напиток из фляжки, отстраненно понадеявшись, что мужчина не захлебнется.

— Наконец-то, — обессиленно выдохнул Келебран, опускаясь рядом.

Я перевела взгляд на него. Выглядел он, следует признать, на редкость измотанным, словно вот-вот лишится чувств. Однако же ему достало сил слабо улыбнуться, поймав мой взгляд. Меч его выглядел уже самым обыденным образом.

— Теперь нам осталось лишь дожждаться рассвета.

— А как же... — я указала глазами на туман, повисший в воздухе клочьями.

— До нас ему уже не добраться. Вы прошли свое испытание, Риона. Жаль только, что Диего оказался слабее, чем предполагалось. Что вы с ним сделали?

— Ударила рукоятью кинжала, — пояснила я.

— Так вот почему эта пакость озверела — почувяла, что он потерял сознание. В последние мгновения я даже испугался, что не смогу ее сдержать.

Я очень хотела расспросить о природе сего загадочного явления, но решила отложить свои вопросы до утра. Говорить о странном тумане, когда он расстилался менее чем в шаге от нас, мне было страшно.

Келебран молча взял меня за руку и крепко сжал. От его твердой мозолистой ладони

успокаивающее тепло разлилось по всему телу и я облегченно вздохнула.

— Не смотрите туда, — шепнул мне блондин. — Не надо. Пусть эта дрянь и отступила, но безопасной я ее назвать не могу.

— Вы сказали, что здесь было прибежище влюбленных, — вспомнила я. — Как же им не мешало встречаться вот это... этот...

Я не могла подобрать слов, чтобы охарактеризовать то, с чем нам довелось столкнуться, но в излишних пояснениях никто и не нуждался.

— Влюбленные те жили очень давно, — пояснил Келебран. — Давно по человеческим меркам, не по меркам леса. Но подобного зла в лесу тогда не водилось.

— Они не были людьми? — догадалась я.

— Не были, — мой собеседник слегка поморщился. — Но, как я уже говорил ранее, это длинная и грустная история. Возможно, я расскажу вам ее когда-нибудь — если вы к тому времени не утратите к ней интерес. Уже светает, Риона. Скоро мы сможем немного отдохнуть.

Действительно, дышать становилось все легче и гнетущее ощущение страха понемногу покидало меня. Вскоре я отважилась отвернуться от костра и бросить взгляд на вход в пещеру — как раз вовремя, чтобы увидеть последние рассеивающиеся клоки тумана. Келебран устало поднялся, расстелил одеяло и с моей помощью перетащил туда еще не пришедшего в сознание Диего. Мы тоже легли рядом, укутались так, что наружу торчали лишь носы и задремали. Времени на сон у нас было немного, но не воспользоваться им было бы попросту глупо.

Разбудили меня голоса. Мои спутники переговаривались негромко, но в их интонациях я явно различила сердитые, даже злые нотки. Прислушалась, но смогла уловить лишь несколько слов: «не думал», «было не так» и «высокомерный болван». Последнее, сказанное уже скорее дружелюбно-ворчливым тоном, вынудило меня фыркнуть от смеха. Собеседники, сидящие у костра, разом умолкли и повернулись ко мне.

— С пробуждением, Риона. Завтракать будете? — спросил Келебран.

А Диего подошел ко мне, взял мою руку и поднес к губам. Его теплое дыхание, казалось, обожгло кожу, а почти невесомый поцелуй показался неожиданно приятным.

— Благодарю вас, Риона.

— Шишки-то хоть не осталось? — стараясь скрыть смущение, спросила я.

— Осталась, — в голосе дел Арьянте проступало веселье. — Но шишка — это наименьший вред, поверьте мне. Вот уж не думал, что на меня эта дрянь сможет так подействовать. Но вы не ответили на вопрос Келебрана: хотите есть?

— Я хочу как можно скорее убраться отсюда, — честно призналась я. — Кто-нибудь проверил, как там наши лошади?

— В порядке, — отозвался рывшийся в сумке блондин. — Вот, возьмите тогда последний пирожок — сможете съесть его на ходу.

Жуя пирожок, я попробовала одной рукой свернуть свое одеяло. Наблюдавший за моими тщетными попытками Диего покачал головой и отстранил меня от работы, ловко управившись сам. Келебран уже покинул пещеру, отправившись за лошадьми.

— Ступайте наружу, Риона, — велел дел Арьянте. — А я погашу огонь.

Дожевывая пирожок я протиснулась к выходу и на мгновение замерла, ослепленная искрящейся белизной. Щеки тут же защипало от мороза, а глаза заслезились. Поморгав и привыкнув к яркому солнцу, я спросила у попутчиков:

— Как долго нам ехать до ближайшего города?

— Несколько часов, — ответил Диего, следом за мной выбравшийся из пещеры. — Но я предлагаю остановиться в нем только на обед. Тогда к уже вечеру мы сможем добраться до Горного Королевства.

— Хорошо, — покладисто отозвался Келебран, подхватывая своего коня под уздцы. Я подошла к Песне.

— Сегодня у меня ничего для тебя нет, — произнесла покаянно. — Но ты ведь не станешь обижаться?

Ответом мне было негромкое ржание. Погладив свою верную спутницу, к которой уже успела привязаться, я потянула ее за собой к выходу на тракт. Диего следовал за нами.

До городка мы добрались к обеду. Войдя в шумный трактир, я ощутила себя так, словно с плеч моих спала неподъемная тяжесть, о которой я даже не подозревала. Все-таки лесное безмолвие подействовало на меня удручающе.

Со спутниками своими за всю дорогу я не перемолвилась ни словом. И лишь теперь, удобно устроившись за дощатым столом и чувствуя себя наконец в безопасности в окружении галдящей толпы, я осмелилась спросить:

— И что это было ночью?

— Мы не знаем точно, что представляет из себя эта гадость, — немного помолчав,

неохотно ответил Келебран. — В том лесу она завелась не столь уж давно, лет, пожалуй, с пять назад. Ты наверняка наслышана о ней.

— Ни разу ни о чем подобном не слыхала, — отрезала я.

— Это была Лесная Марь, — глухо произнес Диего.

— Лесная Марь? Но это ведь сказка, просто страшная сказка, которой пугают непослушных детей.

— Как ты могла убедиться не далее, чем этой ночью, сказка оказалась весьма правдоподобной, — заметил Келебран. — Правда, тумана и видений мы не ожидали.

— Так вы знали о том, что в этом лесу водиться Марь? — запоздало осознала я. — Знали о том, что нас ждет?

— Два года назад, когда мы имели несчастье столкнуться с ней, она была далеко не так сильна, — поморщился Диего. — Тогда сбросить ее чары не составляло никакого труда.

— Подождите, — я растерялась. — Если вы встретились с ней два года назад, то как могли узнать, когда именно она появилась в лесу? Ты ведь сказал — пять лет назад, я не ослышалась?

И я ткнула в несколько удивленного столь несвойственным мне поведением Келебрана пальцем.

— Мы наводили справки, — тихо пояснил он. — Сама понимаешь, невозможно учесть всех одиноких путников, что пропадают в пути между городами. Однако же по тем обрывкам сведений, которым нам удалось разжиться, первые исчезновения случились как раз пять лет назад. Но для того, чтобы это выяснить, нам пришлось немало потрудиться.

— И вы никому ничего не сказали? — возмутилась я. — Ведь этот лес опасен!

— Только ночью, Риона, — мягко, словно ребенку, принялся растолковывать мне Келебран. — А ночевать в нем желающих мало. К тому же, подумай сама, ну кто бы нам поверил? Даже ты посчитала сначала, что мы разыгрываем тебя — а ведь видела все своими глазами.

— А та пещера, в которой мы были...

— На ней стоит защита, очень мощная. Внутри никто не смог бы причинить нам настоящий вред. Потому-то нас и пытались выманить наружу с помощью видений.

— И еще одно, — медленно произнесла я, внутренне холодея. — Почему-то у меня сложилось впечатление, что этот лес — не единственный, где поселилась Марь. Я права?

— Не совсем, — мрачно отозвался дел Арьянте. — Она не поселилась, а возродилась. Во многих лесах Приграничья. Разве вы не заметили, что торговцы теперь предпочитают передвигаться только днем и большими обозами, а одинокого путника в здешних местах и не встретишь? Да, никто не говорит о причинах напрямую — да и вряд ли кто их знает, но безотчетный страх уже давненько угнетает здешних жителей. вспомните, Риона, давно ли ваш знакомый лавочник навещал свою родню по матери?

Я призадумалась. Конечно, дядюшка Равель не объявлял о своей поездке к гномам во всеуслышание, но догадаться о том, что он побывал в Горном Королевстве, можно было по появляющимся у него в лавке товарам гномьей работы.

— Да, пожалуй, больше года уже прошло, — признала я. — Да и то последние пару раз ездил он не один, а со случайными попутчиками.

Тут разговор наш был прерван подошедшей подавальщицей, принявшей выставить на стол миски с ячменной похлебкой и плоские тарелки с кусками жареной куропатки. Запивать все это предполагалось клюквенным морсом. Мы охотно принялись за еду,

поскольку, оказавшись в безопасности, смогли осознать, насколько проголодались. А когда я покончила с обедом, то ощутила, что глаза мои прямо-таки слипаются. Мысль о том, что надо вновь выходить на мороз и отправляться в путь, вызывала во мне слабый протест.

— Нам пора, — произнес Диего без особой уверенности.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, но ты и сам сейчас с удовольствием бы завалился в постель на пару суток, — поддел его Келебран.

— Не буду отрицать, но все же мы должны добраться до гномов как можно скорее. Риона! Просыпайтесь! Обещаю, что эту ночь вы проведете в самой мягкой постели во всем Горном Королевстве. И завтра никто не осмелится вас будить.

— Мне не нужна самая мягкая, — зевнула я. — Главное, чтобы постель была. И желательно без соседей по комнате.

— Разве мы храпим? — притворно удивился Келебран.

— Не храпите, — абсолютно серьезно ответила я. — Но в вашем присутствии я отчего-то постоянно ожидаю неприятностей, а ожидание это мешает мне как следует выспаться.

— У вас будет личная комната, Риона, — торжественно пообещал Диего. — И пуховая перина, и мягкие подушки, и теплое одеяло. Я лично готов обшарить все Горное Королевство, дабы предоставить вам все это. Но сейчас поднимайтесь-ка со скамьи. Нас ждет дорога.

Я нехотя встала. Морозный воздух несколько отрезвил меня при выходе из трактира и позволил надеяться, что я не усну и не свалюсь с лошади в пути. Келебран, которому я высказала свои соображения по этому поводу, только рассмеялся и заметил, что о случаях падения с лошади во сне ему слышать до сих пор не доводилось. Остаток дороги нам дался на удивление легко — видимо, нас подгоняла мысль о том, что уже к вечеру мы будем в тепле и безопасности, да к тому же и получим передышку как минимум на несколько дней. Какие дела были у дел Арьянте с гномами, я представления не имела, но они явно заставят нас задержаться перед походом к эльфам. Никогда еще я не слышала о случаях, чтобы хоть кто-нибудь гостил в Горном Королевстве менее трех дней — отпустить гостя ранее этого срока означало для гномов страшное попрание всех законов гостеприимства. Среди людей даже ходила шутка, что попасть к гному в дом нелегко, но выбраться оттуда еще тяжелее.

Горы на горизонте возникли внезапно, стоило нам свернуть, выехав из очередной рощи. Они возвышались, гордые и неприступные, украшенные покрытыми снегом пиками, казалось, совсем рядом, однако же уже начало смеркаться, а мы еще не добрались до Врат. Я начала беспокоиться, но лица моих спутников оставались безмятежными. С целью путешествия нас разделяла укрытая снегом равнина, стало быть, Лесной Мари, как и прочей неведомой нежити, поджидающей путников в лесах или на болотах, опасаться не приходилось, но мне было известно, что гномы весьма неохотно распахивают Врата в ночное время, а перспектива ночевки в снегу у подножия гор никак не могла меня обрадовать. И я предпочла понадеяться на то, что мои спутники смогут уговорить стражу впустить нас, несмотря на окутавшую землю тьму.

Так оно и случилось. В призрачном лунном свете я не смогла как следует рассмотреть темные оббитые железом Врата, не говоря уже о том, чтобы разобрать начертанные на них руны. На стук Келебрана распахнулось небольшое окошко и низкий хрипловатый голос спросил:

— Кто тревожит покой уважаемых гномов в столь неподходящий час?

Диего, не говоря ни слова, просунул в окошко запечатанную записку. Несколько

мгновений с той стороны Врат царила тишина, а потом со скрипом распахнулась небольшая калитка.

— Проходите, многоуважаемые, — седобородый гном с ярко горящим фонарем в руке склонил голову. — Лошадок ваших, правда, придется оставить. Но это пустое, здесь имеются конюшни, так что о них позаботятся наилучшим образом. Эй, Самдел, выпади твоя борода! — внезапно заорал он. — Бегом сюда, не видишь, что ли — у нас важные гости!

Откуда-то выскочил запыхавшийся гном помоложе и, в отличии от старшего товарища, удостоившего нас только кивка, склонился в поклоне.

— Счастлив приветствовать многоуважаемых гостей в Горном Королевстве.

— Для нас большая честь оказаться в гостях у великого народа, — ответил дел Арьянте.

Старший гном довольно улыбнулся, услышав эти слова, и распорядился:

— Самдел, позаботься о лошадях. А вас, многоуважаемые гости, прошу следовать за мной.

Мы шагнули через порог и Врата вновь захлопнулись за нами, отрезая Горное Королевство от всего остального мира.

— И еще по стаканчику, многоуважаемые, — мастер Громмыш в очередной — бессчетный — раз разлил горную слезу по граненым стаканам.

Я с сомнением повертела в руке свой. Если моим спутникам, не говоря уже о почтенном гноме, подобное питье и могло бы сойти почти за воду, то вот о себе я сказать этого никак не могла. В тепле меня быстро разморило, а сытный ужин и хмельной напиток окончательно поспособствовали тому, что я начинала дремать прямо за столом. И сейчас я вглядывалась в стакан в своей руке осоловелым взглядом, решая, что нанесет меньшее оскорбление радушному хозяину: мой отказ от любезно налитого кристальной чистоты самогона наилучшего качества, которое только можно себе вообразить, или же мое падение со стула прямо посреди разговора. Так и не придя ни к какому решению, я продолжала удерживать стакан на весу. Заметивший это Диего наконец-то соизволил сжалиться надо мной.

— Многоуважаемый мастер Громмыш, — негромко произнес он, — наша спутница устала с дороги. Быть может, не будем заставлять ее сидеть в мужской компании и слушать малоинтересные ей разговоры?

— Ах ты ж пустая жила! — в расстройстве дернул себя за бороду почтенный мастер. — И как я только сам не подумал! Разумеется, девушке необходим покой. Злата! Будь любезна, дорогая, позаботься о нашей многоуважаемой гостье.

Злата, кругленькая коренастая дочь Громмыша с толстыми рыжими косами и румяными щеками, незадолго до того ловко накрывавшая на стол, отвела меня в небольшую уютную комнату и быстро постелила постель, а потом принесла таз и кувшин с водой.

— У нас есть чудные купальни на подземных горячих источниках, — извиняющимся тоном сказала она. — Но я взяла на себя смелость предположить, что уважаемая гостья слишком устала и предпочтет ограничиться сегодня только лишь умыванием.

Я согласно кивнула, наскоро умылась, вытерлась поданным мне пушистым полотенцем, разделась и забралась под одеяло. Последней связной мыслью, посетившей меня перед сном, было то, что Диего не обманул: перина была мягкой, подушка удобной, а одеяло теплым. И впервые за дни нашего путешествия мне предоставили возможность ночевать в отдельной спальне.

В ту ночь мне наконец-то удалось отоспаться. Даже если мне и снились какие сны, то по пробуждению ни один из них мне не припомнился. Проснувшись я оттого, что солнечный лучик, падавший из круглого окошка, расположенного под потолком, подобрался к моему лицу и светил мне прямо в глаза. Отрыв глаза, я поначалу не припомнила, где именно я нахожусь, а сообразив-таки, принялась с любопытством осматриваться. Вчера я была настолько усталой, что в памяти у меня задержались только прорубленные прямо в сердцевине гор невысокие, но широкие коридоры, освещенные светильниками на стенах. Из них уходили ответвления, неведь куда ведущие. Непосредственно к жилищам пришлось подниматься, причем довольно долго, поскольку мастер Громмыш с семейством проживал на одном из верхних уровней. К его апартаментам вел небольшой коридорчик, а сами они скрывались за забавной круглой дверью с колокольчиком у входа. Мне никогда прежде не доводилось бывать в Горном Королевстве, оттого уклад гномов был для меня внове, но, поскольку меня уже пошатывало от недостатка сил, то к его изучению я готова была приступить лишь поутру.

— Уважаемая гостья уже проснулась? — произнес звонкий голосок.

На пороге моего временного пристанища стояла Злата и рассматривала меня не с меньшим любопытством, нежели я ее. В руках дочь почтенного Громмыша держала какой-то сверток, в котором я, приглядевшись, опознала свою одежду.

— Я ее постирала, — пояснила девушка. — И высушила. Уважаемая гостья желает сначала пообедать или же искупаться?

— Пообедать? — удивилась я. — Я что, спала так долго?

— Уважаемая гостья устала, — тактично произнесла Злата.

На мгновение я ощутила неловкость из-за того, что с гномьим этикетом была знакома из рук вон плохо, а затем решила, что попробую поладить с девушкой и без оного — похоже, она не из обидчивых, а вот в мужском обществе буду стараться помалкивать.

— Меня зовут Риона, — представилась я и добавила, вовремя припомнив, что обращение на «ты» у гномов не является неуважительным. — Ты тоже можешь звать меня просто по имени.

Глаза моей собеседницы слегка округлились, она прикусила верхнюю губу, обдумывая сказанное мной. Затем она кивнула.

— А я — Злата. Отец не позволял мне фамильярничать с гостями, но женщин среди них прежде не было. Не думаю, что его распоряжение держаться от людей подальше можно отнести и к тебе, ведь он сам велел мне позаботиться о том, чтобы ты ни в чем не нуждалась.

— Вот и хорошо. Скажи, Злата, а мои спутники уже проснулись?

— Уже давно. Отец распорядился подавать обед как обычно, это где-то часа через полтора.

— Отлично, — я приняла решение. — Я пообедаю вместе с моими друзьями. А пока не могла бы ты отвести меня в купальню?

— Конечно, — Злата улыбнулась. — В такое время там никого нет и тебя никто не будет смущать.

В купальни, как оказалось, из каждого жилища вел отдельный ход — дабы почтенные гномы не были вынуждены разгуливать в халатах по общим коридорам. Сами же купальни разделялись на мужские и женские.

— Мужские находятся ниже, — пояснила моя сопровождающая, указывая попутно на полочку, куда я могла положить свои вещи. — У них там и вода горячее, и пара больше. Ну вот, сама-то разберешься, что к чему? А я приду за тобой через час.

И она оставила меня одну. Я не спеша обошла парочку огромных пещер и отметила, что только лишь ими купальни не ограничиваются, простираясь дальше вглубь горы. Но времени у меня было не так уж много, поэтому я опустила в известковую купель с бурлящими со дна источниками и блаженно прикрыла глаза. Ничего подобного мне еще испытывать не доводилось. Теплые струи воды ласкали тело, расслабляющееся под их напором. В этой купели, блаженствуя, я провела почти весь отведенный мне час, отвлекшись лишь на то, чтобы вымыть волосы под небольшим водопадом, ниспадающим откуда-то с потолка.

Когда Злата явилась за мной, я уже дожидалась ее, облаченная в выданный мне халат. Можно было бы сказать, что он пришелся мне впору, вот только длина его не доходила мне даже до колен, да и рукава были немного коротковаты, так что я только порадовалась гномьей предусмотрительности, заставившей обитателей Горного Королевства соорудить для каждой семьи свой выход из купальни. Вероятно, мое появление в подобном виде в общем коридоре не только шокировало бы многоуважаемых гномов, но и могло бы войти в

местные сказания.

Посмеиваясь над своими мыслями, я переоделась и заплела успевшие высохнуть волосы в косу. Пора было идти на обед.

Мои спутники и мастер Громмыш уже сидели за круглым — я заметила, что гномы определенно питают пристрастие к данной форме — обеденным столом, накрытым белоснежной накрахмаленной скатертью, украшенной вышивкой и кружевами. Они о чем-то бурно беседовали, то и дело прерывая речь собеседника восклицаниями, но при нашем появлении разом умолкли. Злата тут же метнулась в коридорчик, ведущий, видимо, в кухню, а ее отец поднялся со своего места и важным кивком приветствовал меня.

— Рад видеть уважаемую гостью в добром здравии.

— Счастлива оказаться в столь гостеприимном доме, почтенный мастер Громмыш, — вернула ему любезность я.

Злата между тем споро принялась накрывать на стол. Первым делом она принесла штоф с прозрачной горной слезой и закуски к ней: маринованные мелкие опята, соленые огурцы, бочковые помидоры, миску с квашенной капустой с яблоками и клюквой, окорок, нарезанный солидными ломтями и лоснящуюся от жира колбасу.

— Ну, для затравки, — крикнул Громмыш, разливая хмельной напиток по стаканам.

Мои спутники опрокинули их не поморщившись и потянулись к соленостям. Гном закусывал основательно, колбасой. Я, с унынием припомнив, что отказ равносителен оскорблению радушного хозяина, сделала глоток и забросила в рот небольшой гриб. Мастер Громмыш покосился на мой стакан, но ничего не сказал, решив, видимо, что женщина может и не пить наравне с мужчинами. Хотя какие обычаи на сей счет существуют у гномов я представления не имела.

— Для аппетита, — провозгласил гном, разливая горную слезу во второй раз.

В мой стакан он налил совсем немного — обновить. Перед нами между тем уже стояло блюдо с тушеным кроликом, рядом высилась горка отварного картофеля, затем к ним прибавилась запеченная с яблоками утка, а Злата все сновала между кухней и столовой, принося все новые и новые блюда.

— И для хорошего настроения, — заключил мастер Громмыш, наливая в третий раз.

Мне опять досталось на небольшой глоточек, но жаловаться я точно не собиралась. Залпом допив самогон, я закусила небольшим моченым яблочком и потянулась за кувшином с клюквенным морсом. Злата к нам за обедом не присоединилась. Я вспомнила ее слова о наказе отца, затем — о ныне покойных родителях лавочника Равеля, и вынуждена была согласиться, что в запрете гнома имелся свой резон. Обедали мы молча, поскольку еду гномы уважали и разговоры во время трапезы почитали за дурной тон и невоспитанность. И лишь когда Злата убрала опустевшие тарелки, мастер Громмыш вернулся к прерванной нашим приходом беседе.

— Стало быть, надо собирать совет, — заявил он, поглаживая бороду.

Поскольку мое присутствие его, по всей видимости, не стесняло, я решила остаться и послушать, о чем пойдет речь — авось и узнаю что-нибудь новое о цели нашего путешествия.

— Пожалуй, что и надо, — откликнулся Диего. — Как скоро он соберется?

— Самое раннее — к завтрашнему полудню, — задумчиво сказал гном. — А то и к послезавтрашнему. Я, разумеется, понимаю, глубокоуважаемый дел Арьянте, вашу спешку, но мы, гномы, любим продумать все основательно, а не суетиться, подобно людям.

— К завтрашнему полудню было бы предпочтительнее, многоуважаемый Громмыш, — заметил королевский кузен.

— Оно-то конечно, — согласился хозяин. — Да вот только не могу вам этого обещать. Сами понимаете, это не только от меня зависит. Но я, со своей стороны, приложу все усилия — да заржавеет моя секира, если я солгал.

— Я ни на мгновение не усомнился в вашем желании помочь, достопочтенный мастер, — слегка склонил голову дел Арьянте. — Если бы я мог быть еще уверен в поддержке ваших соплеменников...

Громмыш покачал головой.

— Никак не могу за них поручиться в этом вопросе. И рад бы пообещать, да не смею давать вам ложные надежды, уважаемый дел Арьянте. Но я сделаю все, что в моих силах, дабы убедить совет.

— Буду вам премного благодарен.

— А теперь, многоуважаемые гости, не желаете ли осмотреть наиболее примечательные места Горного Королевства? Уверен, вы увидите немало удивительных и интереснейших вещей.

Я согласилась охотно, Келебран — с вежливым интересом. Диего, как я поняла, был в Горном Королевстве уже далеко не в первый раз, но все равно вызвался составить нам компанию. Мне же было очень любопытно. До вчерашнего дня я и представления никакого не имела о том, как живут гномы, поэтому внимательно все рассматривала и слушала пояснения мастера Громмыша. По его словам, верхние уровни отводились для жилья, а на нижних располагались кузни и мастерские. Вглубь гор уходили шахты, но их нам осмотреть не позволили. Коридоры, по которым мы следовали в, как выразился наш сопровождающий, «места общественные», были хоть и просторны, но невысоки — кое-где дел Арьянте и Келебран разве что не касались макушками потолка, однако же наполнены воздухом и светом, где естественным, проникающим через высоко расположенные оконца, а где и искусственным от многочисленных фонарей на стене. Под «места для собраний» у гномов отводился целый уровень. Ввиду послеполуденного времени народу нам попадалось мало — все были заняты своими делами. Мы осмотрели Каменный Парк — огромную пещеру, которую наполняли искусно сработанные статуи животных и каменные деревья, перед которыми я застыла в восхищении, поглаживая пальцами трещинки в неживой коре. Мой полудетский восторг при виде этого чуда, похоже, весьма понравился Громмышу. Затем было Гульбище, предназначенное для проведения всевозможных празднеств — на меня оно произвело куда меньшее впечатление, нежели парк, хотя обставлено было не в пример наряднее, а стены его покрывало напыление из золота и серебра, складывавшееся в причудливые картины и украшенное полудрагоценными камнями. Зал Совета вызвал мое любопытство лишь из-за послеобеденного разговора и я мысленно прикинула количество мест в нем — около тридцати кресел, расположенных полукругом над небольшим ровным пятачком, и площадка, где могло бы поместиться немалое количество народу стоя.

— А теперь, — торжественным голосом провозгласил почтенный гном, — вы увидите самое прекрасное, что только имеется в Горном Королевстве — Чертоги!

Тронный Зал был... удивительным. Единственное слово, которое пришло мне в голову, стоило распахнуться двери. Потом, конечно же, возникли и другие: восхитительный, чудесный, величественный. Но все-таки первым, что я ощутила, было удивление — настолько мало Чертоги походили на все, виденное мною до сей поры в Горном

Королевстве. Разумеется, не могло быть никаких сомнений в том, что сработали его гномы, а не, скажем, эльфы либо же люди. И в то же время я вынуждена была признать, что никак не ожидала увидеть нечто подобное.

Все подгорные помещения, где мне удалось побывать до сих пор, были преисполнены какого-то домашнего уюта, даже общественные купальни или Каменный Парк. Да что говорить, если даже членов Совета легко можно было представить в креслах с трубками в зубах, решающими насущные вопросы, изредка отвлекаясь на распитие горной слезы. Разумеется, вряд ли почтенные гномы позволяли себе подобное поведение, но пришедшая в голову картинка выглядела достаточно яркой и правдоподобной. Тронный Зал же был строг. Ступив туда, я ощутила, как невольно расправляются плечи и приподнимается подбородок. Кроме того, он весь был пронизан светом, льющим из длинных узких окон во всю стену — а не из привычных небольших окошек под потолком. Колонны и арки, по-гномьи солидные и основательные, поддерживали уходивший куда-то ввысь свод. И никакой позолоты или разноцветных камешков, вспыхивающих искорками, только гладкий светлый камень полов, колонн, ступеней резного массивного трона. Неслышно ступая, я приблизилась к нему.

— Он ждет возвращения правителя, — в гулкой тишине негромкий голос мастера Громмыша показался оглушающим. — Мы тоже ждем... и верим.

Повинуясь внезапному порыву, я поднялась по ступеням и провела пальцем по причудливой резьбе на спинке. Кристалл на моей груди нагрелся, словно опять желал предупредить — только о чем? Спускаясь обратно, я разглядела ошеломленные лица своих спутников. Гном выглядел абсолютно потрясенным, словно узрел нечто невероятное. Однако же никто из них не промолвил и слова, а стоило нам покинуть Чертоги, как почтенный Громмыш принялся настойчиво уверять нас, что прогулка наша порядком затянулась и уже пришла пора ужинать. Не в первый раз за время путешествия пришла мне в голову мысль, что все окружающие знают куда больше меня, но делиться со мной своими знаниями не спешат. Подобные предположения порядком раздражали, но ничего поделать я не могла. Оставалось лишь уповать на то, что эта загадка вскоре будет разгадана. Так оно и вышло. Долго ожидать мне не пришлось.

— Вероятно, вы помните из семейных преданий, многоуважаемые члены Совета, что были времена, когда большая община оборотней проживала всего в трех днях пути от Горного Королевства.

Диего стоял на небольшом пятачке посреди Зала, а в креслах вокруг одного чинно восседали гномы, большей частью сребробородые, хотя кое-где можно было заметить и обладателя темной либо рыжеватой бороды — гнома помладше, включенного в Совет не по причине почтенного возраста, а из-за прочих достоинств. В основном же Совет составляли старейшины родов. Они слушали дел Арьянте не без интереса, но и не сказать, чтобы особо увлеченно. Для нас поставили дополнительные кресла как для почетных гостей и Келебран откинулся на спинку своего и разве что не дремал. Я же, напротив, внимала речи Диего с особым любопытством в надежде, что хоть что-нибудь в этом запутанном деле прояснится. Об оборотнях, коими мамыши из простого люда пугали непослушных детей, я никак не ожидала услышать.

— Глубокоуважаемый гость прав, — степенно произнес солидный гном, сидевший в центре. — Но это дела дней далеко минувших. Тогда еще все народы жили в мире, а оборотни были разумны — не то что сейчас, когда они большей частью находятся в зверином своем облике и, даже превращаясь в людей, сохраняют звериные повадки.

Диего слегка поклонился собеседнику, признав его правоту.

— Как вам известно, почтенные, более двухсот лет назад оборотни переселились на Северные Земли, где постепенно и одичали. Продолжительность их жизни резко сократилась, мало кто из них ныне доживает до сорока лет, однако же их численность, напротив, в последнее время сильно возросла. Им стало не хватать пропитания на скудных землях сурового севера и они попытались вытеснить людей из приграничных территорий, но получили отпор.

Гномы, видимо, все еще никак не могли понять, к чему он ведет — впрочем, как и я. Лишь Келебран, расслабленно сидящий в кресле и изучающий потолок, похоже, знал о цели нашего визита. Ах да, и еще не следовало забывать мастера Громмышя — того, вероятно, тоже посвятили в происходящее. Я поискала его глазами — достопочтенный мастер сидел рядом с весьма пожилым гномом и внимательно оглядывал прочих членов Совета, несомненно подмечая их реакцию на слова дел Арьянте.

— Однако вскоре на наши северные границы свалилась напасть похлеще, нежели одичавшие оборотни — дракон! — заключил дел Арьянте. — Пока что он только ворует скот да сжигает посевы, но как знать, какое зло еще способен он причинить? Король послал на север дополнительные отряды, вот только слишком уж много проблем приходится им решать.

При упоминании о драконе гномы оживились, загалдели, а потом один из тех, что помоложе, переспросил, от изумления подзабыв на время о традиционной вежливости:

— Дракон? Но разве их всех не перебили? — и, словно опомнившись, поклонился, извиняясь за свою несдержанность.

— Считалось, что перебили, — хмуро подтвердил Диего. — Но, как оказалось, не всех.

Гном, уже обращавшийся к нему ранее, тяжело поднялся со своего места и неспешно заговорил:

— Слухи доходят до Горного Королевства и слухи эти самого тревожного толка, уважаемые друзья мои. С тех пор, как эльфы закрылись от всего мира в своей Благословенной Долине, все стало незаметно, исподволь меняться. Вот и мы преградили въезд в наше Королевство воротами и предпочитаем не отпирать их ради ночных гостей. Обратни одичали, а древняя нежить, оставшаяся, казалось бы, только в преданиях, понемногу набирает силу. Я так понимаю, что многоуважаемый гость пришел к нам с предложением от своего короля?

Дел Арьянте поклонился.

— Ум почтенного советника Терзариса куда острее даже его секиры. Король действительно предлагает послать объединенный отряд из числа королевских лучников и гномов-охотников на поимку дракона. Известно ведь, что в старину именно гномы были непревзойденными драконоборцами. Король выражает надежду, что, заручившись поддержкой горного народа, его лучшие стрелки смогут выследить и убить сию пакостную тварь.

Его слова вызвали очередное бурное обсуждение у гномов. Некоторые, в числе коих были Терзарис и Громмыш, полагали, что людям необходимо послать подмогу, однако же немало было и тех, кто усердно доказывал, что дела людские Горного Королевства никоим образом не касаются. Споры становились все жарче.

— А что получают с этого гномы? — запальчиво выкрикнул кто-то.

— Половину сокровищ дракона, разумеется, — меланхолично ответил дел Арьянте.

Голоса он не повышал, однако же слова его оказались прекрасно расслышаны спорщиками и на несколько мгновений все утихло, осмысляя сказанное. Драконы славились своими сокровищницами и по стародавнему закону, принятому еще в те времена, когда эти твари водились повсеместно, все добро отдавалось в казну той страны, на территории которой дракона и убили. Доблестные воины, победившие крылатого змея, разумеется, получали вознаграждение, но половина всех сокровищ — это предложение было неслыханно щедрым. Теперь сторонников Диего среди членов совета прибавилось, но нашлись и те, кто выразил сомнение, что недавно появившийся дракон смог накопить солидное количество драгоценностей, а ради небольшой суммы и рисковать смысла нет. Спор разгорелся с новой силой, осложняясь тем, что аргументы, приводимые обеими сторонами, ни чем не могли быть подкреплены — ведь не убив дракона в его сокровищницу не заглянешь. Гномы завелись изрядно, некоторые из них вскочили на ноги и яро отстаивали свое мнение, потрясая бородами и кулаками.

Неожиданно для самой себя поднялась и я.

— Среди сокровищ дракона вы обнаружите утерянную корону, — сами собой, помимо моей воли, вырвались слова.

Споры утихли мгновенно. Гномы замолчали на полуслове и застыли в самых нелепых позах. А потом все разом повернулись ко мне, видимо, ожидая объяснений. Проблема, однако, состояла в том, что у меня их не было. Я и сама не могла понять, что заставило меня сказать эту странную фразу.

— Жила первородная! — ахнул Громмыш.

И слова эти будто бы оживили его собратьев. Они снова загалдели, обсуждая, кто я такая и откуда могу знать об их утраченной реликвии.

— Риона — Прорицательница, — скучающим тоном произнес дел Арьянте.

Оба мои спутника вообще вели себя, словно не произошло ничего, хоть сколько-нибудь

достойного их внимания, хотя я готова была поспорить на последнюю монетку, что мои слова являлись для них не меньшей неожиданностью, нежели для гномов.

— Ах ты ж пустая порода! — выругался мастер Терзарис. — Неужто и правда Прорицательница?

— Беглая, — невесть зачем пояснила я.

— Оно и правильно, девочка, — неожиданно одобрил дряхлый гном с белоснежной бородой, что разглядывал меня, щура подслеповатые глаза. — Нечего позволять всяким клопам-кровососам наживаться на чужом даре. Говоришь, корону видала?

— Золотой обруч с семью алмазами.

Гномы ахнули.

— Полагаю, это меняет дело, — обратился Терзарис к соплеменникам. — Раз у дракона находится корона нашего легендарного правителя, то отобрать ее у зловредной ящерицы — дело чести для горного народа.

Собравшиеся одобрительно загудели. Возможность вернуть достояние Горного Королевства воодушевила их куда больше, нежели просьба короля о помощи жителям приграничных деревень.

— Надобно решить, кто именно отправится на Север, — объявил довольно молодой крепкий гном с каштановой бородой. — Вызываюсь добровольцем!

Келебран едва заметно усмехнулся.

Споры по поводу участников отряда длились довольно долго, но по накалу страстей заметно уступали предыдущим. Я же все это время откровенно скучала, поскольку имена незнакомых гномов и обсуждения их воинских (хотя, скорее уж, охотничьих) достоинств интереса у меня никак не вызывали.

Наконец-таки члены совета смогли прийти к согласию. Диего торжественно заверили в поддержке и пообещали на следующий же день отправить королю письмо, в котором описывались бы итоги сегодняшнего собрания. А нас пригласил к себе на ужин мастер Терзарис.

Его жильё располагалось по соседству с Громмышем и мало чем отличалось. Та же основательная крепко сбитая мебель из темного мореного дуба, те же кованые светильники на стенах и картины из чеканки. Его жена, румяная улыбчивая Бирюза с лучиками морщинок вокруг карих глаз и с седыми прядями в темно-каштановых косах, накрыв на стол не ушла, как Злата, а присоединилась к нам. Разливая по стаканам горную слезу, ей Терзарис налил до краев.

— За обретение утерянной короны, — провозгласил хозяин первый тост, отступив от традиций.

Впрочем, мои спутники охотно выпили и за корону. Я так и вовсе подозревала, что им все равно, за что именно они пьют, но вслух столь крамольные мысли, разумеется, не высказывала. Мне же самой горная слеза — неслыханное дело! — уже порядком поднадоела, но объявить об этом означало нанести гостеприимному хозяину огромное оскорбление, так что я быстро отпила глоток, постаравшись не поморщиться при этом, и закусила тоненьким до прозрачности ломтиком буженины. Бирюза тем временем наполнила мою тарелку кусочками куропатки, тушеной капустой и свиными сардельками. Еда у гномов была принята сытная и обильная, угнаться за ними я никак не могла, а вот мужчины не отставали. Я все еще жевала куропатку, когда жена Терзариса принесла блюдо с фаршированным зайцем, вызвавшим довольные возгласы.

— Моя жена — отменная стряпуха, одна из лучших во всем Подгорном Королевстве, клянусь своим молотом, — заявил хозяин.

— Согласен, — поддакнул Диего, перекладывая себе на тарелку огромный кусок пирога с грибами. — Предлагаю за это выпить.

Мастер Терзарис взглянул на него с уважением.

— А ты мне нравишься, парень, — внезапно отбросив церемонности, сказал он. — Из тебя вышел бы преотличный гном, вот будь я эльф плешивый, коли не так!

Келебран, как раз отхлебнувший яблочного сока из большой кружки, при этих словах поперхнулся, уголок рта дел Арьянте дернулся, а я с недоумением перевела взгляд с одного на другого. Гном был занят тем, что разливал самогон по стаканам, его жена ушла за очередным блюдом, так что странную реакцию гостей они не заметили.

— За тебя, Бирюза! — взревел Терзарис, стоило хозяйке подойти к столу и поставить на него блюдо с румяными пирожками. — Наш уважаемый гость предложил выпить за лучшую хозяйку Горного Королевства!

Бирюза смутилась и покраснела, но было отчетливо заметно, что похвала ей льстит.

Дальше пошли уже более традиционные тосты. Пили за удачу, за богатую жилу, за острую секиру, за здоровье всех присутствующих по очереди. Бирюза, оправдывая высокое звание лучшей хозяйки Горного Королевства, подала сладкое: пироги с яблоками и тыквой, творожную запеканку с изюмом, орехи в меду. К мастеру Громмышу мы вернулись уже ближе к середине ночи и едва держались на ногах. Злата принесла мне воду для умывания и подала полотенце.

— Скажи, — спросила я у девушки, вытаскивая цепочку с кулоном, — ты знаешь, что это такое?

Злата повертела мое украшение в руках, поднесла поближе к лицу, внимательно рассмотрела.

— Безделица, — наконец вынесла она вердикт. — У нас делают подобные для девочек. Смотрится красиво, а ценности особой не имеет.

Совсем не такого ответа я ожидала. Как же мой кулон мог оказаться безделушкой, не имеющей особой цены, если он обладал столь удивительными свойствами? Да он спас мне жизнь в лесной пещере!

— А кристалл? — задала я очередной вопрос. — Он откуда?

Злата пожалала плечами.

— Такие иногда находят в самом сердце горы. Свойств у него, насколько мне известно, тоже ценных нет, потому их и используют просто для украшения жилища или еще вот детям дают поиграть. Девочкам, опять же, разные украшения отцы мастерят: браслеты там, колечки. И ребенку радость, и не жалко, если вдруг потеряет. А тебе подарил кто на память, да?

Укладываясь в постель, я все обдумывала слова Златы. Не было похоже, чтобы девушка лгала. Да и Равель расстался с кулоном слишком легко для его прижимистой натуры, что опять же только подтверждало малую ценность украшения. Но все-таки я чувствовала, что все далеко не так просто. И была намерена носить кристалл на груди и дальше — в конце концов он уже сослужил мне добрую службу.

В последующие три дня я видела Диего и Келебрана лишь за завтраком и поздним ужином. Они пропадали то в мастерских, где спешно изготавливалось оружие для как раз сформированного отряда драконоборцев, то в Зале Совета, ведя долгие переговоры с достопочтенными гномами. Меня развлекала Злата, но, поскольку у нее имелось множество иных дел, я частенько оставалась предоставлена самой себе. Никто не возбранял мне ходить там, где заблагорассудится, лишь шахты по-прежнему оставались под запретом. Вскоре я обнаружила, что у меня появились в Горном Королевстве излюбленные места. Первым, что неудивительно, оказались купальни, в которых я могла находиться часами, нежась под струями теплой воды. Вторым же был далеко не Каменный Парк, так понравившийся мне в первый день пребывания в мире гномов, а, сколь бы странным это ни показалось, заброшенные Чертоги. Я входила в безмолвный Тронный Зал и, ступая по возможности неслышно, всегда первым делом приближалась в высеченным в скале длинным узким окнам и осторожно выглядывала наружу. Всякий раз я видела один и тот же пейзаж — заснеженную долину, посреди которой посверкивало затянутое льдом озеро, формой напоминавшее полумесяц. Картинка была спокойной и мирной, но отчего-то внушала мне безотчетный страх, словно я могла слышать сквозь вереницы веков смутные отголоски кровавых событий, некогда происходивших там. Мастер Громмыш, когда я спросила его об озерце, ответил, что именно в этой небольшой долине произошла в незапамятные времена великая битва между горными троллями и гномьим народом за право обладания здешними горами. Гномы победили, пусть и ценой огромных потерь, и основали свое Горное Королевство, похоронив в тихой ныне долине своих павших. Могил среди сугробов разглядеть я не могла, зато память о сражении жила в этих местах и прорывалась в мой разум неясными видениями. Никакого удовольствия они мне, разумеется, не доставляли, но и отказаться от походов в Чертоги я отчего-то не могла. Они манили меня, притягивали сильнее, нежели мощный магнит мелкие металлические вещицы.

Мне в эти дни у гномов вообще стало казаться, что дар мой, дремавший столь долгое время, вдруг пробудился или обострился — точного слова я подобрать не могла. И он больше не пугал меня. Я смирилась с тем, что несколько отличаюсь от прочих людей, тем более, что это было хоть и не всегда приятно, но зачастую выгодно — во всяком случае теперь, когда мне больше не грозило заточение в храме.

Вдоволь насмотревшись на своеобразное кладбище, я подходила к трону и усаживалась на верхней ступеньке. Прикоснуться к самому креслу мне больше не хотелось, а мысль присесть в него даже не приходила в голову. Я разглядывала огромный пустой зал, причудливо расцветенный росчерками льющегося из окон света и ниспадающих от колонн теней. Его пустота и безмолвность казались мне не мертвыми, а спящими и ожидающими пробуждения. Иногда я закрывала глаза и мне представлялось, что Чертоги оживают, наполняясь шумом шагов и гулом голосов. Но стоило мне вновь распахнуть веки — и я видела ставшую уже привычной картину, в которой являлась единственным живым персонажем.

На третий день после обеда ко мне присоединился Келебран. Сел рядом, опираясь на подножие трона — похоже, ни малейшего трепета перед святыней гномов он не испытывал.

— Диего утащили на Совет подписывать какие-то важные бумаги, — пояснил он, хотя

вопросов я не задавала. — Договор такой, договор сякой. А я сбежал.

— Разве тебе не нравится у гномов? — уловив в его голосе недовольные нотки, поинтересовалась я.

На «ты» мы перешли как-то незаметно во время очередного застолья.

— У них неплохо, — блондин пожал плечами. — Да и хозяева они гостеприимные. Вот только душно мне здесь, в их Горном Королевстве, без простора и ветра. И вентиляция у них отменная, и воздух вроде бы теплый, сухой и свежий, и зимы нет — а мне не по себе.

— Понимаю, — откликнулась я.

— И еще эта их церемонность, — продолжил Келебран. — Диего проще, он все-таки вырос во дворце. А я излишних славословий не люблю.

— Так и не скажешь, где вы с ним познакомились?

Блондин немного помолчал, а потом нехотя ответил:

— Да я его с детства знаю, наши отцы дружили. Вот только расспросов о своей семье не люблю. Придет время — поймешь, почему.

— Знаешь, — тихо сказала я, — я тоже не люблю говорить о своей семье. Вообще предпочитаю не вспоминать о прошлом. Вот только в дороге отчего-то припомнилось. Да и тогда, в пещере, Марь предстала в образе подруги, которую я любила.

— Я боялся чего-то подобного, — грустно сказал Келебран. — Не будь у тебя дара, ей было бы тяжелее к тебе подступиться, а так, получается, ты связана с потусторонним миром. Хотя вот Диего — обычный человек, а его накрыло сильно.

Из этих слов можно было сделать вполне определенный вывод: Келебран — человек необычный. Впрочем, о том я уже и сама догадывалась. О видении, посетившем Диего, расспрашивать тоже не стала — не мое это дело, чужие кошмары.

— А ты увидела легендарную корону правителя, прикоснувшись к трону? — уводя разговор в сторону, задал вопрос мой собеседник. — Или уже на Совете?

— Корону — здесь. И того самого правителя, что носил ее, на троне, — пояснила я. — А что реликвия у дракона, поняла только когда заговорили о его сокровищах.

— Легендарная корона легендарного правителя, невесть когда утерянная и так и не найденная. Гномы верят, что когда они ее обретут вновь, ушедший в вечность правитель вернется к ним, возродившись в одном из своих потомков и снова наступит Золотой Век. Хотелось бы верить, что так оно и будет. Пока что наступило лишь Смутное Время.

— Мне тяжело судить, — отозвалась я. — Последние годы я была слишком занята своими проблемами, чтобы обращать внимание на окружающий меня мир, а той деревеньке, где нашел меня Диего, никогда ничего не происходило.

— И все же и тебе довелось столкнуться с переменами. Например, члены Ордена, которые искали тебя — сам их Орден появился не так уж давно, чуть больше десятка лет назад. Его основали бывшие служители, ощутившие, как набирает силу древнее зло. Вот только обвинили они в этом невиновных. От безысходности занялись они охотой на ведьм и колдунов, большинство из которых — абсолютно безвредные люди вроде деревенских знахарей и травниц.

— Отчего король не разогнал Орден? — задала я давно мучивший меня вопрос. — Ведь ему-то должно быть понятно, что в него входят попросту преступники.

Келебран пожал плечами.

— Наверное, об этом тебе лучше спросить у Диего. Я же всегда старался держаться в стороне от политики. Сейчас вот ввязался по дружбе — и потому, что надеюсь на успех

нашего дела. А что до Ордена — нельзя называть его членов преступниками. Они ведь передают пойманных королевскому правосудию и тех чаще всего отпускают.

— Да, только вот в королевский суд несчастные зачастую попадают после допросов и ритуала очищения, — гневно воскликнула я и голос мой эхом отразился от каменных стен.

— Понимаешь, Риона, — мой собеседник вздохнул, — орденцы — фанатики и потому опасны. Их лучше держать под присмотром. Вероятно, король решил, что борьба с колдовством далеко не наихудшая идея. Ведь кто знает, с кем они начнут сражаться, запрети им выискивать ведьм? Но, повторюсь, это только лишь мои соображения. Возможно, у короля есть иные причины не уделять Ордену особого внимания.

— Но это же несправедливо!

Губы Келебрана искривились.

— Политика к справедливости никакого отношения не имеет, Риона.

— Скажи, а ты бывал ранее у эльфов? — на сей раз тему сменила я.

— Бывал. И неоднократно.

— Расскажи мне, какие они, — попросила я. — Вот гномы, например, вроде бы и похожи на людей, но все же отличаются заметно. А эльфы?

— А эльфа внешне ты даже сможешь спутать с человеком. Только они все красавцы и красавицы, как на подбор — высокие, стройные, гибкие, с точеными лицами и большими глазами. Но среди людей красота тоже не редкость. А вот взгляд у них совсем иной. Знаешь, вот иногда встретишь такого — совсем молоденький юноша на вид, а смотрит, словно прожил бесчисленное количество лет и знает нечто неведомое человеческим мудрецам. Да так оно, по сути, и есть. Странное и непривычное сочетание вечной юности и многовековой мудрости. Им чужда человеческая торопливость и суета — здесь они, пожалуй, ближе к гномам, чем к нам. И еще им присуще этакое спокойствие, не высокомерное, но усталое. Вывести эльфа из себя — задача для человека непосильная. К людям они относятся так, как взрослые к несмышленным детям. Хотя, наверное, правильнее будет сказать «относились», ведь давно уже эльфы закрылись в своей Благословенной Долине и не желают иметь с людьми никаких дел.

— А как же ты? Тебя ведь они принимают?

— А я — исключение, — голос Келебрана стал резким, между бровей появилась морщинка. — Досадное, правда. Я не хочу сейчас говорить об этом. Поверь, скоро ты сама все узнаешь.

Ответить на это мне было нечего. Похоже, в прошлом блондина были моменты никак не менее тяжелые, нежели в моем, и обсуждать то, что лежало тяжелым камнем на сердце, никто из нас пока не был готов.

Еще некоторое время мы просто сидели в молчании, наблюдая, как постепенно удлиняются тени, а золотистые отсветы солнечных лучей начинают алеть, окрашивая светлый камень призрачные багровые тона.

— Пойдем, — наконец сказал Келебран. — Скоро уже ужин, да и Диего, наверное, никак не поймет, куда я запропастился.

И он подал мне руку, помогая подняться. Впоследствии мне неоднократно приходилось ловить на себе его задумчивый взгляд. А еще казалось, будто мы стали пусть и ненамного, но ближе друг к другу.

Наконец гномий отряд отправился на север. Пришла пора и нам собираться в дорогу. Я испытывала легкое сожаление от того, что вскоре придется покинуть гостеприимное Горное Королевство. Здесь, несмотря на некоторые особенности населяющего его народа, я чувствовала себя легко и свободно. Со Златой мы и вовсе сдружились, а мастер Громмыш стал мне представляться кем-то вроде заботливого дядюшки. Диего становился все задумчивей и подолгу что-то обсуждал с Келебраном, который, напротив, с нетерпением ждал продолжения нашего похода. Если мне случалось приблизиться к своим спутникам во время одного из таких обсуждений, то они, против моих ожиданий, вовсе не замолкали и не гнали меня, но понять из их разговоров я мало что могла. То и дело звучали названия неизвестных мне местностей и имена незнакомых мне людей — или не людей вовсе. Пользы в моем присутствии в такие моменты не было ни для меня, ни для мужчин, так что я покидала их и возвращалась к своим делам. В последний день перед отбытием я зашла в Чертоги бросить прощальный взгляд на трон легендарного правителя. И снова мне почудилось, что величественный зал заполнен толпами народа, а с возвышения милостиво взирает на своих подданных почтенный гном с мудрыми глазами. Относилась эта картина к прошлому или же к будущему, сказать я не могла.

Часть пути решено было пройти через горы, срезая таким образом изрядное расстояние. Лошадей, правда, приходилось оставлять в конюшнях при Вратах и следовать далее пешком, но Келебран пояснил, что нам в любом случае ехать верхом бы не пришлось, ведь некоторые участки дороги в Заповедную Долину лошади преодолеть не смогут. Меня это известие никак не могло порадовать, однако же Диего пообещал, что почти весь груз возьмут на себя они с Келебраном, а я смогу пойти налегке. Мастер Громмыш скрупулезно отмечал наш путь на карте, ведь переходы, по которым нам придется следовать, к жилой зоне уже не относились и заблудиться в них означало бы верную смерть. Мужчины внимательно всматривались в его чертежи и задавали вопросы, а я сокрушалась про себя, что понимала в объяснениях гнома крайне мало. Обнадеживало лишь то, что мои спутники явно были понятливее и опытнее меня.

Злата приготовила для меня подарок — лично ею сшитые брюки из плотной кожи и теплую шерстяную тунику, пояснив, что у гномов в походы подобным образом одеваются и женщины.

— В платьях неудобно передвигаться по туннелям, — смущенно пояснила она. — Правду сказать, наши женщины редко когда оставляют домашний очаг, но такой вот наряд имеется у каждой — на всякий случай.

Теплый плащ был увязан в узел с прочими вещами, ведь в Горном Королевстве было тепло и зимняя одежда должна была пригодиться мне лишь по выходу наружу. Еды нам наготовили с собой столько, что я опасалась, как бы эта ноша не оказалась непосильной даже для столь закаленных испытаниями мужчин, как Диего и Келебран. А мастер Громмыш в ночь перед нашим уходом сделал мне неожиданный подарок.

— У тебя есть оружие, Прорицательница? — спросил он, тревожно вглядываясь мне в лицо темными внимательными глазами.

Я кивнула и протянула ему свой кинжал, который тут же подвергся самому придирчивому осмотру.

— Оно конечно, нет ничего лучше доброй острой секиры, — ворчал гном. — Эльфы, разумеется, любили луки, — тут он скривился, выказывая тем самым свое отношение к данному виду оружия. — Никчемное баловство, как по мне, в одиночку с луком туговато придется. Вот мечи у ушастых шельмецов были хороши, это да, здесь не поспоришь. Только зачем доброму гному меч? Мечом ведь, при случае чего, дров обогреться не нарубаешь. Секира, разумеется, тоже далеко не топор, но вдруг коли придется... Понимаешь?

И он лукаво мне подмигнул, а я подумала, что его секира куда лучше знакома с деревьями, нежели с шеями врагов. Повертев мой кинжал в руке еще немного, мастер Громмыш отдал его мне, а затем протянул еще один, покрупнее моего.

— Вот, сделал для тебя. Сам выковал. Бери-бери, заслужила, клянусь своей бородой. Ты ведь предсказала нам возвращение правителя — а это дорогого стоит.

— Короны, — поправила его я.

— Вернется корона — вернется и правитель, — торжественно провозгласил гном. — О том известно всякому жителю Горного Королевства.

Спорить я не стала. Быть может, уверенность гномов и имела под собой веские основания, но мне о том ведомо не было. А вот торжественно врученный мне кинжал вытащила из ножен, обхватила рукоять, примеряясь — лег так, словно для моей руки и создан был. Впрочем, так ведь оно и было. Гномы оружейники знатные, пусть даже чудес, подобных эльфийским, от оружия их работы ждать и не приходится.

— Спасибо, — я искренне поблагодарила Громмышу.

Ножны моего нового оружия были украшены причудливыми узорами, а на лезвии кинжала у самой рукояти проступала вязь рун — стало быть, кинжал заговорен на одного хозяина. Не то, чтобы я сильно верила в подобную волшбу, но мне все равно было приятно.

— Береги себя, Риона, — со вздохом сказал мастер Громмыш почти как дядюшка Равель в казавшейся мне теперь такой далекой деревне.

— Ничего, — вымученно улыбнулась я. — У меня такие защитники, с ними не пропаду.

Однако же сердце тревожно сжалось. Диего и Келебран, разумеется, будут защищать меня от опасностей, но хватит ли им сил? Некстати вспомнилось искаженное судорогой лицо дел Арьянте в лесной пещере. Да таким защитникам и самим временами помощь нужна. Но почти сразу же нахлынул стыд за насмешливую мысль. Сама-то я хороша бы была, если бы не питье Келебрана и не гномий кулон, каким-то чудом оберегавший меня!

Почтенный гном, не подозревавший о моих размышлениях, осторожно погладил меня по плечу.

— Оно конечно, твои друзья воины знатные, — тихо произнес он, — только ты и сама будь настороже, хорошо? Эх, не хотел бы я отпускать свою дочь в подобный поход! Не место там девицам.

— Ничего уже не поделать, — возразила я. — К тому же мои спутники здорово меня выручили в свое время.

— Ну если у тебя долг чести, то с этим не поспоришь, — по-своему понял мои слова мастер Громмыш.

И опять я не стала его разубеждать. Рассказывать об угрозе быть пойманной храмовниками или же членами ордена, равно как и о принесенной королевскому кузену клятве на крови, у меня не было никакого желания.

Разошлись мы за полночь. Перед сном я еще раз полюбовалась новым кинжалом, вытащила его из ножен, потрогала кончиком указательного пальца острую сталь. И, не в

силах расстаться с подарком, положила его под подушку, сама посмеиваясь над своим поступком.

Мне казалось, что я едва только смежила веки, а меня трясла уже за плечо Злата.

— Риона, просыпайся, пора. Твои спутники уже готовы.

Я нехотя слезла с постели, наскоро умылась и заплела волосы в косу, а затем облачилась в новый наряд. Когда я вошла в столовую, Диего и Келебран, дружно поглощавшие омлет с сыром и ветчиной, едва не поперхнулись. Громмыш, сидевший ко мне спиной, обернулся и расплылся в улыбке.

— Доброе утро, Риона. Проходи, присаживайся. Перед дальней дорогой следует хорошо подкрепиться.

Мой внешний вид не вызвал у него изумления. Видимо, мастеру довелось-таки некогда увидеть представительниц своего народа в походной одежде. Мои же спутники не сказали мне ни слова, лишь переглянулись с изумлением.

Злата и передо мной поставила тарелку с пышным золотистым омлетом и ломтями мягкого свежее испеченного хлеба — когда только успела его испечь? Неужели и вовсе не спала в эту ночь? Затем она вынесла блюдо с гусиным паштетом, нежным, словно тающим во рту, а на сладкое — тоненькие ажурные блинчики с малиновым вареньем. После столь обильного завтрака больше всего на свете мне захотелось вернуться в постель, но увы, выбора у меня не было. Следовало прощаться с гостеприимными хозяевами.

И мастер Громмыш, и его дочь заверили нас в своем дружеском расположении и приглашали непременно заглянуть погостить на обратном пути. Гном довел нас до перехода, за которым начинались запутанные коридоры, тянущиеся вверх, вниз и прямо сквозь горы.

— Ну ступайте, — сказал он, напоследок обняв меня и пожав руки мужчинам. — Да будет легок ваш путь и благосклонны к вам боги.

Бросив на него прощальный взгляд, я отвернулась и шагнула в неизвестность.

Освещение в переходах, пусть и тусклое, но все же имелось. Воздух был теплым и сухим, без малейших признаков затхлости. Первым шел Диего, то и дело сверяясь с картой, за ним следом — я, а замыкал нашу короткую цепочку Келебран. Первое время я еще пыталась рассматривать бесконечные коридоры, но они угнетали своим однообразием. Разговаривать было тяжело, все-таки продвигались мы довольно быстро, а я уже отвыкла от подобной нагрузки. Спустя несколько часов, показавшихся мне вечностью, я ощутила, что устала.

— Скоро сделаем привал, — ободряюще произнес невесть как учувший мое состояние Келебран. — Но недолгий, ведь к вечеру нам желательно добраться до камеры.

— До камеры? — с невольным испугом переспросила я.

Слово это никаких добрых ассоциаций во мне не вызывало. Напротив, мне сразу же привиделось сырое мрачное помещение, вход в которое был прегражден решеткой. Там кого-то держат? Узника?

— Не волнуйтесь, Риона, — со смешком оборвал полет моей фантазии Диего. — Камерами гномы именуют небольшие пещеры, где дозорные либо же путники вроде нас могут провести ночь. У горного народа весьма своеобразное чувство юмора.

Я не поняла, что можно найти смешного в назывании места для отдыха камерой, но уточнять не решилась — и без того спутники мои вели себя как-то странно. Во время сборов они то и дело бросали на меня настороженные взгляды — полагаю, их смущали узкие

шпаны, обтягивающие мои ноги несколько неприличным образом. Но даже ради их душевного спокойствия переодеться снова в платье я бы не согласилась. Несмотря на то, что прошли мы только самое начало пути, нам уже попадались места, где приходилось пробираться, согнувшись едва ли не в три погибели, а за то, что дорога впереди будет гладкой и ровной, поручиться никто не мог, так что жертвовать удобством я не собиралась.

Наконец, свернув в очередной раз, мы увидели нишу с высеченным в ней окном и несколькими небольшими обтесанными камнями.

— Обед, — объявил Диего.

Я с наслаждением опустила на ближайший камень и со стоном вытянула ноги.

— Устали? — спросил дел Арьянте неожиданно заботливым тоном.

Я только кивнула. Тратить силы на разговоры мне было жаль.

— Утром сможете поспать чуть подольше. К сожалению, это все, чем я пока могу вас утешить.

Келебран тем временем присел рядом со мной на корточки. Сняв с меня обувь, он принялся разминать мне стопы уверенными сильными движениями. Я вспыхнула и попыталась отдернуть ноги.

— Не глумите, Риона, — серьезно сказал блондин. — Или вы хотите завтра передвигаться ползком? Уверен, вам это придется не по вкусу.

Я замерла и прикрыла глаза. Странно, но то, что мне казалось не вполне приличным и слегка волнующим, Келебран, похоже, воспринимал как нечто само собой разумеющееся. Да и Диего не обращал на нас никакого внимания, вытаскивая из сумки еду и раскладывая ее на белоснежной салфетке с вышитыми по углам цветами, врученной Златой. Усталость понемногу покидала мои ноги и наконец я довольно-таки смущенно пробормотала:

— Благодарю, Келебран. Довольно.

— Теперь вы сможете дойти до камеры и продолжить путь завтра, — он поднялся и устроился на камне рядом.

— Поешьте, Риона, — вклинился Диего, протягивая мне ломоть хлеба с изрядным куском ветчины. — Вам необходимо подкрепить силы.

Я благодарно кивнула и приступила к обеду. Некоторое время — пока не закончилась еда на импровизированном столе — царило молчание. Наконец Диего блаженно вздохнул и свернул салфетку, предварительно встряхнув ее.

— Отдыхать, конечно, замечательно, — вымолвил он. — Но пора продолжать путь.

Неохотно я поднялась на ноги, без особого удивления отметив, что усталость и тяжесть в них отступили. Все равно к вечеру, после долгого перехода, неприятные ощущения вернутся.

Опять потекли часы монотонной ходьбы по почти одинаковым коридорам. Хорошо еще, что идти пока можно было свободно, даже не пригибаясь. К вечеру, когда мы подошли к месту ночевки, ноги уже вполне ожидаемо вновь гудели.

Пресловутая камера представляла из себя небольшое помещение, на редкость аскетичное для гномов. Аккуратно сложенные в углу тюфяки, которые мои спутники тут же разложили у стены, да плоский камень, заменяющий стол — вот и вся обстановка. Зато вход в комнатку закрывала дверь, а изнутри даже имелся засов. Я и сама не ожидала того облегчения, что испытала при виде немудреной задвижки. Оказывается, совсем о том не подозревая, я боялась спать в открытом коридоре или простой нише. Мы наскоро поужинали и устроились на тюфяках, завернувшись в вытасенные из узлов плащи. Уснула я быстро и

утром не могла припомнить, что именно мне снилось.

Диего сдержал свое слово и позволил мне поспать подольше. Когда я проснулась, завтрак уже поджидал меня, а мужчины дожевывали свои пироги, запивая их морсом из фляги. Поев, мы возобновили наш путь. Переходы вновь утомляли однообразием и я, чтобы отвлечься от дороги, принялась вспоминать деревеньку, которую покинула не столь уж давно, пусть бы и казалось, что прошла уже вечность, ее жителей, дядюшку Равеля, Галну, кривого мельника... И даже не уловила момент, когда ушла в своих воспоминаниях дальше.

Покинув родной город, я не предавалась рыданиям, долгим размышлениям и воспоминаниям — на это у меня не хватало ни времени, ни сил, как физических, так и душевных. Передо мной стояла лишь одна цель — выжить, все прочее отошло на второй план. Решено было перебраться подальше от столицы в надежде, что в отдаленных провинциях храмовники не так скоро сумеют меня обнаружить. В ту пору об ордене я еще даже не задумывалась, к своему счастью, ибо для меня достаточно было постоянного ожидания только одной опасности. К храмам Молчаливого Бога я даже не приближалась и сознательно отправилась на запад, где его культ не был в особом почете. Лишь спустя довольно продолжительное время я выкроила несколько часов на прочтение тех книг, что дала мне Лита, и узнала, что нигде не могу чувствовать себя в безопасности. Наилучшим выходом для меня было бы найти себе влиятельного покровителя, который смог бы позаботиться обо мне и дать отпор и храму, и ордену, но подобный вариант вызывал во мне чувство гадливости и неприязни. Возможно, виноват в том был Карл, по моему разумению, предавший меня, но не менее вероятным являлось предположение, что те мужчины (надо сказать, немногие), что предлагали мне защиту и содержание, вызывали во мне разве что не отвращение: пожилые, расплывшиеся, с сальными улыбками и противными бегающими глазками. Так как денег у меня было немного, а подарки Карла, с которыми я рассталась без сожаления, особой ценности из себя не являли и выручить за них удалось лишь малую сумму, я принялась зарабатывать на жизнь честным трудом, благо, была к оному приучена.

На первых порах я пристроилась в трактир подавальщицей. Вот там-то я и получила несколько предложений пойти на содержание, а когда особо ретивые и немного (а то и изрядно) перебравшие посетители попробовали распускать руки, я была вынуждена отказаться от места. Некоторое время я перебивалась случайными заработками, а затем мне повезло устроиться полумойкой в небольшую аптеку. Хозяин ее, аптекарь Ним, был сухощавым сутулым старичком с обширной плешью и мудрыми выцветшими бледно-голубыми глазами. Он хвалил меня за усердие, изредка заговаривал со мной о своей работе, а заметив мой интерес, предложил попробовать помогать ему.

— Ты разумная девочка, Риона, — сказал он мне. — Не знаю я, что именно у тебя приключилось и отчего ты вынуждена сама зарабатывать на жизнь, да и выпытывать не буду. Захочешь — сама расскажешь, нет — так нет. Платить я тебе много не смогу, мази мои и порошки спросом хоть и пользуются, да дорого я за них не беру, а кое-кого из бедняков, как ты сама могла заметить, пользую и бесплатно. Но кров у тебя будет, и еда, и деньги какие-никакие тоже. Так что подумай.

Я, к тому времени давненько уже превратившаяся из Дары в Риону, охотно согласилась. С аптекарем мы ладили отлично, а ремесло его было мне интересно. Иногда, если я не могла сразу уловить суть его пояснений или же случайно путала ингредиенты, он поругивал меня, но беззлобно. Вскоре я уже стала считать его кем-то вроде деда, которого у меня никогда не было.

И именно в аптеке я познакомилась с Артуром.

Он зашел купить микстуру от простуды для своей двоюродной тетушки, у которой как раз гостил в ту пору, а вышел только уговорив меня встретиться вечером. Артур был молод — на пару лет старше меня, образован и красив. Мне тогда казалось, что более красивого

мужчины на земле не сыскать. Любила ли я его? Я была уверена в том, что испытываю к нему это чувство. Пожалуй, это и была моя первая влюбленность, яркая и сильная, моя первая страсть. Аптекарь Ним осуждающе качал головой, когда я прихорашивалась, собираясь на свидания, но ничего мне не говорил, предоставляя самой принимать решения и набивать шишки. Со временем я узнала, что мой возлюбленный происходит из довольно богатой семьи, его родители проживают в соседнем городе, а сюда он приехал по приглашению тетушки. Я однажды рассказала ему свою историю, а он сочувственно сжимал мою руку и время от времени прерывал меня поцелуями.

— Бедняжка, — произнес Артур, когда мое повествование подошло к концу. — Как много довелось тебе пережить.

Вероятно, я сама наделяла его слова тем смыслом, который он и не собирался в них вкладывать. Отчего-то мне казалось, что наконец-то я нашла свой приют, свою тихую гавань, человека, на которого смогу положиться. И глядя в карие глаза возлюбленного, пропуская между пальцами пряди его русых волос, я ощущала покой и тихое счастье, от которого щемило сердце.

Спустя месяц наших встреч Артур снял для нас небольшой домик и уговорил меня уйти от аптекаря и посвятить себя ведению домашнего хозяйства. Пряча от стыда глаза, я сообщила о нашем решении жить вместе Ниму. К моему удивлению, услышав мои слова, аптекарь не разозлился, а только горько усмехнулся.

— Надеюсь, что у тебя все будет хорошо, Риона. Хотел бы я ошибаться, но не нравится мне твой красавчик. Впрочем, ты и сама об этом знаешь. А мой опыт подсказывает, что в глазах влюбленных объект их любви непогрешим, как бы ни стремились окружающие доказать обратное. Чего уж там, я и сам когда-то... Ладно, это неважно. Запомни одно: двери моего дома всегда будут открыты для тебя.

Растроганная, я поцеловала старика и пообещала непременно пригласить его на свадьбу.

— Стало быть, твой красавчик уже заговаривал о женитьбе?

— Сначала ему надо съездить к родителям за благословением, а потом мы обязательно поженимся.

Мне показалось, что аптекарь хотел сказать что-то еще, но сдержался и промолчал.

Мы были счастливы. Целых две недели. Проводили вместе все время, ходили друг за другом, точно привязанные. Вместе покупали на оживленном рынке у бойких торговки продукты, из которых я готовила нам еду, в то время как Артур сидел за кухонным столом и с нежностью смотрел на меня. Вместе ели, спали, играли по вечерам в слова, болтали ни о чем и обо всем. А через две недели мой возлюбленный отправился навестить тетушку, к которой за все это время так ни разу и не удосужился заглянуть.

— Я недолго, — пояснял он мне, надевая плащ. — А то, право слово, нехорошо получается, я же вроде как к ней погостить приехал.

Я согласно кивнула и поцеловала его на прощание. А потом затеяла печь пироги, надеясь успеть к возвращению Артура, дабы порадовать его.

Скрип калитки я расслышала, но почему-то не придавала ему значения, ведь ушел Артур совсем недавно. А затем дверь распахнулась — без стука. Незванная гостья замерла на пороге, рассматривая меня.

— Так вот ты какая, Даррана, — холодно произнесла она.

Сердце на миг замерло, а затем бешено заколотилось. Ладони вспотели от страха.

Никто в городе не знал моего настоящего имени — никто, кроме Артура, однако же мысль о том, что любимый может выдать меня кому бы то ни было, даже не закралась мне в голову. А дама, богато одетая, с тяжелыми золотыми серьгами в ушах и кольцами, вспыхивающими разноцветными искрами, пренебрежительным взглядом окинула крохотную кухню, на которой я суежилась до ее прихода.

— Кто вы такая? — я изо всех сил старалась не сорваться на крик. — И что вам от меня нужно?

— Деточка, — пропела женщина на редкость противным голосом, в котором притворная ласка смешивалась с презрением. — Деточка, я пришла поговорить с тобой. Ради твоего же блага.

И она, не сняв уличную обувь, прямо по моим выскобленным полам прошла к столу, отодвинула стул и уселась, не дожидаясь приглашения. От злости у меня потемнело в глазах.

— Немедленно отвечайте, кто вы такая и зачем пришли, не то я...

Дама расхохоталась.

— Не то ты — что? Накинешься на меня с кулаками? Правильно сказала о тебе Эмма — невоспитанная вульгарная девка, желающая получше устроиться в этой жизни и окружившая наивного мальчика.

— Кто такая Эмма? — растерянно спросила я, шокированная характеристикой, что дала мне сия незнакомая особа.

— Моя сестра, — пояснила гостья. — И, соответственно, тетя Артура. Полагаю, ты не станешь отрицать, что тебе известно это имя.

— Не стану, — пробормотала я, уже догадываясь о цели визита потенциальной свекрови.

— У меня есть предложение, — перешла на деловой тон мать Артура. — Очень хорошее. Мы купим тебе жилье где-нибудь подальше отсюда и дадим денег. Довольно внушительную сумму, поверь. А ты навсегда позабудешь о моем сыне.

— Но я не могу так, — прошептала я. — Мы любим друг друга.

— Чушь и блажь! — отрезала дама. — Артуру нужна достойная невеста.

— Но вы ведь назвали меня по имени, когда вошли в дом, — все еще продолжала упрячиться я. — Стало быть, знаете мою историю.

— Знаю, — моя собеседница скривилась. — Неужели ты полагаешь, что дочь опустившегося пьяницы и сумасшедшей, беглая Прорицательница — подходящая пара моему ребенку? Ну уж нет, дорогуша. Мы с Эммой присмотрели для Артура приличную девочку из хорошей семьи. За Иззи дают хорошее приданое, к тому же она чиста и невинна. Иззи никогда не стала бы жить с мужчиной вне брака.

Ее слова жгли меня, от обиды на глазах выступили слезы и все мои силы уходили только лишь на то, чтобы не разрыдаться самым позорным образом.

— Я приду через два дня, — заявила гостья. — А ты тем временем обдумай мое предложение. Да, вынуждена тебя предупредить: если ты вздумаешь преследовать моего мальчика, я приму меры. Храм Одинокого Бога есть в городе в двух днях пути. Полагаю, его служители обрадуются, узнав о том, где ты прячешься.

И она ушла, оставив меня с тревожно колотящимся сердцем. Я не позволила себе разрыдаться, пусть мне того и очень хотелось. Поминутно подбегая к окну, я нетерпеливо дожидалась возвращения Артура, чтобы обсудить с ним визит его матушки и вместе принять решение о том, что же нам делать. Возможно, придется опять бежать и скрываться. В то, что

любимый захочет пойти на поводу у родителей и оставить меня ради женитьбы на неведомой Иззи, я верить не желала. Однако за окном уже темнело, сгущались сумерки, затем наступила ночь, а Артур так и не пришел.

На следующий день я с покрасневшими от бессонницы и сдерживаемых слез глазами отправилась на поиски дома Эммы. Я хотела либо подкараулить возле него Артура, либо передать парню записку с просьбой о встрече. Обнаружить жилище тетушки не составило особого труда. Ее дом находился на главной улице города. Шустрый мальчишка, к которому я обратилась с вопросом, привел меня к несколько вычурному и помпезному строению с парочкой нелепых колонн у входа и забранными ажурными кованными решетками окнами первого этажа как раз вовремя, чтобы я увидела выходящую из дома парочку. Это был мой Артур и незнакомая упитанная неповоротливая девица — должно быть, та самая Иззи.

Застыв на одном месте, не в силах пошевелиться, я во все глаза рассматривала соперницу. Полнота ее была какой-то рыхлой, походка тяжелой. Жидкие рыжеватые косы спускались на слегка сутулую спину. Лицо девицы можно было бы назвать приятным, если бы не злой настороженный взгляд бегающих глаз, словно Иззи постоянно ожидала какой-то пакости от окружающих. Я никак не в силах была поверить, что мой Артур мог согласиться жениться на этой девушке. Но вот он склонился к ней, что-то сказал, поднес к губам ее пухлую руку... Я, разом отмерев, опрометью бросилась бежать к жилищу, где была столь счастлива еще недавно. Едва за мной захлопнулась дверь, я рухнула на пол, давась рыданиями. Жизнь представлялась несправедливой, судьба словно насмеялась надо мной. Мелькнула безумная мысль о том, что можно с легкостью разом покончить со всеми несчастьями, просто бросившись вниз с высокого моста. Остановило меня лишь то соображение, что этот поступок Артур и его семейка, скорее всего, воспримут с облегчением. А оказывать им такую милость я не собиралась.

Когда маменька несостоявшегося жениха навестила меня в следующий раз, я спокойным голосом перечислила ей свои требования. Я желала получить дом в одном из городков поближе к западной границе, где культ Молчаливого Бога был совсем не распространен, и довольно крупную сумму денег. При этом я потребовала, чтобы мое появление на новом месте жительства не вызывало особых вопросов — например, дом мог бы достаться мне по завещанию. Каким образом семья Артура сумеет это проверить, меня не волновало. Гостья выслушала меня и согласилась на все мои условия. Вот так я и оказалась в деревушке, где меня спустя почти два года и обнаружил Диего.

К стыду своему, я так и не отважилась попроситься с аптекарем Нимом. Мне неловко было признавать его правоту, потому я трусливо уехала из города, даже не заглянув к нему. Зато на новом месте мне пригодились его уроки. Я быстро обзавелась славой травницы, хотя вершиной моих умений оставались сбор от простуды и мазь от боли в спине. С соседями я подружилась, а ухаживания парочки деревенских парней с легкостью отвергла. Местные ловеласы, судя по всему, даже не обиделись — ведь девушек в деревеньке и без того доставало, а на мне они свои силы испытывали, скорее, ради интереса. И жизнь моя потекла размеренно и неспешно — до той ненастной ночи, когда в дверь мою постучался одинокий путник...

За воспоминаниями я и не заметила, как мы добрались до очередной камеры. Обед тоже как-то незаметно выпал из моего сознания, запомнилось только, что на сей раз Келебран делать массаж мне не стал.

— Это наша последняя ночевка в Горном Королевстве, — объявил Диего. — Завтра мы уже выйдем наружу.

В углу каменного грота, где мы расположились на отдых, находилась выдолбленная прямо в скале чаше, куда тонкой струйкой стекала вода. Мои спутники пополнили наши запасы, а потом мы в молчании принялись за ужин. Быстро поев, улеглись на тюфяки, завернулись в плащи и уснули.

Утром мы не стали прятать зимние вещи, напротив, вытащили еще и перчатки, а я — теплые шерстяные носки. Все-таки снаружи нас поджидала зима.

Очередной коридор, в который мы свернули, неожиданно закончился тупиком. Я уж было начала впадать в панику, но Диего и Келебран сохраняли хладнокровие и, глядя на них, я успокоилась. Дел Арьянте шарил рукой по шершавой стене.

— Есть! — наконец воскликнул он.

Послышался громкий щелчок, а затем со скрежетом стена отошла в сторону, открывая выход наружу. Мы дружно зажмурились от бьющего прямо в глаза яркого солнца. Привыкнув же к дневному свету после полумрака горных переходов, я огляделась. Мы вышли на широкую заснеженную долину. Справа чернел редкий лесок, а слева и впереди ровное белое полотно сливалось с бледно-голубым небом на горизонте. За нашими спинами опять раздался скрежет — это захлопнулась выпустившая нас дверь. Теперь мы были отрезаны от Горного Королевства.

— Куда теперь? — спросил Диего у Келебрана.

— Пока прямо, — ответил тот будничным тоном. — Я скажу, когда надо будет свернуть.

Идти было тяжело. Зима подходила к концу. За те дни, что мы провели у гномов, ощутимо потеплело. Ноги проваливались в рыхлый снег, покрытый сверху тонкой корочкой льда. Перелом с зимы на весну вообще нельзя было назвать удачным временем для путешествий, ведь погода менялась непредсказуемо. То снега начинали таять на ласковом солнце, а то и внезапно могли вернуться лютые морозы. И если льдом сковывало вчерашние лужи, то передвигаться становилось весьма затруднительно. Но выбора у меня не было и я медленно продвигалась за Диего, идущим во главе нашего небольшого отряда, вперед, радуясь уже тому, что день был безветренным. Поначалу я старалась шагать за ним след в след, но вскоре оставила эту затею — слишком уж различалась длина наших шагов.

Спустя несколько часов я поняла, что долгие переходы по коридорам Горного Королевства были совсем легкими в сравнении с походом по укрытой подтаявшим снегом равнине. Солнце поднялось выше и растопило наледь на сугробах, но это несколько не облегчило наш путь. Все тело уже начало ломить. Я оглянулась и увидела, что прошли мы совсем малое расстояние. Горы по-прежнему возвышались над нами, словно насмехаясь, а ведь мне представлялось, что они должны были уйти уже далеко за горизонт.

— Устала? — сочувственно спросил Келебран.

Я сцепила зубы и упрямо помотала головой — на полноценный ответ мне не хватало

воздуха, в груди уже ошутимо жгло. Но мой жест никого не обманул.

— Сможешь пройти еще немного? — заботливо поинтересовался остановившийся Диего. — Келебран, где мы остановимся на ночевку?

— Полагаю, в лесу, — безмятежно отозвался блондин. — Жилья здесь никакого нет.

— Гоблин лохматый! — выругался дел Арьянте. — Что ж ты раньше не сказал?

— Разве это хоть что-нибудь изменило бы?

— Ну... я был бы готов...

Келебран только хмыкнул на такой довод и мы двинулись дальше. Спустя бесконечно долгие часы (хотя, судя по солнцу, прошло совсем немного времени) блондин распорядился сворачивать к лесу.

— Насколько я помню, где-то здесь есть вполне неплохое местечко, где мы сможем устроиться на ночь. Потерпи еще немного, Риона, скоро придем.

Я увидела его еще из-за деревьев — небольшой лысый холм, на котором стояли валуны. Три камня словно склонились друг к другу, образуя некое подобие шалаша. Снег на вершине холма уже сошел, а солнце даже слегка подсушило ворох побуревшей осенней листвы.

— Вот здесь мы и остановимся. Разведем костер, чтобы не было так холодно. Да и камни эти прикроют нам спину в случае чего.

От последних слов Келебрана я непроизвольно поежилась. Вспомнилась лесная пещера и те ужасы, что довелось там пережить.

— А здесь тоже обитает какая-то нежить? — спросила шепотом, осторожно, чтобы не потревожить ненароком злые силы.

Блондин отрицательно покачал головой.

— Точно утверждать не возьмусь, но еще не столь давно ничего подобного здесь не водилось.

Диего тем временем оставил у камня свою поклажу и отправился вниз за сухостоем для костра. Келебран сгреб в кучу относительно сухие листья, соорудив таким образом некое подобие постели.

— Сейчас разведем огонь, так что ночь проведем в относительном тепле, — пообещал он.

Я молча опустила на грудь листвы. Казалось, все силы покинули меня разом. Мой спутник взглянул на меня, как мне показалось, с недовольством, а потом в его руках оказалась уже знакомая мне серебряная фляжка.

— Отхлебни, только совсем немного, — предупредил он меня. — Небольшого глотка хватит, чтобы восстановить силы.

И точно, мне показалось, будто с питьем в меня вливается бодрость.

— Эльфийское? — спросила я, возвращая фляжку хозяину.

— Да, — ответил он. — Весьма сложное в приготовлении и ценное, не из тех, что можно вывезти из Заповедной Долины хоть целую бочку.

Вернулся Диего и принялся разводить костерок. Очень скоро каменные стены нашего убежища согрелись и мне стало тепло. А волшебный напиток придал сил, так что я принялась вытаскивать из сумки продукты, накрывая на стол — если только можно назвать столом постеленную прямо на земле вышитую салфетку. В котелке над огнем забурлила, закипая, вода. Келебран бросил туда пригоршню сушеных трав из небольшого мешочка и до меня донесся сладковатый приятный аромат, наводивший на мысли о лете. Мужчины, возясь

у костра, делили ночное дежурство.

Дел Арьянте выпало дежурить первым. Мы поужинали, запили сухие лепешки и вяленое мясо вкусным травяным отваром и принялись устраиваться на ночлег. Мы с блондином улеглись на груды листьев, завернувшись в плащи, а брюнет устроился спиной к огню. Он слегка повернул голову, задав Келебрану какой-то вопрос и я невольно отметила, насколько он красив. Языки пламени подсвечивали золотом его скулы и темные блестящие волосы и в неверном свете Диего напомнил мне отчего-то бесстрашного непобедимого воина из давних легенд. Я еще успела подивиться собственным мыслям, но как-то вяло и лениво, а затем мои глаза сами собой закрылись и я уснула.

Снились мне незнакомые места, величественные горы, куда выше принадлежащих гномам, увенчанные снежными шапками, зеленые долины, широкие полноводные реки и грозная водная гладь, вздымающаяся бурными волнами с пенными гребнями — никогда не виданное мною море. Иногда во сне я слышала завывания ветра и мне отчего-то становилось тревожно. Ответ на вопрос о том, откуда взялась тревога, не заставил себя долго ждать. Уже утром я узнала, что то был вовсе не ветер, более того, даже не сон.

Разбудил меня Келебран, дежуривший вторую половину ночи. Вид у него был на редкость хмурый, между бровями залегла морщинка.

— Риона, просыпайся, — потряс он меня за плечо. — К сожалению, мы не можем позволить себе долгого отдыха. Диего уже приготовил завтрак, быстро поедим — и в путь.

Я потянулась и поморщилась, ощущая, как ломит все тело. Диего протянул мне лепешку с мясом и кружку с согретым на костре отваром, а еще — изрядный кусок слегка зачерствевшего пирога с капустой и грибами. Спутники мои, видимо, уже успели подкрепиться и теперь спешно уничтожали следы нашего пребывания на холме.

— Как ты полагаешь, они смогут узнать, когда мы здесь были? — спросил Диего.

— Если быстро доберутся сюда, то да. Но я слышал весьма отдаленный вой, так что они не близко. Если нам повезет, то мы успеем уйти достаточно далеко и им попросту не захочется нагонять нас.

— О ком вы говорите? — не выдержала я, изменив своему правилу не задавать лишних вопросов.

Хотя, если подумать, то таинственные преследователи все-таки имели отношение и ко мне, раз уж я тоже шла к эльфам вместе с королевским кузеном и его другом. Вряд ли неизвестные, если они настигнут нас, не обратят на меня внимания, ограничившись Диего и Келебраном.

— О волколаках, — бросил дел Арьянте.

Вероятно, я переменялась в лице и побледнела, потому как он присел рядом со мной и взял меня за руку.

— Мы попробуем оторваться от них, но даже если они нас догонят, то просто так нас не взять. Не переживай, Риона.

— Но, — растерянно пролепетала я, — разве оборотни не ушли? На север, да? Ведь об этом шла речь на Совете.

— Ушли, — отозвался Келебран, опустившийся рядом со мной с другой стороны. — И довольно давно. Только волколаки — они ведь не совсем обычные оборотни. Их некогда изгнали из общины и живут они сами по себе. Хорошо еще, что у них не принято сбиваться в большие стаи. В этих тварях, Риона, не осталось ничего человеческого, они окончательно стали зверьми — но зверьми разумными, хитрыми, коварными и жестокими.

Я вздрогнула. Если до этого я была просто напугана, то слова Келебрана вызвали приступ паники.

— Перестань трястись, — неожиданно жестко сказал блондин. — Диего прав: даже если этой встречи избежать не получится, легкой добычей нас никак не назовешь.

С огромным трудом мне все-таки удалось взять себя в руки и тут дел Арьянте задал очередной вопрос:

— Много их там?

Келебран пожал плечами:

— Судя по вою — пятеро.

— Справимся, — уверенно произнес Диего. — Хотя, конечно же, гораздо лучше будет, если мы с ними не столкнемся вовсе. При свете дня эти твари слабеют, так что шанс ускользнуть у нас есть.

— Но если они днем слабеют, — вмешалась я, — то отчего бы не подождать их здесь и не напасть первыми, пока силы не вернулись к ним?

Мои спутники посмотрели на меня с таким видом, словно я сказала нечто забавное.

— Днем они к нам не приблизятся, Риона, — пояснил Келебран. — А мы находимся сейчас не в самых подходящих условиях для того, чтобы устраивать охоту на волколаков. Так что доедай свой пирог и будем отправляться.

На сей раз я даже не ощущала усталости — страх подгонял меня вперед. Подозреваю, что в иных условиях я уже к полудню свалилась бы без сил прямо на влажный тяжелый снег, но мысли о преследующих нас волколаках не позволяли мне слабеть. Перекусили мы тоже почти на ходу вытащенными Диего из сумки пирогами с мясом. Время от времени Келебран замирал и прислушивался, но нам с дел Арьянте ничего не говорил. Вид у него по-прежнему был мрачный и суровый, из чего можно было заключить, что мы все еще не смогли уйти далеко от опасности.

К тому моменту, когда начало темнеть, беспокойство Келебрана усилилось.

— Они идут за нами, — тревожно сказал он. — Целенаправленно. Такое ощущение, что их прямо-таки притягивает к нам. Вопреки своему обыкновению, они следовали за нами даже днем. И если солнце не отбирало бы их силы, то эти чудовища давно бы нас нагнали. Деваться некуда, Диего. Придется принимать бой.

— Нам нужно какое-нибудь прикрытие, — обеспокоено ответил дел Арьянте. — На равнине мы окажемся далеко не в лучшем положении.

— С этим как раз проблем не будет, стоит лишь свернуть в лес. А если мы пройдем еще немного, то как раз доберемся до небольшой пещеры, где сможем спрятать Риону.

Возражать против того, чтобы спрятаться, я не стала, прекрасно осознавая, что в бою с волколаками я буду не подспорьем, а помехой.

— Надо прибавить шагу, — продолжил Келебран. — Уже темнеет, значит, твари набираются сил и скоро бросятся в погоню по-настоящему. До меня доносится их вой и в нем я слышу ожидание охоты.

Я тоже попробовала прислушаться, но, вполне предсказуемо, ничего не услышала. Давно заметила, что слух и зрение Келебрана намного превосходят мои. Идти было тяжело, но мы действительно ускорили шаги по возможности. Сумрак сгущался. Тоненький призрачный серп луны уже поднялся высоко в небо, а потом скрылся за тучей. Стало еще темнее и вот тут-то и мы с Диего смогли услышать вой. Жуткий тоскливый вой, от которого замирало сердце и кровь стыла в жилах.

— Не раскисать! — рявкнул над моим ухом Келебран. — Мы уже почти пришли. Сворачиваем в лес.

Никогда прежде мне не доводилось бродить по лесу ночью. В темноте лес казался гуще, а за каждым кустом чудилась неведомая опасность. Ощущения были странными, какими-то нереальными. Скорее всего, будь я одна, я и шагу не смогла бы ступить среди черных громад деревьев, не зная, что пугает меня больше: вой, все приближающийся, или таинственная неизвестность впереди. Но Келебран, временно возглавивший наш отряд, уверенно шел к месту нашего ночлега, а мне оставалось лишь следовать за ним. Я поймала себя на мысли о том, что рядом с моими спутниками я почти ничего не боюсь. К сожалению, волколаки никак в список того, что я считала неопасным, не входили. К тому моменту, как мы добрались до упомянутой блондином пещеры, представлявшей из себя небольшое углубление в холме, у меня уже отчетливо клацали зубы. Мужчины, ничего мне не сказав, усадили меня рядом с нашими сумками, а сами принялись споро таскать хворост для костра. И лишь когда огонь, весело потрескивая, взметнулся вверх, Диего обратился ко мне:

— Оставайся сидеть здесь и ни при каких обстоятельствах не вздумай выходить наружу. Огонь при входе должен отпугнуть тварей, да и мы с Келебраном не дадим им прорваться. На всякий случай запомни: если вдруг кто и рискнет сунуть к тебе морду, хватай горящую ветку и бей изо всех сил. Огня эта нечисть боится.

— А вы? Быть может, мы останемся здесь втроем?

— Втроем мы здесь поместимся с трудом и будем совсем лишены свободы движений — в такой-то тесноте. Так что мы останемся охранять вход. Келебран уверен, что ждать они не будут и нападут сразу, так что спать будем уже после битвы.

— Да уж, — пессимистично пробормотала я. — Если выживем, то сможем отоспаться.

Диего приподнял мое лицо за подбородок и серьезно заглянул мне в глаза.

— Все будет в порядке, Риона, обещаю. Их всего пятеро, так что мы справимся. Вот если бы волколаков было побольше, тогда ты могла бы переживать. Но, к нашему счастью, как уже было сказано, в большие стаи они не сбиваются.

И он вышел, оставив меня одну. Я устроилась у стены, вытаскивая на всякий случай подаренный мастером Громмышем кинжал. Немного подумав, взяла его в левую руку, чтобы правой ухватить в случае чего горящую ветвь. Потом попыталась разглядеть, чем заняты мои спутники, но за языками пламени заметила лишь темный силуэт Диего. А вой все приближался. Я отчетливо слышала его, поскольку он перекрывал даже потрескивание пожираемых огнем веток. И от этого вой мороз шел по коже, а сердце в страхе сжималось. Я уже ожидала нападения почти с нетерпением, не в силах вынести то жуткое состояние, когда знаешь, что опасность неминуема, но поделать ничего не можешь.

Внезапно вой утих и от наступившей тишины, прерываемой только треском ветвей в костре, стало совсем жутко. Я крепче сжала кинжал. Глаза уже начинали болеть и слезиться — так напряженно я всматривалась в тьму за языками пламени. И вот я дождалась. Короткий рык и темная тень взметнулась над костром, а затем с визгом откатилась обратно во тьму. Как я ни пыталась, разглядеть схватку мне не удавалось, я видела только неясные пляшущие тени да слышала хрипкое рычание, повизгивание и — изредка — короткие отрывистые ругательства. Вот темное небо прочертил огненный всполох — эльфийский меч Келебрана. А затем случилось то, чего я опасалась — очередной волколак, отброшенный кем-то из моих спутников, не исчез во тьме, готовясь к новому нападению, а кубарем перекатился через костер и оказался прямо напротив меня.

Нестерпимо завоняло паленой шерстью, зверь дико взвыл и оскалил пасть. В ответах костра мне почудилось, что клыки у него были алого цвета.

Вопреки собственным опасениям, я вовсе не впала в оцепенение. Напротив, страх, который я испытывала весь день, словно сжался в крохотный комочек и спрятался куда-то вглубь сознания. Я недобро усмехнулась и ухватила правой рукой специально припасенную на такой случай толстую ветвь.

— Щенок шелудивый, — процедила я сквозь зубы, размахиваясь. — Дрянь блохастая!

От моих слов волколак опешил. На его морде отчетливо проступила растерянность, а затем горящая ветка ударила его прямо по носу. Я замахнулась еще раз, а левую руку с кинжалом произвольно выставила вперед. После второго удара, в который я, признаться, вложила все силы, тварь с воем перевернулась обратно через порог. А я заметила, как резко опускается огненный меч. Короткий визг — и все затихло.

— Вот так-то, — удовлетворенно произнесла я. — Будете знать, как лезть ко мне!

И расхохоталась. От смеха из глаз полились слезы и вскоре я уже всхлипывала, а затем и судорожно рыдала. Я закрыла лицо руками, все тело сотрясалось от плача. Когда рядом со мной появился Келебран — я даже не заметила. Лишь когда он взял меня за плечи и хорошенько встряхнул, я обратила на него внимание.

— Все, Риона, все уже закончилось, все хорошо, — успокаивающе повторял он. — Вот, попей воды.

Но я только затрясла головой, продолжая рыдать. А затем уткнулась ему в плечо, все еще сотрясаясь всем телом. Должно быть, мое поведение озадачило Келебрана, поскольку он замер. Лишь спустя несколько мгновений я ощутила неловкое прикосновение его руки к спине. Словно осмелев, Келебран легко провел рукою вниз, к пояснице.

— О, похоже, я несколько не вовремя, — раздался над нами насмешливый голос. — Ладно, не обращайтесь внимания, я пока пойду прогуляюсь.

Слова Диего отрезвили меня и заставили взять себя в руки, поднять заплаканное лицо и вывернуться из объятий блондина. На мгновение мне стало стыдно, но, взглянув на дел Арьянте, я поняла, что он просто подшучивал над нами. К тому же он тут же присел рядом и протянул мне флягу с водой.

— Попей, станет легче, — почти повторил он слова своего друга.

Поскольку пещера была совсем крохотной, мы сейчас сидели в тесноте, соприкасаясь плечами, но странным образом меня столь близкое соседство не раздражало. Напротив, я ощущала, как в груди разливается тепло, прогоняя мерзкие чувства, оставшиеся после встречи с волколаком. Я отхлебнула воды и вернула флягу Диего.

— Ты ранен? — спросила с испугом, заметив кровь на разодранном левом рукаве.

— Ерунда, — отмахнулся королевский кузен. — Почти что и не чувствую. Заживать, правда, долго будет, зубы у этих тварей ядовитые. Повезло еще, что сегодня не полнолуние.

— Иначе ты стал бы оборотнем? — спросила я, припоминая страшные сказки, что некогда рассказывала мне Лита.

Келебран, уже отодвинувшийся от меня и ставивший на огонь котелок, скептически хмыкнул.

— Оборотнем можно только родиться, Риона, — пояснил он. — Но вот укусы волколака мало того, что неприятны сами по себе, так еще и способны пробудить в человеке дремлющее в нем зло. Вот отсюда и пошли сказки о том, что люди изменяются после укуса оборотня.

— А почему Диего упоминал о полнолунии? — настойчиво пыталась выяснить как можно больше подробностей я.

— Потому что в полнолуние яд волколаков имеет особую силу, — терпеливо ответил Келебран, высыпая в котелок содержимое очередного мешочка.

Вскоре над отваром поднялся ароматный пар. Густой бодрящий запах навевал мысли о весне, причем весне не ранней, когда сходят снега и первая трава робко пробивается на свет, а солнце только начинает прогревать замерзшую за зиму землю. Нет, мне вспомнилась пора, когда деревья уже покрыты листвой, сердито жужжащие пчелы суетятся вокруг цветов, а воздух, пусть еще и не по-летнему горяч, но достаточно тепел для легких открытых платьев. Небо, еще не утратившее яркую пронзительную голубизну, не затянуто тучами, лишь изредка пробегают по нему пушистые белые облака, а солнце пока еще ласкает кожу, не опалая ее.

Я заметила, что и на лице Диего появилась расслабленная улыбка. Келебран же оставался сосредоточенным.

— Иди сюда, поближе к свету, — обратился он к другу. — Будем тебя лечить.

Дел Арьянте устроился у огня, вытянув левую руку. Блондин осторожно разрезал ножом поврежденную ткань и принялся промывать рану чудесно пахнущим отваром целебных трав. Диего переносил боль — а действия приятеля, несомненно, причиняли ему боль — молча, иногда лишь морщился и со свистом втягивал воздух сквозь зубы.

— Ну вот и все, — заметил Келебран, закончив перевязывать рану. — Когда доберемся до эльфов, они тебя вылечат окончательно. Целители из них знатные, не мне тягаться. А сейчас давайте поужинаем и будем устраиваться на ночлег. И, раз уж ты у нас пострадал, то дежурить я буду первым.

Мы с Диего одобрили его предложение. Я, правда, обмолвилась о том, что тоже могла бы часть ночи не спать, но мужчины на мое заявление попросту не обратили внимания, что, признаться, меня только обрадовало. Все-таки жертвовать возможностью отоспаться мне очень не хотелось, но некстати проснувшаяся совесть потребовала предложить помощь.

Вскоре в котелке вместо лечебного отвара весело побулькивал травяной чай, а Келебран резал острым ножом копченую колбасу.

— Надо бы завтра сходить на охоту, — задумчиво произнес он. — Сейчас, конечно, не лето и не осень, ни ягод, ни грибов не сыскать, но вот бульон из птицы или из зайца сварить можно будет. И тебе, приятель, полезно для восстановления сил, да и Рионе не повредит. А то мы все черствыми пирогами, лепешками, да копченостями питаемся.

— Как хочешь, — пожал плечами Диего. — Я, сам понимаешь, пока на охоту не ходок.

Он с аппетитом вгрызся зубами в изрядно зачерствевший пирог с курятиной и грибами.

— Остались сладкие, — сообщил, заглядывая в сумку, Келебран. — И, само собой, лепешки.

— А долго нам еще идти? — робко спросила я.

Блондин задумался.

— Полагаю, не больше пяти дней, — наконец ответил он. — С голоду не помрем точно. Припасов нам Громмыш с дочерью дали достаточно, да и какую-никакую дичь я подстрелю. А у эльфов уже отъедемся.

— Если они нас впустят в свою долину, — пробурчала я, сама себе удивляясь.

И когда только я успела настолько привыкнуть к обществу своих спутников и расслабиться достаточно для того, чтобы высказывать при них свое мнение? Келебран на мои слова только добродушно усмехнулся.

— Не волнуйся, эльфы нас примут. Возможно, не слишком обрадуются — но здесь уж не нам их винить.

После этих слов у меня сложилось впечатление, что друзьям прекрасно известна причина, по которой эльфы отгородились от всего мира. Но об этом я спрашивать не стала — вряд ли установившееся между нами хрупкое доверие простиралось до такой степени. Ведь если они захотят, то всегда смогут и сами рассказать мне о том, что они знают.

Поужинав, мы принялись устраиваться на ночлег. Келебран устроился у огня, а я и Диего все пытались расположиться так, чтобы нам было хотя бы относительно удобно. Вскоре выяснилось, что спать нам придется почти прижавшись друг к другу. За дни нашего похода я настолько привыкла к своим спутникам, что столь тесная близость мужского тела не вызвала у меня смущения либо стеснения, я только лишь отметила про себя, что так спать намного теплее. Судя по размеренному дыханию Диего, уснул он довольно быстро. А у меня перед глазами все стояла оскаленная волчья морда. Шевелиться я не хотела из опасения разбудить раненного спутника, но и уснуть не получалось. Открыв глаза, чтобы не видеть больше внутренним взором капающую с клыков пену, я бездумно рассматривала темный на огненном фоне силуэт Келебрана. Он сидел неподвижно спиной ко мне, всматриваясь во тьму. Пролежала я так довольно долго, но все-таки сон сморил меня.

Пробуждение на сей раз было приятным — проснулась я от вкусного аромата, щекотавшего ноздри. Открыв глаза, я увидела, что нахожусь в пещере в одиночестве, а Диего и Келебран сидят снаружи и тихо переговариваются. Блондин время от времени помешивал кипящее в котелке варево, от которого и исходил чудесный запах.

— Проснулась? — спросил он, увидев, что я приподнялась на локте. — Скоро будет готов завтрак.

— Видимо, охота была удачной, — догадалась я.

— Весьма, — подтвердил Келебран. — Люди здесь не живут, так что зверье большей частью непуганое. Жаль только, что сейчас зима — приправить мясо можно лишь сушеными травами, а их запас у меня невелик и особым разнообразием не отличается.

Я потянулась.

— Полагаю, что в любом случае будет вкусно.

— Несомненно, — подтвердил Диего. — Мне уже несколько раз доводилось охотиться с Келебраном. С ним с голоду не пропадешь.

Я неловко поднялась, ощущая ставшее уже привычным за последние дни покалывание в затекших ногах, ненадолго отошла, протерла лицо снегом вместо умывания, а когда вернулась, то меня уже поджидала миска с аппетитными кусками тушеного мяса. Дел Арьянте свою держал немного неловко — видимо, давала знать о себе вчерашняя рана, зато ложкой орудовал столь быстро, что попросил добавки, не успела я еще приступить к трапезе.

— Великолепно, — я облизала ложку. — Келебран, ты готовишь куда лучше, чем все хозяйки Горного Королевства вместе взятые.

Диего весело фыркнул, а его приятель сдержанно улыбнулся.

— Весьма сомнительный комплимент, Риона.

Я пожала плечами. Пусть готовка и считается уделом женщин, но отчего бы и не похвалить мужчину, который достиг определенных успехов в столь нелегком деле?

Позавтракав, Келебран осмотрел рану Диего, снова промыл ее вчерашним отваром и перевязал.

— Нагноения нет, — сказал он. — Это хорошо, теперь тебе надо поберечь руку и не

нагружать ее.

— Легко сказать, — проворчал дел Арьянте.

Блондин участливо похлопал его по плечу.

— Ничего, скоро мы доберемся до Заповедной Долины, там твоя рана быстро затянется. Даже шрама не останется.

— Шрамом настоящего мужчину не испортить, — серьезно заявил королевский кузен. — Правда, Риона?

Я растерялась и потому немного замешкалась с ответом. К тому, что эти двое постоянно шутливо подкалывают друг друга, я уже привыкла, но прежде они хотя бы не втягивали меня в свои перепалки.

— Видишь, Риона с тобой не согласна, — воспользовавшись моим молчанием, вставил Келебран. — Страшные шрамы отпугивают трепетных дев.

— И откуда бы тебе знать об этом? — ехидно протянул Диего. — Не ты ли заявлял, что не желаешь связываться с невинными юными прелестницами из опасения заполучить брачный хомут на шею?

У меня от неловкости запылали щеки. Все-таки обсуждаемая тема никак не предназначалась для женских ушей. Видимо, за прошедшие дни дел Арьянте настолько привык к моему присутствию, что умудрился позабыть о правилах приличия. Я отодвинулась подальше, жалея, что не могу слиться с пожелтой листвой и стать совсем незаметной. Мое движение вызвало реакцию обратную той, что я стремилась получить — привлекло внимание Диего. И тут я увидела нечто удивительное — его щеки тоже окрасил едва заметный румянец.

— Прости, Риона, — тихо произнес он. — Я забылся.

В ответ на его слова я могла только лишь прибегнуть к проверенному способу.

— Что? Извини, Диего, я задумалась и не расслышала, что ты сказал.

— Ничего важного, — с облегчением выдохнул дел Арьянте.

Келебран наблюдал за нами с невозмутимым видом, словно его сказанное никоим образом не касалось.

Теперь мы шли куда медленнее. Пусть Диего и старался не подавать виду, но силы понемногу покидали его и усталость заставляла его изредка пошатываться и спотыкаться. За день мы несколько раз были вынуждены сделать привал, а когда устроились на ночлег, между друзьями разгорелась первая ссора за все время пути.

— Из-за меня вы задерживаетесь, — заявил дел Арьянте Келебрану.

Тот молча промывал его рану и, казалось, не обращал внимания на слова приятеля.

— Завтра вы с Рионой пойдете не дожидаясь меня, — продолжал Диего. — А я нагоню вас как-нибудь.

— Позволь поинтересоваться, как именно? — скептически осведомился блондин, перевязывая Диего руку.

— Неважно, — отмахнулся королевский кузен. — Главное, чтобы вы добрались до эльфов побыстрее.

— Троль облезлый! — вспыхнул Келебран. — Ты хоть понимаешь, что ты несешь? Бросить тебя здесь одного — все равно, что приговорить к смерти.

— Это не имеет значения, — упрямо возразил дел Арьянте. — Нужно побыстрее добраться до Заповедной Долины. Мы и без того потеряли слишком много времени.

— И еще один-два дня никакой роли не сыграют, так что перестань здесь изображать никому не нужный героизм!

— Диего, — робко вмешалась я. — Келебран прав. Надолго ты нас не удержишь. К тому же, сколь ни важна ваша миссия, вряд ли она стоит столь глупой жертвы.

Дел Арьянте протянул ко мне здоровую руку и кончиками пальцев прикоснулся к моему рукаву.

— Спасибо, Риона, — шепнул он. — Мне приятно, что ты переживаешь из-за меня.

Келебран, увидев жест приятеля, поспешно отвернулся.

— Пойду, пожалуй, поохочусь, пока не стемнело, — бросил он равнодушным тоном.

Диего задумчиво посмотрел ему вслед.

Я устроилась под огромным вековым дубом, подтянула колени к груди и обхватила их руками. Тепло от весело плясавшего посреди небольшой поляны костра согревало и усыпляло меня, даже есть хотелось не столь сильно, как спать.

— Риона, — неожиданно обратился ко мне дел Арьянте. — А что ты будешь делать потом, после того, как мы вернемся?

— Не знаю, — я пожалала плечами. — Еще не задумывалась. Вернусь в ту деревню, где ты меня нашел, наверное. Все-таки я к ней уже успела привыкнуть. Да и сидеть в ней безвылазно нужды больше не будет, раз вопрос с храмовниками и с орденом ты уладишь.

— И ты не хочешь вернуться в столицу?

— А к кому мне там возвращаться? — ответила я вопросом на вопрос. — Разве что Литу хотелось бы увидеть.

— Это твоя подруга?

— Да, Лита Сарье.

— Лита Сарье, — повторил Диего, словно припоминая что-то. — Знаешь, Риона, она больше не Сарье. Насколько я помню, именно это имя носила девушка, с которой вступил в брак твой бывший жених.

От неожиданности я даже не сразу нашла, что сказать. Подобного поворота событий я никак не ожидала. Хотя... Карл ведь, скорее всего, понял, что еще одну невесту благородного происхождения, готовую принять его предложение, ему не сыскать, а Лита всегда была красавицей — такой женой тоже можно похвастаться перед приятелями. Оставалось лишь надеяться, что моя подруга смогла поладить с мужем.

— Надеюсь, она счастлива, — произнесла я вслух.

— И ты на нее не злишься? — недоверчиво спросил Диего.

— За что? — не сразу поняла я. — За Карла? Нет, не злюсь. Понимаешь, я не испытывала к нему чувств. Никаких. Он был просто моим шансом вырваться из нищеты, но мне это не удалось. Так почему я должна злиться на Литу, устроившую свою жизнь?

Дел Арьянте ничего не ответил. Я с тоской подумала, что его мнение обо мне, вероятно, переменялось в худшую сторону — ведь я сама призналась в готовности выйти замуж только лишь по расчету, безо всякой любви к будущему мужу. Но тут после непродолжительного молчания Диего заговорил снова.

— Это хорошо, что ваша свадьба не состоялась. Плешивый зануда был тебя недостойн.

Характеристика, данная дел Арьянте моему несостоявшемуся мужу, позабавила меня и я прыснула со смеху. Диего посмотрел на меня с улыбкой, а потом тоже рассмеялся, вторя мне.

Вскоре вернулся Келебран с добычей — парой куропаток. Я выказала желание помочь ощипать их, но охотник отказался.

— Здесь у ручья глинистая почва, — пояснил он. — Обмажем птичек глиной прямо поверх перьев и запечем на углях.

Подобный рецепт поверг меня в некоторое недоумение, но, действительно, глина отвалилась с приготовленных пичуг вместе с перьями, а мясо получилось нежным и сочным. Поужинав, мы соорудили себе постели из веток и прошлогодней листвы и устроились на ночлег. Мне впервые довелось спать под открытым небом, оттого сон мой был некрепок. То и дело чудились мне зловещие звуки: скрип сучьев, чужие шаги, невнятные шорохи. Несколько раз открывала я глаза и в испуге осматривалась, но на поляне никого, кроме нас, не было. Темная фигура дозорного — сначала Диего, а затем Келебрана — виднелась у костра, в то время как второй мой спутник спал неподалеку от меня. Видимо, им подобная ночевка была не в новинку.

Неудивительно, что после столь тревожной ночи я встала совсем разбитой и с головной болью. Прогулялась к ручью, на берегу которого Келебран вечером набрал глину, и умылась ледяной водой. Сонная одурь немного отступила, позволив мыслям проясниться. Вернувшись, я застала мужчин за завтраком. Келебран протянул мне кружку с отваром и лепешку с мясом. Припомнив вчерашний ужин (а затем и тушеного кролика на завтрак) я только вздохнула, вгрызаясь в полоску копченого мяса.

— Не расстраивайся, — правильно понял мой вздох блондин. — Дичи здесь много, к обеду будет у нас свежина.

— Хорошо бы, — пробормотала я, дожевывая особо жесткий кусочек.

— Обещаю. А теперь пора собираться. Сегодня мы идем по равнине последний день, дальше придется свернуть в лес.

Это известие никак не могло меня обрадовать. Как ни тяжело было брести по стремительно тающему снегу равнины, в лесу нам придется куда хуже хотя бы потому, что надо будет блуждать среди деревьев и пересекать овраги. Однако деваться было некуда и я

поднялась на ноги.

— Пойдем.

На сей раз первый привал мы сделали около полудня. Диего побледнел, на лице выступила испарина. Келебран дал ему глоток чудодейственного эльфийского напитка, поручил мне развести костер, а сам направился в лес на охоту.

— Кого тебе поймать на обед, Риона?

— Кролика, — разве что не облизнулась я. — Хочу тушеного кролика, как вчера.

— Будет тебе длинноухий, — пообещал Келебран и скрылся в лесу.

Я отправилась собирать хворост для костра. Диего все порывался помочь мне, но я, видя его плачевное состояние, отважилась даже прикрикнуть на него, заставив оставаться на месте стоянки. Много времени мне не понадобилось и вскоре мы уже устанавливали над костром котелок, наполненный снегом, и грелись у огня. Келебрана все не было.

— Скажи, — обратилась я к Диего, нарушая повисшее несколько неловкое молчание, — в столице ведь заметили твое отсутствие, так? Не могли не заметить. В то же время наш поход к эльфам является тайной. Как же ты объяснил при дворе свой отъезд?

— Просто, — Диего усмехнулся. — Для всех я сейчас весело провожу время с другом детства — охота, попойки, женщины. Конечно, далеко не все в это поверили. Но мы постарались замести следы. Самые дотошные могли все же проследить наш путь до Горного Королевства. А уж потом... Риона, как ты полагаешь, почему мы уходили почти ночью через горы?

— Сокращали путь, — припомнила я. — Ой, ну конечно! Таким образом вы решили обмануть возможных преследователей. Интересно, а мы хоть сколько-нибудь выиграли во времени или в обход гор дорога была бы короче?

— Если и выиграли, то совсем немного. Зато всем показали, что цель нашей поездки — договор с гномами.

— Но если за нами кто-то следил, — медленно произнесла я, — то этот кто-то должен был заметить, что от гномов мы не вернулись и Горное Королевство не покидали, тогда как отряд драконоборцев уже отправился на север. И это наводит на размышления.

Диего только пожал плечами.

— Вот в случае возможной слежки мы действительно выиграли время, — заявил он.

Вернулся Келебран с добычей и принялся разделять кроликов. Я тем временем осмотрела рану Диего. Ни нагноения, ни воспаления не было, но и заживление еще отчего-то не началось. Повинуясь распоряжениям Келебрана, промыла ее оставшимся во фляге отваром и перевязала заново.

— Вечером приготовлю новый, — пообещал блондин, складывая в котелок куски мяса. — Вы чай без меня пили? Мне-то хоть оставили?

Я протянула ему кружку с уже слегка остывшим напитком и он залпом осушил ее.

— А еще у нас остались сладкие пироги с ягодами, — припомнил он. — Хороший будет обед!

Обед действительно удался на славу. Отдохнув, мы вновь собрались в путь. Шли медленно, поскольку быстро передвигаться Диего уже не мог. Келебран изредка бросал на него косые взгляды и хмурил брови, но ничего не говорил. Пару раз мы останавливались отдохнуть, сидели молча, думая каждый о своем, пили воду из фляги, а потом поднимались и шли дальше. Когда багряное солнце спустилось к горизонту, Келебран распорядился сворачивать в лес.

Теперь он шел первым, за ним — Диего, а я замыкала отряд. Лес пока еще был негустой и светлый, но на следующий день мы должны были углубиться в чащу. Сама бы я непременно заплутала, но нашему проводнику доверяла — ему удивительным образом удавалось не только чутать верное направление, но и находить удачные места для ночевки. Вот и сейчас мы вышли к огромному вековому дубу, у самых корней которого находилось дупло, пригодное для ночлега. Два человека, пусть и в тесноте, но вполне могли там поместиться. В котелке еще оставалось кроличье мясо с обеда, так что мы просто подогрели его, а потом запили ужин травяным чаем с пирогами. Первым дежурить предстояло Келебрану и он устроился сидеть, привалившись к дереву и вытянув ноги, а мы с Диего отправились спать.

Впервые за все время нашего путешествия довелось мне испытать столь сильное смущение и неловкость, поскольку устроится на ночлег в дупле можно было лишь тесно прижавшись друг к другу — иначе мы бы просто не поместились. Казалось бы, у нас уже был опыт подобной ночевки в ограниченном пространстве, но тогда я перенесла его куда легче. Сейчас же я никак не могла выбросить из головы мысль о том, что совсем рядом со мной находится молодой привлекательный мужчина — отчего-то раньше своих спутников я в подобном ракурсе не рассматривала. Немного помучившись, я повернулась к Диего спиной и с облегчением почувствовала, что он повторил мой маневр. Теперь дышать стало куда легче и жар уже не заливал щеки. Я попробовала перебрать в памяти дни нашего путешествия, дабы определить, когда именно мое отношение к попутчикам переменялось — ведь раньше-то мне и в голову не приходило смущаться их вынужденной близости, но так и смогла понять, что именно послужило переломным моментом.

После неприятной истории с Артуром любовным отношениям в моей жизни места не было. От привлекательных молодых людей я предпочитала держаться подальше, заводя дружбу с теми же мельником или лавочником Равелем и ощущая себя в их обществе в безопасности. В начале нашего путешествия я никакой угрозы со стороны королевского кузена и его друга тоже не чувствовала — мы принадлежали к разным мирам и вряд ли когонибудь из них могла заинтересовать такая девушка как я. Но с каждым днем отношения между нами теплели, становились все доверительнее и вот пришел момент, когда я испугалась, что они смогут разглядеть во мне женщину. Более того — куда сильнее я опасалась собственной ответной реакции. Ранее я полагала, что сумела облечь свое сердце в прочную защитную броню, но оказалось, что защита далеко не так прочна, как я привыкла считать. Пока еще я не посматривала на своих спутников с чисто женским интересом, но, перебирая события прошедшего дня, с ужасом осознала, что совсем недалеко от этого. Я уже принялась кокетничать и капризничать, выпрашивая кролика на обед — вспомнив об этом, я снова ощутила приливающий к щекам жар. Необходимо было вернуть в наши отношения спокойное равнодушие, но как это сделать, я даже не представляла. Хуже того, именно установившиеся между нами теплые отношения, столь близкие к дружеским, но все-таки державшиеся на грани флирта, мне безумно нравились. Разозлившись на себя, я долго не могла заснуть, но потом сон все же сморил меня — и снились мне радужные сны, от которых, проснувшись, я впала в еще большее смущение.

Причем виной тому был не только сон. Спала я так крепко, что даже не проснулась, когда Диего сменил Келебрану на дежурстве, а последний устроился спать рядом со мной. И вот теперь оказалось, что во сне я повернулась и умудрилась устроиться у блондина на груди. Вспыхнув и прикусив губу от неловкости, я попыталась незаметно отодвинуться и

услышала тихое:

— Проснулась? Доброе утро.

— Доброе, — пробормотала я и поспешно выползла наружу, тут же зажмурившись от яркого солнца.

Диего сидел, привалившись к дубу. Под глазами у него залегли круги, вид был истощенный. Вылезший вслед за мной Келебран сокрушенно покачал головой.

— Ступай поспи еще немного, а я пойду поймаю куропатку и отварю тебе бульон. Риона, перекуси пока лепешками. Я далеко отходить не буду, если вдруг почувешь опасность или тебя что-нибудь насторожит — зови.

Диего кивнул и забрался в дупло, а его друг скрылся в лесу. Я же подбросила хворосту в костер и установила над огнем котелок, решив выпить горячего травяного отвара. Присела на то место, где ночью располагались дозорные, подтянула колени к груди, обхватила их руками и задумалась.

Возвращение Келебрана я пропустила. Он столь внезапно появился передо мной, что я охнула от неожиданности.

— И ты еще предлагала разделить ночное дежурство на троих, — весело заметил он, правильно истолковав мою реакцию. — Да к нам кто угодно мог бы подкрасться незаметно.

Я только потупилась. Возразить мне было нечего, блондин был абсолютно прав.

— Впрочем, это и неудивительно, — продолжил блондин, ощипывая куропатку. — Откуда бы у тебя взяться навыкам выживания в лесу?

— Неоткуда, — мрачно согласилась я, остро ощущая собственную бесполезность.

— Завари мне трав, — попросил Келебран, не обращая внимания на мое дурное настроение. — А я пока разделаю птичек.

Вскоре мы с ним устроились рядом, привалившись спинами к дубу и потягивая горячий напиток. Невеселые мысли схлынули, словно их прогнал душистый запах трав. А над костром уже поднимался аппетитный аромат от кипящего золотистого бульона, разбудивший Диего. Сон пошел ему на пользу. Бледность уже не казалась столь болезненной, да и круги под глазами сменили иссиня-черный цвет на желтовато-зеленый. Вид у дел Арьянте был по-прежнему нездоровый, но хотя бы не столь пугающий, как утром.

— Отлично пахнет, — заявил он, усаживаясь рядом с нами. — Скоро будет готово?

— Скоро, — заверил его Келебран. — Вот осмотрю твою руку и позавтракаешь — хотя, пожалуй, это все-таки будет ранний обед.

Рана выглядела привычно — чистая, но незаживающая. Сам Диего покосился на нее с какой-то неприязненной обреченностью, но ничего не сказал. Впрочем, миска бульона с мясом и глоток эльфийского напитка ненадолго придали ему сил. Мы смогли пройти по лесу несколько часов, прежде чем ему не стало совсем худо.

— Присмотри за ним, Риона, — обеспокоенно попросил Келебран. — А я пока поищу место поудобнее для стоянки.

— Вы должны идти дальше, — медленно, но упрямо произнес дел Арьянте. — Найди подходящее место, чтобы оставить меня. Я все равно не смогу добрести до Заповедной Долины.

— Риона, я скоро вернусь, — игнорируя слова друга, обратился ко мне блондин. — Напой пока этого гоблина безмозглого водой.

И он скрылся из вида. Я подошла к Диего и поднесла к его пересохшим губам флягу с водой.

— Попей, — попробовала уговорить я его дрожащим голосом. — Вот увидишь, к утру тебе станет лучше и мы продолжим наш путь.

Королевский кузен схватил меня за руку и я поразилась тому, сколь ледяной показалась мне его ладонь.

— Риона, — лихорадочно зашептал он, — помоги мне уговорить Келебрана. Я только задерживаю вас.

— Глупости, — я постаралась придать своему голосу твердость. — Тебе просто надо отдохнуть как следует и ты сможешь продолжать путь.

Бледные до синевы губы дел Арьянте искривились в горькой усмешке.

— Кого ты пытаешься обмануть, Риона, меня или себя? Я больше не жилец, я чувствую это. Но поручение короля должно быть выполнено. От этого зависит судьба всего мира.

Любопытство на мгновение перевесило во мне даже тревогу.

— Разве дело не в проклятии, которое наслали на короля? — спросила я.

— Проклятие — только часть того, что происходит, Риона. Ты и сама столкнулась с тем, сколь быстро пробуждается древнее зло — Лесная Марь, ядовитые волколаки... Ведь еще несколько лет назад о подобном можно было только узнать из старых сказок. А что еще нам грозит? Это необходимо остановить.

— Так мы за этим идем к эльфам? Вы полагаете, они способны побороть силы зла?

— Есть способ, — тихо шептал Диего, вынуждая меня склониться к нему все ниже. — Мы надеемся, что он сработает, иначе нашему миру — такому, как мы его помним — придет конец.

Я опустилась рядом с Диего на колени, чтобы получше расслышать то, что он скажет, но тут из-за моей спины раздался незнакомый голос:

— Простите, если мы вам помешали.

Кровь бросилась мне в голову. Я вскочила на ноги, одновременно извлекая из ножен подаренный мне мастером Громмышем кинжал. Но тут же опустила оружие. В паре шагов от нас стоял Келебран, а рядом с ним — незнакомец, который и произнес столь напугавшие меня слова. У него были светло-золотистые волосы, голубые удлиненные к вискам глаза и точеные черты лица. И он не был человеком.

С затаенным восторгом я внимательно всматривалась в спутника Келебрана, пытаясь осознать то неуловимое, что отличало от людей. Стройная гибкая фигура? Горделивая осанка? Белоснежная кожа или изогнутые правильными дугами темные брови? Но ведь все это, по отдельности или в совокупности, никак не являлось редкостью. Пожалуй, куда больше выделяло его некое величавое спокойствие. А еще глаза: живые, яркие глаза молодого человека, которые, тем не менее, выдавали мудрость и опыт бесчисленных прожитых лет. Это были глаза и юноши, и умудренного годами старца — если подобное только можно себе вообразить.

— Это Арадан, — представил нам нового знакомого Келебран. — А это — мои друзья, Диего и Риона, о которых я говорил.

Арадан молча поклонился. Мы с Диего, не вставая, тоже склонили головы. Эльф (а Арадан, несомненно, принадлежал к этому народу) подошел и присел рядом с нами.

— Не возражаете, если я осмотрю вашу рану? — обратился он к дел Арьянте.

Тот протянул ему левую руку.

— Не знаю, отчего она никак не заживает. Полнолуния не было, да и воспаление не началось, но из меня словно вытекают силы. И привычные средства почти не помогают.

— Да, я в курсе, — сказал Арадан, осторожно разматывая ткань. — К сожалению, нам уже доводилось сталкиваться с такими укусами. Наши целители научились успешно излечивать их. Я же, увы, смогу вам оказать только временную помощь — зато сил у вас хватит на то, чтобы добраться до Заповедной Долины. А там уже вас избавят от напасти окончательно.

— И давно здесь разгуливает это зверье? — спросил Диего, слегка поморщившись от боли.

— Да уж пару лет как, — ответил эльф, вытаскивая из сумки небольшой сосуд. — И яд их все набирает силу. Твари время от времени нападают на патрули, охраняющие границы, а мы, в свою очередь, посылаем охотников выслеживать их. А теперь потерпите, друг мой, будет очень больно.

Дымящаяся темно-зеленая жидкость пролилась на рану, а Диего сжал зубы, переменившись в лице.

— Вот и все, а теперь я сделаю вам успокаивающий компресс и к утру вы будете чувствовать себя значительно лучше.

— Благодарю вас, — тихо произнес Диего. — Вы спасли мне жизнь.

По лбу его катились крупные капли пота, но к лицу уже начинали возвращаться краски. Мне, словно маленькому ребенку, захотелось забить в ладоши от восторга и расцеловать нового знакомого. Ничего из этого я, разумеется, не сделала.

— Неподалеку есть подходящее место для ночлега, — сообщил Келебран. — Диего, ты сможешь идти?

— Да, мне уже значительно лучше.

К подходящему месту нам пришлось спуститься с пригорка. Журчание воды я услышала еще до того, как увидела ручей, который, пожалуй, вполне мог бы сойти даже за неширокую речушку.

— Надо подняться вверх по течению, — пояснил Арадан.

Пройдя совсем немного, мы добрались до очередного холма с явно рукотворной пещерой.

— Дозорные выдолбили. И оборудовали всем необходимым.

Внутри действительно было сухо и уютно. С потолка свисала неяркая лампа, в центре был выложен камнями круг для костра, но ни дров, ни хвороста не было. Однако же Арадан подошел к нему, протянул руку — и в каменном круге весело заплясало пламя.

— Эльфийская магия? — зачарованно спросила я.

— Она самая, — подтвердил стоящий рядом Келебран.

А мне внезапно припомнилась иная пещера, в которой нам довелось столкнуться с Лесной Марью. Кажется, там тоже костер разгорелся сам по себе. Значит, и ее в свое время обустроили эльфы? Хотя содержимое сундука и должно было натолкнуть меня на подобную мысль, но думы мои в ту ночь были заняты иным.

В этой пещере у стен тоже стояли сундуки. Из одного из них Арадан вытащил свертки, в которых я опознала удобные эльфийские одеяла. Расстелив одно из них у стены, он обратился к Диего:

— Вам лучше бы поспать пару часов, друг мой. А мы с Келебраном пока сходим на охоту и приготовим ужин.

— Риона предпочитает тушеного кролика, не так ли? — вставил блондин.

Я не ответила. Присутствие эльфа отчего-то несколько стесняло меня и я слегка робела.

Казалось бы, Арадан был с нами приветлив и общался запросто, словно со старыми знакомыми, но все равно в его присутствии я чувствовала себя набедокурившей девчонкой перед убеленным сединами учителем. И, похоже, подобное впечатление эльф произвел только на меня.

— Диего, — спросила я, помогая дел Арьянте улечься поудобнее, — а тебе доводилось прежде видеть эльфов?

— Нет, — ответил он. — Вот Келебран — тот бывал в Заповедной Долине неоднократно.

— Интересно, они все похожи на Арадана?

— О чем ты, Риона? — Диего взглянул на меня с любопытством.

Я покачала головой.

— Это тяжело объяснить словами. Просто в его присутствии у меня возникает такое ощущение, словно он знает обо мне все — в том числе даже и то, о чем я и сама не подозреваю. И в то же время ему нет до этого знания никакого дела, понимаешь? Наверное, я слишком путано все поясняю...

— Я понимаю, о чем ты, — собеседник сжал мою ладонь. — Эльфы — раса древняя и мудрая, а живут они если не вечно, то столь долго, что у людей успевают смениться несколько поколений. Разумеется, им будет ведомо нечто, нам неизвестное. Ты не дашь мне попить?

— Конечно же.

Я метнулась к сумкам и принесла ему флягу с водой. Все-таки Диего был все еще слаб и когда вернулись охотники, он крепко спал.

— Вот и славно, — тихо произнес Арадан, бесшумно подойдя к больному и положив ладонь ему на лоб. — Проснувшись, он почувствует себя значительно лучше. Пока же предлагаю заняться ужином.

Из второго сундука были извлечены овощи, чистые, сухие и прохладные. Я вызвалась чистить и резать их, пока мужчины разделявали добычу. Нас ждал поистине королевский ужин — во всяком случае, я от подобного уже успела отвыкнуть, питаюсь лишь лепешками, мясом да неотвратимо черствеющими пирогами.

Келебран и Арадан вернулись тем временем к беседе, видимо, прерванной приходом к месту ночлега и необходимостью проверить состояние Диего.

— Значит, на севере объявился дракон? Давненько мы не слыхали об этих чудищах.

— Дракон, — угрюмо подтвердил Келебран. — Король, правда, заключил договор с гномами и они отправили отряд драконоборцев на подмогу, но если эти твари расплодятся, то никакие гномы с ними не справятся.

— На наших границах тоже беспокойно, — сказал Арадан. — О волколаках вы уже знаете. Еще тролли активизировались, причем нападают они теперь не поодиночке, как раньше, а сообща. Да и волколаки начинают сбиваться в стаи, что этим тварям ранее было несвойственно.

— И оборотни одичали, похоже, окончательно, — вставил Келебран.

— Плохо дело. Моравен расстроится. Она ожидала чего-то подобного, когда клан покинул земли за Гномьими Горами, но все равно эти вести будут ей неприятны.

Я ощутила очередной приступ острого любопытства. Кто такая Моравен? Имя явно эльфийское, но с чего бы эльфам расстраиваться из-за оборотней?

— Как она? — спросил Келебран.

— Хорошо. Вот только по тебе скучает.

Отчего-то эта простая фраза вызвала во мне сильнейшую неприязнь к неведомой Моравен. Да кто она такая и какое отношение имеет к Келебрану?

— Мне тоже ее очень не хватает, — так тихо, что мне пришлось напрячь слух, дабы расслышать, признался блондин.

В носу у меня защипало, а на глазах выступили слезы — несомненно, от едкого запаха лука, который я как раз резала.

— Скоро увидите, — заметил Арадан.

Я бросила лук в котелок к остальным овощам и отошла к огню. Разговор мужчин вдруг резко утратил для меня интерес. Тем временем Диего, проснувшись, приподнялся на локте здоровой руки.

— Как ты? — обратилась я к нему.

— Вроде бы лучше. Во всяком случае левая рука больше не немеет — смотри! — и он несколько раз сжал и разжал кулак. — А еще зверски хочу есть.

— У нас на ужин будет рагу из кролика, — сообщила я. — Только придется немного потерпеть. Хочешь, дам тебе пока лепешку с вяленным мясом или пирог с черникой — кажется, у нас оставалась еще парочка?

— Ну уж нет, — торжественно объявил дел Арьянте. — Я буду ждать рагу.

Арадан поднялся, на мгновение вышел из пещеры и вскоре вернулся, вытирая руки.

— Выпейте сначала вот это, — произнес он, протягивая Диего флягу. — Три хороших глотка.

Дел Арьянте повиновался и поднес флягу к губам.

— Отлично, — сказал эльф, получив сосуд с напитком обратно. — А теперь позвольте я осмотрю вашу руку.

Он осторожно снял с раны пропитанную целебным раствором ткань. Я подошла поближе и вытянула шею, желая рассмотреть изменения — если они появились. И увидела, что рана начинает понемногу затягиваться. Эльф вытащил из своей сумки баночку с темно-коричневой остро пахнущей медом и травами мазью и толстым слоем наложил ее на рану.

— Пусть пока побудет так, а перед сном я снова перевяжу ее, — распорядился он.

— Спасибо вам, — поблагодарил его Диего. — Теперь я убедился, что эльфийские снадобья поистине чудодейственны.

Арадан слабо улыбнулся, но ничего не ответил.

Вскоре все мы устроились у костра в ожидании ужина.

— Ты упоминал о троллях, — обратился к Арадану Келебран. — До границ королевства эти создания Тьмы пока еще, к счастью, не добрались.

Диего резко вскинул голову.

— И тролли? — обреченно выдохнул он. — Давно мы о них не слыхали.

— Пока Заповедная Долина держит оборону, — пояснил эльф. — Троллям, чтобы добраться до людей, надо миновать сначала ее, а потом и Горное Королевство. А вот волколаки, пусть поодиночке они куда слабее, угроза гораздо сильнее. В последнее время они подобрались почти к самым нашим городам. А в конце зимы эти твари так и вовсе звереют, вот и приходится отправлять отряды охотников, дабы выслеживать их.

— Но ты-то охотишься в одиночку, — заметил Келебран.

Арадан пожал плечами.

— Ты прекрасно знаешь, что я предпочитаю полагаться только на себя. И все же если

бы я выследил большую группу этих порождений тьмы, то вызвал бы подмогу. Но с теми тварями, на след которых я напал, уже успели разделаться вы, так что я вынужден буду свернуть.

— Вы не пойдете с нами в Долину? — разочарованно спросил Диего.

Эльф покачал головой.

— Нет, друг мой, я продолжу свою охоту. Но вы и не нуждаетесь в сопровождающем, Келебран бывал в здешних местах неоднократно и он выведет вас к Привратью.

Вскоре был уже готов ужин. Расправившись с удивительно вкусным рагу я ощутила, что у меня сами собой слипаются глаза.

— Отправляйся спать, Риона, — тихо сказал Келебран, вынимая из моих ослабевших рук тарелку и только что со звоном упавшую туда ложку.

Он лично устроил мне у стены постель и укутал одеялом. Засыпая, я успела еще уловить спор Диего и осматривавшего его руку Арадана: дел Арьянте требовал, чтобы ночное дежурство поделили на троих, доказывая, что чувствует себя куда лучше. Но чем закончился этот спор, я так и не узнала, поскольку уснула.

Проснувшись, я заметила, что Диего и Арадан еще мирно спят — значит, была очередь Келебрана дежурить. Стоило мне подняться, как эльф открыл глаза и бросил абсолютно незамутненный взгляд в мою сторону — сон у него, видимо, был на редкость чутким. Убедившись, что никакая опасность нам не угрожает, он смежил веки, а я вышла из пещеры.

Солнце еще только вставало и его первые лучи пока не разогнали лесной сумрак. Келебран сидел у входа, вытянув ноги, и о чем-то размышлял.

— Ты рано встала, — сказал он, заметив меня. — Можешь поспать еще.

Я присела рядом с ним.

— Не хочется. Выспалась. Скажи, Диего удалось настоять на своем?

— Нет, разумеется. Когда Арадан понял, что переубедить этого упертого гоблина невозможно, он просто добавил в его питье сонной травы.

Я рассмеялась.

— И правильно поступил. Неужели Диего сам не понимает, что ему необходимо восстанавливать силы?

— Конечно же понимает. Но не желает быть обузой. И не любит ходить в должниках.

Предраассветный серый сумрак тем временем стремительно отступал, уступая место солнечному свету.

— Я пойду к ручью, — сообщила я. — Умоюсь и вернусь. Принести воды?

— Возьми маленький котелок, заварим чай.

Вернувшись в пещеру, я обнаружила, что вся посуда была чиста. Значит, Келебран либо Арадан (а то и они вместе) вымыли ее после ужина, в то время как меня сморил сон. Мне стало немного неловко и я дала себе твердое обещание, что после завтрака займусь мытьем посуды сама, благо ручей тек совсем рядом, а на берегу его я вчера заметила песок, которым хорошо отмывать с тарелок и котелка жир.

Умывшись и набрав в котелок воды, я попробовала было всмотреться в свое отражение, но толком ничего рассмотреть так и не смогла. Вода в ручье была беспокойна и лицо мое, отражавшееся в ней, то и дело размывалось и поддергивалось рябью. Я только лишь отметила, что за дни пешего похода щеки мои запали — но в этом не было ничего удивительного. Ежели у эльфов кормят хотя бы в половину так хлебосольно, как у гномов, то едва приобретенная моя болезненная худоба пройдет очень быстро.

После сытного завтрака, состоявшего из остатков вчерашнего рагу, лепешек, орехов да зачерствевших пирогов с ягодами, которые мы размачивали в чае, прежде чем откусить кусочек, настала пора нам с эльфом расходиться в разные стороны. До блеска натертые мною песком тарелки, ложки и котелок были высушены на солнце и вновь упрятаны в сундук. Нам же Арадан выдал с собой часть припасов: немного картофеля, лука и моркови, орехи и особые эльфийские лепешки, отличающиеся от гномьих сладковатым привкусом.

— К сожалению, дать вам с собой лечебной мази я не могу, — извиняющимся тоном сказал он дел Арьянте, в последний раз обрабатывая его рану. — Все охотники носят с собой целебные средства на случай, если несчастье, не дай Путеводная Звезда, случится с ними самими.

— Я понимаю, — отозвался Диего. — И признателен вам за помощь.

— Совсем скоро вы доберетесь до Заповедной Долины, где вас излечат от хвори окончательно, мне же еще много дней предстоит бродить по лесу. Но я надеюсь на новую встречу, друзья. Да будет путь ваш озарен звездами!

— Да светит твоя звезда ярко, друг мой, — ответил ему Келебран.

Мы с Диего, совсем не разбирающиеся в эльфийских традициях, молча поклонились на прощание. И мне все казалось, пока мы шли вдоль ручья, что Арадан смотрит нам вслед, словно благословляя.

Состояние Диего действительно значительно улучшилось. И пусть идти нам теперь приходилось по неровной местности, то взбираясь на холмы, то пересекая овраги, он шагал без усталости, ни разу не споткнувшись. Переживать заставляло лишь то, что Арадан упомянул о временности подобного эффекта, но, поскольку до Заповедной Долины было не так уж далеко, оставалась надежда, что лечение будет действовать все время пути.

Холмистая местность доставляла определенные неудобства в пути, но слова Келебрана о том, что больше под открытым небом нам ночевать не придется — пещер и пещерок здесь в достатке, не могли не радовать. Однако же у меня накопилось к блондину множество вопросов, а поскольку в его обществе я уже чувствовала себя куда свободнее, нежели прежде, то приступила к выяснению интересующих меня деталей тем же вечером.

Мы сидели у костра и Келебран помешивал длинной ложкой кипящее на нем в котелке варево. Диего, несмотря на активное сопротивление, был отправлен в найденную нами небольшую пещеру отдыхать до ужина. Примириться с вечерним отдыхом упрямому делу Арьянте помогло лишь обещание приятеля разделить с ним ночное дежурство. Мое предложение тоже не спать часть ночи даже не было дослушано. Припомнив, как я прозевала появление из леса Келебрана, настаивать я не стала.

— Скажи, — спросила я, жадно приносиваясь к запаху будущего супа, — а ты давно знаешь Арадана?

— С детства.

— Как и Диего?

— Нет, не совсем. Мы с Диего подружились еще маленькими детьми, а Арадана я увидел несколько лет спустя, когда впервые побывал в Заповедной Долине.

— Получается, впервые ты очутился там еще ребенком? — ахнула я. — Но кто привез тебя туда?

— Отец.

— Он что, был связан с эльфами? — не унималась я. — Бывал в их Долине?

Келебран покачал головой.

— Нет, ему в Долину хода не было. Он привозил меня к Привратью и отдавал матери.

— Тогда получается... Получается, твоя мать — из эльфов?

Я была потрясена, хотя, признаться, подсознательно и ожидала чего-то подобного. Все-таки Келебран несколько отличался от чистокровного человека.

— Наполовину, — ответил он. — Следовательно, я эльф всего лишь на четверть. Я унаследовал от деда кое-какие черты внешности и легендарное чутье эльфийского народа, но этого оказалось слишком мало для того, чтобы я пожелал постоянно жить в Заповедной Долине. Все-таки большей частью я человек.

— Но ты часто бываешь в Долине? — продолжала расспросы я. — Расскажи мне о ней.

Даже самой себе стыдилась я признаться, что куда более уклада эльфов меня интересует личность таинственной Моравен. После слов Келебрана о том, что в Заповедной Долине живет его мать, в сердце моем робким ростком проклюнулась надежда. Кому, как не матери, тосковать по сыну? Однако же пока я ни в чем не могла быть уверена, а прямо спросить не решалась, прекрасно понимая, что личная жизнь моего спутника моим делом никак не является. Поэтому я предприняла попытку выяснить интересующее меня окольными путями.

— Не столь часто, как хотелось бы, — ответил блондин. — Все-таки путь неблизкий. А что именно тебя интересует, Риона?

— Да все, что угодно, — пожала плечами я. — Я-то об эльфах ничего не знаю.

— Ныне они — народ немногочисленный, — тихо сказал Келебран печальным голосом. — Давно уже у них не рожалось младенцев. И пусть продолжительность жизни их по человеческим меркам непомерно велика, но, если так пойдет и дальше, через несколько веков эльфы полностью вымрут. Пожалуй, я был последним ребенком, которого видела Долина — но ни я, ни моя мать к чистокровным эльфам не относимся.

— А отчего так случилось? Известны ли причины?

Келебран грустно улыбнулся.

— У нас есть догадки. И если они верны, то все еще можно исправить. Но сейчас прости, я не могу рассказать тебе об этом. Ты обо всем узнаешь в Долине.

На этом месте разговор наш вынужден был прерваться, поскольку проснулся Диего. Позевывая, он выбрался из пещеры и жизнерадостно спросил:

— Чем это так вкусно пахнет? Надеюсь, ужин уже готов?

Стоило признать, что чудодейственные средства Арадана подействовали на него поистине замечательно.

— Скоро будет готов, — радостно ответила я. — Ты голоден?

Диего кивнул.

— Удивительно, но да. Вот уж никогда не думал, что стану так радоваться чувству голода.

Поужинав, мы принялись устраиваться на ночлег. Дел Арьянте объявил, что он уже выспался, потому и дежурить будет первым, так что в пещеру мы с Келебраном отправились вдвоем. А утром у второй стены я обнаружила спящего Диего — опять я даже не проснулась, когда приятели менялись. Да, к дежурствам в лесах да и к походной жизни вообще я приспособлена не была, но и горевать о том смысла не видела.

— Завтра мы уже выйдем к Привратью, — объявил Келебран за завтраком.

Известие обрадовало меня. Стыдно признаться, но иногда наш путь казался мне нескончаемым. За эти дни я успела подзабыть не только прошлую жизнь, деревеньку с ее обитателями, Равеля, Галну, мельника, но даже Горное Королевство казалось мне уже полузабытым сном, словно Громмыш и Злата мне только пригрезились, зато трудные переходы и умирающий от раны Диего были всегда.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Удивительно дело, но всегда невозмутимый дел Арьянте заметно нервничал.

— Как ты полагаешь, — спросил он у приятеля, — они согласятся меня выслушать?

— Мы уже неоднократно это обсуждали, — спокойно ответил Келебран. — Эльфы прислушиваются ко всем, но поступают всегда по своему разумению.

— Однако же твоего отца дальше Привратья не пускали, — напомнил Диего, показав тем самым, что он в курсе истории семьи своего друга.

— Но у тебя ведь дело к Владыке, — усмехнулся блондин. — Так что не стоит переживать.

— У эльфов правит Владыка? — заинтересованно спросила я. — Отчего-то мне представлялся Совет, как у гномов.

— Не могу с точностью сказать, как дело обстояло раньше, но сейчас Владыка редко принимает решения единолично, так что ты была недалеко от истины, Риона. Эльфы —

народ не менее свободолюбивый, нежели гномы, пусть ни тем, ни другим это сравнение бы и не понравилось. И не меньше, нежели самого Владыку, эльфы почитают его супругу Владычицу Арнэль. К ней обращаются за советом, поскольку мудрость ее и опыт неоспоримы. Но Совет возглавляет все-таки сам Владыка Санрод.

Как бы ни интересовали меня подробности жизни эльфов, но слишком долго засиживаться после завтрака мы не могли. В Заповедную Долину необходимо было попасть как можно скорее, пока целительство Арадана еще действовало. И все же я отметила, что сил у Диего в сравнении с вчерашним днем несколько поубавилось. Шагал он уже не так бодро, да и устал гораздо быстрее.

— Ничего, — шепнул мне Келебран, перехватив мой обеспокоенный взгляд. — Привратье уже близко. Завтра до полудня дойдем, только выйти придется пораньше.

Я согласно кивнула, готовая идти хоть всю ночь без устали, лишь бы знать, что это спасет дел Арьянте. Но, к сожалению, ночной переход по лесу был невозможным, так что на ночлег мы все-таки остановились. Уже привычно Келебран отправился на охоту, Диего натаскал сухостоя и развел огонь, а я набрала в котелок влажного рыхлого снега — ручей остался далеко позади.

Поужинали мы в молчании и рано улеглись спать, поскольку условились встать затемно, дабы тронуться в путь с первыми лучами солнца. Спутники мои распределили дежурство — на сей раз первым выпало дежурить Келебрану, но когда я проснулась, он уже хлопотал у огня, готовя завтрак. Диего сидел рядом с ним, греясь. Воздух был напоен тяжелой сыростью и я тоже, едва поднявшись, тут же уселась поближе к костру.

— Идти осталось недолго, — сказал Келебран, раздавая нам миски, — но этот отрезок пути будет нелегким.

Он оказался прав. Вышли мы на рассвете и едва не заплутали в густом молочно-белом тумане, что окутал нас, стоило нам спуститься в низину. Продвигались мы след в след, для верности шаря перед собой руками, поскольку даже на расстоянии шага ничего не возможно было разглядеть. Спустя какой-то час я уже едва ли не падала от усталости и обрадовалась, когда мы опять стали взбираться на пригорок и туман заметно поредел. Оказалось, что радость моя была преждевременной. Невесть откуда налетел лютый ветер, пригибающий к земле. Глаза заслезились, а дыхание перехватило. Каждый шаг давался с невероятным трудом. Сил на то, чтобы взглянуть, как справляются мои спутники, совсем не осталось. Даже переживания за Диего оказались вытеснены потребностью побыстрее уйти с открытого, продуваемого злым ветром холма. Не смотря по сторонам я упорно продвигалась вперед — медленно, шатаясь, небольшими шагами. В довершение ко всему резко стемнело и с неба повалил снег — не пушистые белые снежинки, а острая ледяная крупа, больно коловшая лицо. Я натянула пониже капюшон плаща и склонила голову в надежде хоть немного укрыться от непогоды. Хотелось зарыдать от бессилия, но от слез останавливала потребность продолжать путь. Я угрюмо решила, что спустившись с холма первым делом повалюсь на землю и дам волю слезам. Каждый шаг давался с все большим трудом, я уже не переставляла, а едва волочила ноги. И когда я совсем уже выбилась из сил и была на грани отчаяния, все внезапно закончилось. Смолкли завывания ветра, перестал сыпать снег, разошлись тучи и ласковое солнце озарило лежащую перед нами долину. Мы вышли к Привратью.

Над Долиной дрожало и переливалась золотистое марево, а саму ее окружала высокая стена из светлого камня. Я устало опустилась на землю.

— Ну что ты, Риона? — Диего положил руку мне на плечо. — Вставай, мы уже дошли.

— Дошли, — всхлипнула я. — Дошли...

Из глаз моих сами собой покатались слезы, а сил для того, чтобы встать на ноги, у меня, казалось, не осталось. Слишком уж часто приходилось мне сомневаться в том, что нам суждено попасть-таки в закрытое эльфийское государство, в том, что Диего окончательно излечат, в том, что поход наш увенчается успехом. В последние часы пути мне и вовсе казалось, что мы вот-вот бесславно сгинем в заснеженном лесу. И вот теперь, уже видя перед собой цель нашего путешествия, я могла только лишь бессильно мотать головой, будучи не в состоянии сделать последние шаги.

К моим губам поднесли флягу с водой.

— Вот, попей немного, — заботливо произнес Келебран. — Отдохни несколько минут, приди в себя. Все в порядке, мы подождем. Торопиться нам некуда.

Удивительным образом слова его заставили меня собраться. Как это некуда торопиться? Диего ведь нуждается в помощи, а я задерживаю наш маленький отряд. Я отхлебнула воды, вытерла слезящиеся глаза тыльной стороной ладони и решительно поднялась на ноги.

Первый шаг дался мне с трудом, но потом идти стало значительно легче. И уже у самых ворот я обнаружила, что слабость моя бесследно испарилась, а я полной грудью с упоением вдыхаю удивительный воздух, напоенный, несмотря на конец зимы, дивным ароматом цветущих яблонь. Запах этот пьянил ничуть не хуже знаменитой горной слезы и я с немалым удивлением отметила, что губы мои сами собой складываются в улыбку. Повернувшись к своим спутникам, я увидела, что усталость и измождение покинули их лица, ушла привычная серьезность и угрюмость, а оба друга внезапно стали казаться моложе и беззаботнее.

Келебран подошел к высеченным в камне вратам. Я еще успела удивиться, каким образом они могут открываться, когда блондин вытащил серебряный нож и полоснул по ладони. Алые капли окрасили светлый камень и врата истаяли, просто-напросто растворившись в воздухе. Немного робея, мы шагнули в открывшийся проход.

И тут же остановились, увидав направленные прямо на нас арбалеты.

— Келебран! — воскликнул один из воинов.

— Литор, Нордон, рад видеть, — невозмутимо отозвался наш спутник, словно направленное на него оружие было делом обыденным.

— Кто с тобой?

— Мои друзья. Диего дел Арьянте — у него дело к Владыке. И Риона, — поколебавшись, Келебран добавил, — прорицательница.

— Прорицательница? — переспросил Литор. — А я слышал, будто их всех давно уж истребили.

Похоже, несмотря на обособленную жизнь эльфов, они были неплохо осведомлены о происходящем в мире. Видать, слухи о том, что иногда они, тщательно замаскировавшись, появляются среди людей, не лгали. Да и родители Келебрана где-то ведь встретились?

— Как видишь, не всех, — все тем же спокойным тоном отозвался Келебран.

— И ты готов поручиться за своих спутников?

— Как за самого себя.

— Тогда добро пожаловать в Заповедную Долину.

И стражи Привратья, опустив арбалеты, поклонились нам. Мы ответили на поклон.

И только потом я украдкой осмотрелась. И не смогла сдержать удивленного вздоха. Аромат цветущих яблонь вовсе не почудился мне: слева и справа от нас раскинулся сад и деревья в нем действительно цвели, хотя до поры цветения было еще далеко.

— Они цветут здесь круглый год, — заметив мое удивление, пояснил мне Келебран. — Проку в том никакого нет, зато красиво.

— Красота полезна уже тем, что радует взгляд, — произнес Нордон.

Келебран на его высказывание только поднял к небу глаза — все-таки в нем эльфийской крови была только четверть и он не ценил красоту природы столь сильно, как чистокровные эльфы.

— Мы пошлем сообщение о вашем прибытии в Эльдоран, — сказал Литор. — Моравен обрадуется скорой встрече.

— А разве она в Эльдоране? — спросил Келебран. — Я ожидал, что она будет где-нибудь в Приграничьи.

— Они с супругом не столь давно вернулись в столицу, — пояснил Нордон.

Упоминание о супруге таинственной Моравен меня, признаться, порадовало. Кем бы она ни была, а наличие у нее мужа примиряло меня с ее существованием в жизни блондина. Казалось бы, между нами существовали только дружеские отношения, но узнать о том, что у Келебрана имеется где-то любимая женщина, мне было бы больно. Невольно я задумалась о том, какова была бы моя реакция на возлюбленную Диего, и с удивлением осознала, что мысль эта мне пусть и не особо приятна, но и никакой душевной либо сердечной боли не вызывает.

— Время обеда, — заметил между тем Литор. — Разделите с нами трапезу, друзья?

Похоже, слово «друг» употреблялось эльфами столь же часто, как и «уважаемый» — гномами.

— Почтем за честь, — ответил Диего.

Стражи привели нас к небольшому деревянному домику в саду. На открытой веранде стоял круглый стол, а вокруг него — уютные кресла. Над яблонями мирно жужжали пчелы и совсем не верилось, что совсем недалеко все еще царит зима.

При нашем приближении из домика выглянули еще двое эльфов.

— У нас гости, — заметил один из них. — Рад приветствовать, друзья.

— Да не потускнеют звезды, освещающие ваш путь, — добавил другой.

Я немного растерялась, ведь вновь появившиеся не задали нам никаких вопросов, словно их и вовсе не интересовало, кто мы такие, откуда взялись и с какой целью пришли в Заповедную Долину. Позже Келебран мне пояснил, что у эльфов принято доверять друг другу: раз стражи позволили нам пройти, значит, их решение оспариваться не будет. А вот приставать с расспросами, напротив, считалось дурным тоном. Желаящего поделиться своими переживаниями всегда выслушивали и давали совет, но вот додумать вопросами того, кто предпочел бы промолчать, эльфы себе не позволяли. Немного подумав, я решила, что мне такое поведение, пожалуй, даже нравится — излишне любопытствующих я и сама недолюбливала.

Впрочем, вышедшие из домика с нами не задержались. Они отправились сменить Литора и Нордона на страже у ворот. А мы расположились на веранде, ожидая, когда хозяева

накроют на стол. От нашей помощи эльфы вежливо, но твердо отказались.

— Чудно тут, — заметил молчавший до тех пор Диего.

— Чуднее, чем у гномов? — хитро усмехнулся Келебран.

— У гномов привычнее. И на людскую дипломатию похоже — выторговать побольше, отдать поменьше. Мне все это знакомо и понятно. А здесь я не знаю, чего ожидать и как себя вести.

— Да просто будь собою, — посоветовал ему друг. — Эльфы фальшь и обман чувствуют, пусть и не сразу поймут, где именно их провести хочешь, но насторожатся.

— Хорош совет, — теперь усмехнулся уже Диего, но его усмешка была горькой. — Я уж и позабыл, каково это.

— Ты был таким всю дорогу до Заповедной Долины, — негромко возразил ему Келебран. — Просто не натягивай привычную маску, вот и все.

Я в разговор не вмешивалась, но прислушивалась с любопытством. Впрочем, больше ничего мне услышать не довелось, поскольку вернулись хозяева со снедью: пышным хлебом, запеченным мясом с румяной корочкой, холодным маслом, на котором выступили мельчайшие капельки влаги, солнечно-желтым сыром и корзинкой с фруктами. Запивать все это великолепие полагалось золотистым вином, не пьянящим, но поднимающим настроение и вызывающим улыбку.

Перед началом трапезы эльфы на мгновение подняли глаза и раскрытые ладони к небу. Немного поколебавшись, мы последовали их примеру, а затем приступили к еде — простой, но сытной и вкусной.

— Вы можете остаться переночевать здесь, — сказал Нордон, когда мы сыто отставили тарелки. — А утром мы дадим вам лошадей и к вечеру вы уже будете в Эльдоране.

Диего, хоть и возглавлявший наш поход по умолчанию, бросил на Келебрана вопрошающий взгляд — все-таки в Заповедной Долине тот ориентировался куда как лучше.

— Пожалуй, так мы и поступим, — согласился блондин.

— Тогда, друзья, я могу предложить вам искупаться. И смена одежды у нас найдется. Вот только женских вещей, к сожалению, не припасено. Но если Риона не побрезгует мужскими вещами...

— Не побрезгую, — заверила я.

От предвкушения купания все тело словно закололо крохотными иголочками. С того самого утра, когда мы покинули гостеприимное жилище мастера Громмыша, я была лишена возможности вымыться как следует, только лишь обтиралась снегом да наскоро умывалась в студеной воде ручья. Сейчас же любезные хозяева выдали мне сосуд с душистым пенящимся раствором, мягкое полотенце, чистую одежду и сопроводили к небольшому озерцу за домиком. От воды поднимался пар.

— Вас никто здесь не потревожит, — заверил меня Литор и удалился.

Я быстро сбросила одежду и решительно шагнула в озерцо. То, что я оказалась нагой на открытой местности, немало смущало меня, хоть рассудком я и понимала, что ни эльфы, ни мои спутники подглядывать за мной не станут. Но лишь погрузившись в воду по плечи, я смогла с облегчением вздохнуть и расслабиться. Сначала я тщательно вымыла волосы, затем вымылась сама и выстирала одежду, а потом просто лежала на воде, раскинув руки и наслаждаясь видом и ароматом яблоневого цвета. Звонкий ручеек стекал в озерцо по невысокой каменной горке. Я подплыла к нему и погрузила пальцы в прозрачную воду — она неожиданно оказалась прохладной. Стало быть, либо со дна озера бьют горячие ключи,

либо его подогревает загадочная эльфийская магия.

Я еще немного поплескалась в теплой воде, то вздымая ладонями вокруг себя легкие волны, то уходя под воду с головой, а потом с сожалением выбралась на берег. С огромным удовольствием я осталась бы в озерце и подольше, но ведь спутники мои тоже желали искупаться. Я наскоро обтерлась пушистым полотенцем и принялась одеваться. И сразу же столкнулась с трудностями. Выданные мне Нордоном брюки были не просто велики, а поистине огромны. Я попробовала было подвернуть волочившиеся по земле штанины и хоть как-нибудь удержать штаны на талии при помощи пояса, но у меня ничего так и не получилось. Зато рубаха, хоть и была настолько просторной, что я могла бы завернуться в нее, доходила мне до колен. Немного помучившись сомнениями, я решила, что останусь только в ней. Закатала длинные рукава, перехватила талию поясом и, изо всех сил стараясь сохранять достоинство в столь нелепом одеянии, направилась к домику.

Мои спутники, Нортон и Литор все еще сидели на веранде, неспешно потягивая вино и о чем-то негромко беседуя. Первым меня заметил сидевший ко мне лицом Диего. Он как раз сделал глоток, но поперхнулся и закашлялся. Келебран похлопал его по спине, повернулся посмотреть, что же именно произвело на друга столь сильное впечатление — и застыл. Лица же эльфов оставались невозмутимыми.

— Давайте пройдем в дом, Риона, — предложил мне Литор. — На улице свежо, вы можете простыть.

Я показала ему охапку мокрой одежды.

— Скажите, где я смогу развесить ее, чтобы просушить?

— Лучше в доме, у огня, — вступил Нордон. — Там она высохнет быстрее. Диего, Келебран, друзья мои, теперь ваша очередь купаться.

Упомянутые друзья машинально кивнули, все еще не сводя с меня взглядов. Я уже начинала потихоньку злиться, прекрасно осознавая, что выгляжу нелепо — но ведь не до такой же степени, чтобы у моих спутников отнялся дар речи? Ни слова им не сказав и даже не повернув в их сторону голову, я проследовала за Литором в дом.

Внутри оказалось на удивление просторно, светло и уютно. Стены из некрашеного золотистого дерева не были украшены картинами, да и не нуждались в этом. Дверной проем открывал вход в кухоньку, где в очаге потрескивал огонь, над которым мирно кипел котелок. Упоительно пахло медовыми летними травами и цветами. Узенькая лестница с резными перилами поднималась на второй этаж. У камина стояли даже на вид удобные кресла-качалки и низенький столик, а под большим окном, слегка прикрытым светлыми занавесками, расположился мягкий диванчик.

— Вы можете развесить свои вещи здесь, — сказал Литор, снимая котелок с огня. — А я угощу вас травяным отваром — желаете?

— Не откажусь.

Вскоре я уже устроилась в кресле с кружкой дымящегося напитка в руке, а Литор укутал мои ноги теплым, но легким одеялом.

— Вы живете здесь вчетвером? — спросила я.

— Можно сказать и так. В действительности двое стражей всегда дежурят у входа в Долину. А дозоры, едущие за Стену или обратно, остаются у нас на ночлег. Наверху у нас имеются две спальни, так что можете быть спокойны — ночью вас никто не стеснит.

Я усмехнулась.

— Прежде чем попасть в Привратье, мне пришлось проделать долгий путь с двумя

спутниками-мужчинами. Более я уже не смущаюсь. Но я рада предоставившейся возможности отоспаться.

На это мне эльф ничего не ответил, зато неожиданно спросил:

— Как мне развлечь вас, дорогая гостья? Я слишком давно общался с людьми и позабыл уже, какие именно беседы принято у них вести.

— Расскажите мне что-нибудь о вашем народе, — попросила я. — Если вы общались с людьми очень давно, то я до недавнего времени и вовсе не встречала эльфов и почти ничего о них не знаю. Надеюсь, моя просьба никоим образом не обидела и не задела вас.

— Нет, что вы. Просто я так сразу и решить не могу, что именно вам рассказать.

— А вы можете сказать, отчего эльфы отгородились от остального мира Стеной? — от любопытства я даже подалась вперед.

Даже невозмутимого Литора удивил мой вопрос.

— Как, разве вы не знаете? — спросил он у меня. — Ведь в разладе в свое время был виновен человеческий король.

Я была изумлена.

— Нет, ни о чем подобном я не слыхала. Знаю лишь, что эльфы однажды прервали всяческие отношения с прочими народами.

— Понятно, — протянул Литор. — Что же, никто не любит вспоминать о своих ошибках и паче того — о собственных преступлениях. Но начать мне придется издалека, Риона, иначе вы ничего не поймете. Эта история берет свое начало еще с тех незапамятных времен, когда каждый день наших народов проходил в битве против сил древнего зла. Гномы, только-только отвоевавшие территорию будущего Горного Королевства, были обескровлены, их легендарный правитель пал в последней битве. Эльфам удалось оттеснить троллей на запад от Заповедной Долины, но сии злобные чудища то и дело предпринимали все новые попытки прорыва. На севере и на востоке в невиданных количествах расплодились драконы, уничтожавшие целые города. Оборотни — народ в целом нейтральный, все чаще превращались в обезумевших волколаков. В довершение ко всему, дороги стали небезопасны — все большую силу набирали Лесная Марь, Болотница, Огневики и Ядовитый Туман. И вот тогда было принято решение окружить пространство, на котором жили мирные народы, Кровавой Чертой, пересечь которую древнее зло не сможет. Тяжело далось это решение нашим народам, многих добровольных жертв из числа самых лучших их представителей оно потребовало. Но в результате тролли, драконы и прочая нечисть оказалась оттеснена за черту, а нежить погрузилась в вековечный сон, оставшись в памяти только у свидетелей кровавой эпохи — эльфов, а у людей и гномов сделавшись персонажами страшных легенд и сказок. Хранителем великой жертвы трех народов стал огромный алмаз, который гномы добыли в самом сердце своего королевства. Люди омыли его кровью, а эльфы наполнили светом и поместили в Источник Жизни. И воцарилось в мире хрупкое равновесие. Зло не было уничтожено до конца, поскольку задача эта невыполнима, однако же лишилось самых ярких своих приспешников. Мирные народы получили возможность заниматься пахотой и садоводством, торговлей и ремеслами без опаски в любой момент лишиться не только нажитого добра, но и самой жизни.

— И что же случилось потом? — едва слышно спросила я.

— Потом, — эльф невесело усмехнулся, — потом шли годы, десятилетия, столетия. Кровавая эпоха стиралась из людской памяти. Да что там люди, даже гномы — и те помнили лишь свою Великую Битву да прославленного правителя. Алмаз по-прежнему сиял

из Источника Жизни, но, увы, вызывал теперь у увидавших его не только восхищение и благоговение, но и вожделение. И вот однажды случилось непоправимое. Король Дерек Второй затребовал его себе. Он обосновывал свое требование тем, что алмаз принадлежит всем трем народам и хранился у эльфов уже достаточно долгое время. Владыки пытались взывать к его рассудку, но тщетно — разум короля туманила алчность. Он заверял, что алмаз будет храниться в его сокровищнице, затем, спустя определенное время, перейдет к гномам, а потом вернется к эльфам. И так и будет странствовать по кругу.

— Но это было невозможно, — прошептала я, уже понимая, что именно произошло. — Король вовсе не собирался отдавать алмаз, ведь так? Он желал владеть им единолично и просто прикрывал свою жадность красивыми словами о справедливости.

— Ладно бы, будь все так просто, — горько произнес Литор. — Но алмаз нуждался в Источнике Жизни, он питался его водами. И когда король Дерек извлек его из Источника, круг разомкнулся. Зло вновь начало просачиваться в наш мир — понемногу, исподволь. Но, насколько я знаю, в последние годы оно все стремительнее набирает силу. Чтобы иметь возможность противостоять ему, мы и построили стену. Да и с людьми, вы уж простите мою прямоту, Риона, эльфы иметь дело больше не желали.

— А отчего вы не отобрали алмаз обратно? — удивилась я.

— Он не может быть обогретен кровью, Риона. Если из-за него вновь прольется кровь, все жертвы окажутся напрасными — черта исчезнет окончательно и зло затопит мир. Камень можно вернуть только доброй волей.

Я прикусила губу. Кажется, теперь я нашла ответы на свои вопросы: с какой целью пришли мы в Заповедную Долину и почему королевский кузен лично вызвался идти в поход. Похоже, очень скоро алмаз обретет свое законное место. Вот только поможет ли это исправить ошибку давно умершего монарха?

— Вслед за эльфами неладное почуяли оборотни, — продолжал Литор. — Этот народ, как я уже упоминал, в битвах не участвовал, да и вообще предпочитал держаться особняком. По повадкам они скорее люди, наделенные звериным чутьем. Вот это самое чутье и заставляло их пересидживать любую опасность в укромном месте. Однако же около двухсот лет назад здешняя община снялась с места и отправилась на север, к тамошним сородичам. Вероятно, решили, что смутные времена лучше переживать вместе. Да вот только их это не спасло — среди них опять стали появляться волколаки, причем численность их все увеличивалась.

— Но ведь люди жили спокойно до недавнего времени, зло не коснулось их, — невесть зачем вставила я.

Эльф печально посмотрел мне в лицо.

— Келебран сказал, что вы прорицательница, Риона. Следовательно, кому, как не вам, знать о том, что происходит с вам подобными. Женщины с пророческим даром рождались редко и пятсот лет назад, но никому не приходило в голову поить их дурманящими разум зельями на потеху толпе. А ваши правители вместо того, чтобы пресечь сию мерзость, предпочитали погрязнуть в собственных пороках. Дерек, разомкнувший черту, сослужил плохую службу своим потомкам — на них проклятьем пала пролитая кровь. Насколько я знаю, ваш нынешний король бездетен и слаб здоровьем.

Я потрясенно молчала. Диего сказал мне о некоем проклятьем, которому подвергся король, но мне и в голову не могло прийти что проклятие это столь древнее, да еще и родовое. Да еще к тому же — от этой мысли мне стало дурно — способное настигнуть и

самого дел Арьянте, как носителя той же крови. И я опять отчаянно понадеялась, что, вернув алмаз в Источник, мы получим шанс все исправить.

За дверью послышались веселые голоса — возвращались купальщики. Я непроизвольно тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли. Возможно, потом я и смогу поговорить об услышанном сегодня со своими спутниками. Более того, я даже была уверена, что этот разговор состоится. Но пока же не была к нему готова.

На Диего и Келебране эльфийская одежда сидела значительно лучше, нежели на мне — и не скажешь, что с чужого плеча. Сейчас, в рубаше, расшитой у ворота кленовыми листьями, Келебран приобрел столь сильное сходство с эльфийскими предками, что я даже подивилась, как не замечала этого раньше. Волосы у приятелей все еще были влажными, но вот охапок выстиранной одежды в руках не было — должно быть, развесили в саду.

Любезные хозяева накормили нас ужином, мало чем отличавшимся от обеда: мясо, масло, сыр, хлеб, фрукты. В качестве горячего блюда выступал запеченный картофель с золотистой сырной корочкой. После ужина я ощутила сонливость, которую безуспешно пыталась побороть. Вино на сей раз не придало мне бодрости, напротив, меня еще сильнее стало клонить в сон. Заметивший мое состояние Нордон предложил мне подняться наверх и отдохнуть. Я с благодарностью согласилась.

Выделенная мне спальня оказалась небольшой комнатой с тремя кроватями. Нордон принес мне постельное белье и сообщил, что я могу занять любую из них. Не колеблясь, я остановила свой выбор на постели, расположенной у окна.

— Я могу приоткрыть окно? — спросила я у своего провожатого.

— Разумеется, — эльфа мой вопрос не удивил. — Мы всегда спим с открытыми окнами, наслаждаясь ароматом цветущих яблонь.

Я хихикнула.

— Именно из этих соображений я и задала вопрос. Мне тоже хочется вдыхать весенние запахи, засыпая. Ведь еще сегодня утром за стеной была зима.

— Понимаю, — без тени улыбки сказал Нордон. — Покойной ночи, Риона.

— Покойной ночи.

Укутываясь одеялом, я припомнила, что в последний раз спать в постели мне довелось в гостях у мастера Громмыша. После того были только ночевки на земле, где кроватью в лучшем случае служили опавшие листья. Порадовавшись, что долгий трудный путь завершен, я уснула. И сны мне снились хоть и незапоминающиеся, но приятные, поскольку проснулась я с улыбкой на лице.

Едва поднявшись, я сразу выглянула в окно. Солнце только-только вставало, расцвечивая небо на востоке алым. Жужжания тружениц-пчел не было слышно, зато где-то совсем рядом щебетала птица. Я полной грудью вдохнула свежий, еще прохладный утренний воздух и остатки сна улетучились окончательно.

В дверь постучали. Босиком, позабыв обуться, я прошлепала по теплым деревянным полам к двери и распахнула ее.

— Доброе утро, Риона, — произнес Литор и вручил мне стопку моей уже высохшей одежды. — Я услышал, что вы проснулись. Спускайтесь, завтрак уже готов.

Подивившись чуткому эльфийскому слуху, я переоделась в свои вещи и отправилась вниз.

Завтрак действительно был уже готов, собравшиеся ожидали только меня. Едва я вошла, Литор разложил по тарелкам пышный золотистый омлет с сыром и грибами и мы дружно

приступили к трапезе. Покончив с едой, засиживаться не стали, а сразу принялись собираться в путь.

Нордон подвел к крыльцу лошадей — горделивых, белоснежных, ступавших, подобно их хозяевам, с неспешным достоинством. Впрочем, в том, что при необходимости догнать их будет невозможно, сомнений не возникало. Но меня поразила даже не их изящная красота, а отсутствие упряжи.

— Эльфийские кони под седлом не ходят, — пояснил в ответ на мой вопросительный взгляд Нордон. — Но не переживайте, Ветер не позволит вам упасть. Ведь так, друг мой?

Эльф обращался к коню не просто как к существу разумному, но как к равному себе, и мне даже на миг показалось, будто конь ему безмолвно отвечает. Немного опасаясь, я спустилась с крыльца.

— Ты Ветер, да? — кончиками пальцев я прикоснулась к светлой гриве. — А я Риона. Ты действительно не дашь мне свалиться?

Конь насмешливо фыркнул, словно мое предположение немало позабавило его. Я оглянулась. Келебран уже сидел верхом на своем скакуне и, склонившись, что-то негромко ему говорил. Диего же, как и я, недоверчиво рассматривал свою лошадь.

— Да не бойтесь вы, — нетерпеливо крикнул нам блондин. — Возможно, лошадям вы и не сильно понравитесь, но они слишком хорошо воспитаны для того, чтобы навредить вам.

— И чего это я не понравлюсь? — обиженно проворчала я. — Мы с тобой поладим, правда, Ветер? — и, вспомнив, поспешно добавила: — Друг мой.

Конь тихонько заржал, соглашаясь.

Весна закончилась, стоило нам выехать из Привратья. Опять вокруг было пасмурно и серо, растаявший снег растекался лужицами и брызги разлетались из-под копыт. Ехать без седла поначалу было непривычно, но Нордон не солгал — Ветер словно угадывал мои желания и отзывался на малейшее движение. Да и дорогу в эльфийскую столицу кони знали определенно лучше, нежели мы с Диего, никогда в ней не бывавшие.

Мы проезжали мимо небольших городков, а пару раз в отдалении мелькнули и города покрупнее. Попадавшиеся на пути эльфы почти не обращали на нас никакого внимания, а я жадно, во все глаза, разглядывала их. От людей они отличались, но не так внешне, как поведением, исполненной достоинства неторопливостью. Причем, как я уже имела возможность убедиться, неторопливость эта была обманчивой — скорости реакции эльфов люди могли только позавидовать.

Эльдоран раскинулся на берегах реки, разделявшей его на две неравные части. Ни стены, ни рва вокруг города не было — в сердце своего государства эльфы не опасались неприятелей. Въезд в столицу был открыт любому желающему.

Позабыв про свои опасения упасть с лошади, я вертела головой по сторонам, желая рассмотреть как можно больше. Дома эльфов, высокие, сложенные из светлого камня, производили впечатление не массивности, а легкости и невесомости. Изящные колонны словно устремлялись к небесам. Перед каждым домом был отведен участок для цветника, а возле многих строений зеленели хвойные деревца. И сады, пока еще спящие — они были повсюду, мы постоянно проезжали мимо них.

Стоило нам подъехать к мосту, как кони наши остановились. К нам подошли два эльфа в темно-зеленых плащах.

— Ясного вам неба и ярких звезд, друзья, — произнес один из них. — Мы получили донесение о вашем прибытии.

— Рад приветствовать вас, — спешиваясь, ответил Диего.

Заметив, что Келебран последовал примеру приятеля, я молча соскользнула на землю.

— Вы можете оставить лошадей нам, друзья, — сказал один из эльфов после того, как обмен приветствиями завершился. — Мы позаботимся о том, чтобы они вернулись в Привратье.

— Хорошо, — согласно кивнул Диего.

— А теперь ступайте во дворец, друзья, — напутствовал нас второй эльф. — Владыки уже ждут вас.

Мы пересекли реку по выгнутому аркой мосту с ажурными перилами, словно парящему в воздухе.

— Это пешеходная часть города, — негромко пояснил Келебран. — Здесь находится жилище Владык, здание Совета и парк златолиственных деревьев.

— Какой парк? — недоуменно переспросила я.

— Особых деревьев, что растут только в Заповедной Долине и окружают сам Источник Жизни. По давней легенде, эти деревья были благословлены звездами в незапамятные времена. Вы и сами их вскоре увидите, потому не буду много о них рассказывать.

И мы их действительно увидели. Высокие стройные деревья со светлой корой и полупрозрачными листьями, золотившимися в солнечном свете, и нежными белыми

цветами, издававшими едва ощутимый аромат. Если в Привратье царила вечная весна, то эльфийские Владыки предпочли окружить свое жилище летом. Прямо перед домом (назвать его дворцом я не смогла, поскольку он не отличался от прочих городских построек) был разбит пышный цветник, а за самим строением располагался парк с ухоженными дорожками, уютными беседками и весело журчащими фонтанами. Против нашего ожидания, именно в парке Владыки нас и приняли. Не удивило это одного только Келебрана, пояснившего нам вполголоса, что у эльфов и Тронный зал-то отсутствует за ненадобностью. Любой желающий встретиться с Владыками по любому вопросу должен всего лишь сообщить о своем намерении и ему назначат время.

— Впрочем, — быстро закончил свой рассказ блондин, пока мы подходили к беседке, — государственные вопросы обычно решает Совет, а по мелочам эльфы своих правителей не беспокоят.

Они уже ожидали нас, Владыка Санрод и Владычица Арнэль. Оба высокие, изящные пепельноволосые, они еще сильнее отличались от людей, нежели все прочие встреченные нами эльфы.

— Добро пожаловать в Эльдоран, друзья, — мелодичным голосом произнесла Арнэль.

А Санрод и вовсе изумил меня, поклонившись нам.

— Вы проделали долгий путь, друзья мои, — сказал он. — Посему предлагаю вам отдохнуть и перенести все беседы на вечер, ибо вы устали.

— Мы с благодарностью принимаем ваше предложение, Владыка, — произнес Диего. — Однако же прежде я хотел бы выполнить поручение короля и передать вам вот это.

Он достал из-за пояса небольшой черный бархатный мешочек и протянул его Владыкам. Те переглянулись, а потом Арнэль спросила:

— Здесь находится то, о чем я думаю, да?

— Полагаю, что именно так, — ответил Диего. — Король желает исправить ошибку своего далекого предка.

Арнэль осторожно взяла мешочек из протянутой ладони дел Арьянте. Изящные хрупкие пальцы, лишенные колец, медленно извлекли на свет тусклый прозрачный камень размером с кулачок ребенка.

— Я помню времена, когда он сверкал и переливался, — грустно сказала Владычица. — Исходящего от него света хватало, чтобы осветить поляну вокруг Источника.

— Но ведь он не умер? — встревоженно спросил Диего. — Не угас окончательно? Я никогда не видел его до нашего путешествия, но читал в дневниках Дерека Второго его описания. Красота этого камня буквально свела с ума несчастного правителя, он жаждал обладать им единолично.

— И ни к чему хорошему это не привело, — вставил Санрод.

— Мне очень жаль, — произнес Диего.

— В том нет твоей вины, — возразила Арнэль. — Потомки не должны отвечать за деяния предков.

— К сожалению, деяния предков зачастую вредят и потомкам, — добавил Владыка. — Однако же Арнэль права: вас никто не винит в содеянном, друзья.

— Что же до того, угас алмаз ли алмаз окончательно, — печально продолжила Владычица, — то у меня, увы, нет ответа на этот вопрос. Только лишь время покажет, осталась ли у нас еще надежда. На зарождении новой луны мы поместим его обратно в Источник и будем надеяться, что Источник примет камень. Но не будем предаваться

преждевременному унынию, друзья мои. Отдыхайте, а за ужином мы еще побеседуем — ежели вы пожелаете.

— Мы будем счастливы провести время с Владыками, мудрость которых славится в веках, — заверил ее Диего.

Арнэль на его слова лишь грустно улыбнулась.

— А пока мы расстаемся, — заметил Санрод. — За вами уже пришли. Келебран, друг мой, полагаю, тебя обрадует эта встреча.

Я резко обернулась и увидела, что на пороге застыла женщина удивительной, какой-то странной, непривычной глазу красоты. Точеные черты лица и разрез золотистых глаз выдавали ее принадлежность к эльфам, но было в ее внешности нечто дикое и одновременно чувственное — ни одно из этих определений к эльфам не подходило. Светлые волосы свободно падали ей на плечи, полные алые губы улыбались.

— Келебран!

И она в два шага оказалась возле моего приятеля и крепко обняла его. Невольно я отметила сходство между ними. Если эта женщина и была таинственной Моравен, то она вполне могла оказаться сестрой Келебрана либо даже его матерью — угадать возраст вечно молодых эльфов представлялось мне делом безнадежным.

— Я так рад тебя видеть, — сказал Келебран, в свою очередь обнимая незнакомку. — Позволь, я представлю тебе своих друзей: Диего, о котором ты немало наслышана, и Риону.

Яркие золотистые глаза пристально посмотрели мне в лицо.

— Она твоя возлюбленная?

Мои щеки вспыхнули и на мгновение мне показалось, будто Келебран тоже смутился, но голос его прозвучал твердо и спокойно:

— Она мой друг. Диего, Риона, познакомьтесь с моей матерью, Моравен.

— Несказанно рад знакомству, — галантно поклонился дел Арьянте. — Я столько слышал о вас от Келебрана.

— Я тоже рада приветствовать друзей моего сына, — отозвалась Моравен низким грудным голосом. — Пойдемте со мной, я покажу вам ваши комнаты.

Движения женщины были плавными и изящными и опять-таки несколько отличали ее от скупых на жесты эльфов. Я шла за ней, наблюдая за легким покачиванием ее бедер при ходьбе, и никак не могла понять, кого же она мне напоминает. Келебран упоминал, что его дед был эльфом, и я отчего-то решила, что бабка его по материнской линии была человеком.

— Тебя что-то смущает, Риона? — Моравен остановилась и, подождав, пока я с ней поравняюсь, притронулась к моему рукаву. Запястье у нее было узким, а изящные длинные пальцы заканчивались слегка заостренными ногтями.

— Ее смущаешь ты, мама, — ухмыльнулся Келебран. — Это Диего в курсе нашей семейной истории, а вот Риона — нет.

Я метнула в сторону блондина гневный взгляд.

— Я вовсе не...

— Да брось, Риона, иначе ты не рассматривала бы мою мать со столь недоуменным выражением на лице.

Неожиданно Моравен рассмеялась.

— Не смущайся, дорогая. Я — в своем роде уникам, пусть и давненько уже отвыкла от любопытствующих взглядов — слишком уж долго живу на свете, мою историю уже знает всякий в Заповедной Долине. А семья моего мальчика действительно необычна и я не

понимаю, почему он утаил это от тебя. Ты имеешь право знать, с кем связалась.

— Мама!

Вот теперь Келебран действительно смутился, а я переводила заинтересованный взгляд с него на Моравен. Мне действительно было чрезвычайно любопытно.

— Дело в том, Риона, — женщина слегка понизила голос, словно собиралась доверить мне какой-то секрет, — что я — единственный известный этому миру ребенок эльфа и оборотня. Меня и быть-то на свете не должно, однако же я родилась. И стоила своей матери изгнания из ее стаи.

Сказать, что я была удивлена, значило не совсем верно описать мое состояние. Я была потрясена, ошарашена, изумлена услышанным. О том, что в приграничных деревнях женщины иногда рожали детей от оборотней, я слыхала. Такие дети сами оборачиваться не умели, а матери зачастую стыдились их. Некоторые даже пытались избавиться от нерожденного ребенка либо же подкидывали новорожденных в приюты, поскольку мужчины-оборотни, о любовных способностях которых ходили разнообразные пикантные слухи, создавать семьи с людьми не стремились. Бедным детишкам, ежели прикрыть грех их матерей никто из односельчан не соглашался, вдоволь приходилось хлебнуть насмешек от соседской ребятни. Но никто из человеческих мужчин, насколько я знала, не мог похвалиться романом с женщиной из стаи — те блюли себя очень строго и выбирали одну пару на всю жизнь. Знала я о царящих среди оборотней нравах преимущественно из книг, поскольку живьем видала только волколаков, да и тех не столь давно.

Об эльфах же мне, как я уже упоминала, было известно куда меньше, нежели об оборотнях. Однако до упоминания Келебрана о том, что его мать живет в Заповедной Долине, я даже не задумывалась, могут ли у людей и эльфов быть совместные дети. Возможно, подобные полукровки и существовали, но мне о том ничего известно не было.

Потому-то слова Моравен никак не могли уложиться у меня в голове. Женщина из оборотней и эльф — да что-либо менее правдоподобное и придумать трудно!

— Помнишь пещеру, где нам повстречалась Лесная Марь? — негромко спросил Келебран. — Я еще говорил, что она некогда служила приютом влюбленных. Оборотни тогда еще не ушли на север и дед с бабкой встречались там.

— Они так сильно любили друг друга, — грустно сказала Моравен. — Счастье их было недолгим и всегда отдавало горечью, ведь их народы так и не приняли эту любовь. Я даже не уверена, что мне позволили бы жить в Заповедной Долине, не останься я сиротой.

— Значит, ваши родители умерли? — ужаснулась я.

— Мама быстро лишилась сил без поддержки стаи. Тьма легче захватывает души оборотней, если они находятся в обличье зверя, поэтому она все время оставалась человеком. Но зверю внутри нее не нравилось сидеть взаперти и он подтачивал ее силы. А когда она умерла, отец не захотел жить без нее. Он только отвез меня в Заповедную Долину и передал на попечение Владык. Исполнив таким образом свой отцовский долг, он ушел вслед за мамой.

— И вы никогда не общались с оборотнями?

— Почему же никогда? — Моравен усмехнулась. — Когда я подросла, то захотела увидеть тех, кто изгнал маму из стаи. Это было незадолго до ухода оборотней на север. Я пришла к ним и потребовала встречи с вожаком.

— И он согласился? — обмирая от ужаса, спросила я.

— Согласился, разумеется. Как ему было не согласится повидаться с единственной

внучкой?

— Так он выгнал из стаи родную дочь? — возмутилась я.

Золотистые глаза Моравен потемнели.

— Скажи мне, Риона, — тихо произнесла она, — разве люди не совершают дурных поступков, полагая, будто действуют во благо?

Я вспомнила своих родителей, Карла, мать Артура. Все они причинили мне боль, причем в первых двух случаях просто ради своего спокойствия. Потом в памяти всплыла Лита, которая так помогла мне, что, впрочем, не помешало ей выйти замуж за предавшего меня жениха. И я опустила голову.

— Совершают, — пробормотала совсем тихо.

— А дед полагал, что не может поступить иначе. Никому, даже дочери вожака, не позволено подрывать вековые устои. И выбрал он самое мягкое наказание — изгнание, а не смерть. Я сумела понять его. И простить.

Мы медленно шли по дорожкам паркам. Вокруг царило вечное лето, светило яркое солнце, ласковый ветерок шелестел в кронах деревьев и доносил до нас нежные цветочные ароматы, но от рассказа Моравен на сердце было тяжело и сумрачно, словно наступила внезапно поздняя осень.

— Меня стая не приняла официально, — продолжала она тем временем. — Однако моим посещениям никто не противился и вскоре я даже обзавелась друзьями из числа молодых оборотней. А потом они ушли. С каждым днем все сильнее чувствовали они зов, заставляющий их оборачиваться в зверей и выходить на охоту. Дед понимал, что так недолго и до окончательного превращения в волколаков, которым без разницы, на кого нападать — на зверя, на человека, на своего, на чужого, лишь бы напиться горячей крови. Чем больше стая, тем реже овладевает членами ее безумие. И дед решил идти на север и влиться в тамошнюю общину. Это означало, что я теряю единственного родного мне по крови человека, ведь меня с собой оборотни не брали.

— Но разве у вас не было друзей здесь, в Заповедной Долине?

Оглянувшись, я заметила, что Диего и Келебран отстали от нас и беседуют о чем-то своем.

— Мальчикам неинтересен наш разговор, — усмехнулась Моравен, уловив мое движение. — Им и так все это известно — полагаю, мой сын достаточно рассказал своему другу, чтобы сейчас любопытство его молчало. А друзья... Да, пожалуй, друзья у меня были и среди эльфов. Но я была совсем юна и с оборотнями мне было куда как интереснее. Они казались такими настоящими, такими живыми: горячие, порывистые, необузданные. Те мои качества, что не понимались и не принимались эльфами, были у них в почете. При них я могла выпускать когти, не боясь холодного осуждения.

— Выпускать когти? — переспросила я, не сомневаясь, что слова моей собеседницы не стоит толковать буквально.

— Смотри!

И я убедилась, что ошибалась. Женщина вытянула правую руку вперед. Под моим удивленным взглядом ногти ее заострились еще сильнее, удлинились, окрепли и потемнели, став самыми настоящими когтями.

— Никогда не слышала о подобном, — признала я. — Разве дети оборотней не лишены их способностей?

— Ну, хвоста у меня нет, — подмигнула мне Моравен. — А кое-какие способности я от

своей матери все же унаследовала. А от меня они передалась моему сыну.

— Он тоже может выпускать когти? — заинтересовалась я.

— Спроси у него сама, — засмеялась женщина, но тут же вновь стала серьезной. — Правда в том, что и в его, и в моей душе есть часть зверя. Можно скрывать это, можно пытаться отрицать, но от этого никуда не деться. Однажды я почувствовала, как тьма исподволь вползает в мое сердце и занимает в нем все больше места. Тогда я вынуждена была вернуться в Заповедную Долину и никогда больше не покидала ее.

— Так вы поэтому оставили своего сына?

— Так было лучше для него, — твердо сказала Моравен. — Он не смог бы стать своим среди эльфов, для этого в нем слишком мало эльфийской крови. Я бы осталась с Келебраном и его отцом, но чувствовала, что начинаю сходить с ума. Тьма не могла сделать из меня волколака, но вот довести меня до безумия и превратить в зверя в человеческом обличье ей было вполне по силам. Я слишком понадеялась в свое время на защитную силу своей эльфийской половины, но ее оказалось недостаточно, чтобы противостоять злу. Лишь здесь, в Долине, я снова смогла бороться с тьмой в своей душе.

— А потом вы вышли замуж за эльфа.

— Да, спустя долгие годы. Хотя немало наших мужчин оказывали мне знаки внимания и пытались ухаживать за мной. Как признался мой муж, необузданная страстность привлекает хладнокровных эльфов, — с усмешкой заключила она. — Но до того, как окончательно поселиться в Заповедной Долине, я никого из эльфов не рассматривала в качестве потенциального мужа: мне-то как раз именно живости, страсти и огня в них и не хватало.оборотни и люди привлекали меня куда как больше. Вот только на серьезные отношения с оборотнем рассчитывать не приходилось, потому моим первым мужем стал человек. Но мы уже пришли. Полагаю, разговоры утомили тебя не хуже дороги, Риона. Я покажу тебе гостевые покои, чтобы ты могла там отдохнуть. Или распорядиться сначала подать обед?

Я хотела было возразить, что мне ничуть не надоел ее рассказ и я с удовольствием послушала бы еще, но вовремя сообразила, что Моравен, возможно, больше не хочет делиться со мной подробностями своей жизни. Поэтому я кивнула и сказала:

— Спасибо, я действительно устала после проделанного пути. А насчет обеда надо бы спросить и у моих спутников, я не могу решать одна.

— Мужчины, — сдерживая смех сказала Моравен, — никогда не откажутся хорошенько перекусить, к какому бы народу они ни принадлежали.

Дворец Владык чем-то неуловимо напоминал домик стражей Привратья — те же высокие потолки, огромные окна, обилие света и довольно аскетичная, но вполне уютная обстановка. Никаких лишних предметов мебели, отсутствие ваз с цветами.

— Эльфы никогда не срезают цветы, — пояснил мне Келебран. — Предпочитают любоваться живыми, а срезанный цветок считают мертвым.

Зато обеденный зал украшал дивный витраж почти во всю стену. Я даже не сразу обратила внимание на поданную нам еду, залюбовавшись звездным небом и невиданными птицами. Впрочем, пища была довольно простая, без особых изысков: запеченные овощи с мясом, мягкий хлеб с хрустящей корочкой, желтый круг масла и нежный сыр. Несмотря на неприхотливость обеда, был он просто великолепен на вкус, а золотистое вино, которым предлагалось запивать еду, и вовсе было выше всяких похвал. Когда мы справились с обедом, Моравен отвела нас в гостевые покои, где мы с Диего остались вдвоем, поскольку

Келебран ушел с матерью — им было о чем поговорить.

Нам отвели три комнаты: две спальни, разделенные небольшой гостиной, в которой стояли уютные кресла-качалки. Спать не хотелось, поэтому мы с Диего расположились в креслах и некоторое время просто молча смотрели в окно.

— Значит, мы должны были вернуть эльфам алмаз, — наконец нарушила молчание я. — Почему ты ничего мне о нем не рассказал?

— Ты всерьез спрашиваешь? — вопросом на вопрос ответил дел Арьянте.

— Пожалуй, нет, — вынуждена была признать я. — Понимаю, почему ты не желал никому сообщать о камне. Кстати, а Келебран был в курсе?

— Да. Он и король, вот и все. Король дал мне это поручение, а Келебран неоднократно доказывал мне, что достоин доверия. Даже королева ничего не знает.

— Но все же вы опасались, что кто-нибудь сможет прознать, — тон мой был не вопросительным, но утвердительным.

Диего пожал плечами.

— Опасались. Во-первых, камень сам по себе, пусть и утративший силу, является огромной ценностью и нашлось бы немало желающих прикарманить его. А во-вторых, в королевстве есть немало людей, которые предпочли бы, чтобы король умер, не оставив наследника, а я сгинул невесть где.

Я не стала спрашивать у него имена этих людей. Здравый смысл подсказывал мне, что в дела эти свой нос лучше не совать.

— Ты ведь знаешь Келебрана с детства, — перевела я тему на более безопасную.

— Да, — Диего ничуть не удивился, видимо, ему тоже вовсе не хотелось беседовать о подковерной борьбе за близость к трону.

— И ты никогда не видел его мать?

— К тому времени она уже уехала. Я долгое время считал друга сиротой и лишь несколько лет назад он рассказал мне правду.

— Понятно. Это тоже тайна, мало кому известная.

— Почти никому, — голос дел Арьянте был серьезным. — Даже королю я не сказал ни слова о том, что мать Келебрана жива. Просто упомянул о его эльфийских родственниках. А уж о том, что он на четверть оборотень, даже заикаться не стал.

— И тогда, в лесу, вы боялись, что Марь сможет пробудить в нем зверя?

— Да. Знаешь, я всего раз видел своего друга в ярости. Это было страшно, Риона. Он не владел собой. К счастью, эта вспышка случилась больше десяти лет назад и с тех пор не повторялась. А тогда, в пещере, мы полагали, что наибольшая опасность грозит тебе. Келебран все же умеет контролировать свои порывы, а вот тебе, как прорицательнице, Марь могла внушить ложные видения и выманить тебя в лес. А оказалось, — Диего горько усмехнулся, — что переживать-то надо было из-за меня.

Горечь его слов заставила меня встать, подойти к нему и положить ладонь ему на плечо.

— Ты ведь не пил тот чудодейственный напиток, — здраво заметила я. — Тебе пришлось тяжелее всех.

— Спасибо, Риона.

Склонив голову, Диего потерялся колючей от отросшей щетины щекой о мою ладонь. А потом внезапно обнял меня за талию и притянул к себе на колени.

Я даже охнуть не успела от удивления, а его лицо уже было близко-близко, синие глаза пылливо заглянули в мои, а губы прижались к губам. Одна его рука по-прежнему обнимала

меня за талию, а вторая скользнула по спине вверх, ладонь легла на затылок, вынуждая запрокинуть голову. Язык раздвинул мои губы и я закрыла глаза, отдаваясь жаркому поцелую.

Целовался Диего, надо признать, весьма умело. В первый раз, еще в моем деревенском домике, поцелуй длился слишком недолго, а я была слишком зла, чтобы оценить его опытность. Теперь же я должна была сознаться самой себе, что мне было приятно. Приятно — но не более. Не закружилась голова, не забилося в неровном рваном ритме сердце. И стоило поцелую прерваться, как я соскользнула с колен дел Арьянте и хмуро спросила:

— И что это было?

— Разве ты нуждаешься в объяснениях, Риона? — похоже, он искренне веселился.

— Нуждаюсь. Зачем ты это сделал?

— Потому что ты мне нравишься, — ответил Диего серьезно. — Поход наш завершился, все трудности остались позади. Можно подумать немного и о себе.

— Больше так не поступай.

— Разве тебе не понравилось?

— Было неплохо.

— Всего лишь неплохо? — притворно возмутился он.

— Диего, — я оставалась серьезной, — пожалуйста, не переводи все в шутку. Давай проясним этот вопрос раз и навсегда.

— Не повезло, — резюмировал дел Арьянте. — Но попытаться стоило.

Я смерила его возмущенным взглядом.

— Я серьезно!

— Я тоже, Риона. Ты действительно мне нравишься и я сожалею, что ты выбрала не меня.

— Диего, — я присела на пол рядом с его креслом и заговорила медленно, словно с ребенком. — У нас в любом случае ничего бы не получилось, понимаешь? Кто я и кто ты? А быть временной игрушкой я не хочу. Двор не примет меня, да и тебе быстро наскучат наши отношения. А у меня в жизни и без того хватало боли.

Он протянул руку и ласково погладил меня по волосам.

— Надеюсь, Келебрану ты не будешь излагать подобные соображения?

Я изумилась.

— А почему я вообще должна с ним буду говорить о тебе?

— Не обо мне, — Диего вздохнул, словно удрученный моей непонятливостью. — О вас. Просто у моего друга хватает и собственных надуманных предубеждений, так не присоединяй к ним еще и свои.

Уже второй раз за день я ощутила, что щеки мои пылают.

— По-моему, это ты сейчас придумываешь то, чего нет, Диего.

— Даже Моравен это заметила, — усмехнулся он. — И я только что убедился.

— Полагаешь, что тебе можно отказать только из-за любви к другому? — выпалила я и тут же пожалела о своих словах.

Однако дел Арьянте и не подумал обижаться.

— Для отказа могут быть разные причины, согласен, — тон его был добродушен. — Однако же мне отказывали столь редко, что я, пожалуй, даже и не припомню, из-за чего.

Я засмеялась.

— Тогда сбить с тебя немного спеси представляется мне даже полезным.

Наш разговор прервался стуком в дверь. Вошедшая, выглядевшая совсем юной девушкой, хотя в действительности ей вполне могло быть пару тысяч лет, держала в руках стопку одежды.

— Мое имя Эленвен, — представилась она. — Ваши имена я знаю. Владычица распорядилась принести вам нашу одежду — в ней вам будет удобнее.

Она положила вещи на столик и, поклонившись, удалилась. А я взяла предназначенную мне стопку и отправилась в спальню переодеваться. Признаться, в собственных вещах, столь удобных в походе, в жилище Владык мне было не совсем уютно. Разумеется, я сняла теплый плащ и даже обувь, оставшись босиком, но все равно мне было довольно жарко, не говоря уже о том, что собственный вид в брюках и тунике несколько смущал — совсем не так мне хотелось бы предстать перед правителями Заповедной Долины и уж тем более перед матерью Келебрана.

В спальне, просторной и светлой, я разложила новые вещи на огромной кровати. Неприметная дверь вела в умывальню, где я быстро ополоснулась прохладной водой, а вернувшись, принялась выбирать, что бы мне надеть. Все платья, общим числом пять штук, были светлыми, простого покроя и украшены искусной вышивкой. Наконец я остановила выбор на белом одеянии с узором из зеленых листьев по подолу, у горловины и на рукавах. К нему полагался широкий зеленый пояс. Туфли мне принесли одни, зато мягкие и удобные, замечательно подходящие по размеру. Волосы я, припомнив Владычицу, Моравен и Эленвен, оставила распущенными, собрав лишь пряди у висков.

Одежда, полученная Диего, почти ни чем не отличалась от той, что давали нам стражи Привратья во временное пользование, так что я, вернувшись, рассматривала его без особого интереса, чего нельзя было сказать о его поведении.

— Теперь ты похожа на эльфийскую деву, Риона, — заметил он. — Но следует признаться, что предыдущее твое преображение понравилось мне значительно больше.

Я не сразу поняла, о чем он говорит, а когда сообразила, что речь идет о моем нелепом появлении в мужской рубаше, то ощутила столь сильное желание стукнуть ехидного спутника, что у меня даже начался зуд в руке.

От немедленной расправы Диего спасло только появление Келебрана.

— Прекрасно выглядишь, Риона, — заметил он.

— Благодарю. А где Моравен?

— Ей пришлось срочно отправиться в оранжерею на восточной окраине — какие-то неполадки, без нее никак разобраться не могут. Моя мать, — пояснил он, — выводит особый сорт тюльпанов, только, во имя всех богов, не спрашивай ее об этом — она заговорит тебя до смерти. Полагаю, Дариан, ее супруг, все еще жив только лишь благодаря тому, что чистокровный эльф, а они практически бессмертны.

— Скажи, — робко спросила я, — а твой отец, он жив?

— Умер, — сухо ответил Келебран. — Пять лет назад. Его загрыз волколак.

— Прости, — прошептала я.

— Мама не знает, — словно не услышав, продолжал блондин. — Как и о той охоте, что я устроил после его смерти. Больше в наших краях оборотни не водятся. Но маме я сказал, что лошадь отца понесла, он неудачно упал и свернул себе шею. Она поверила. А два года назад вышла замуж за Дариана.

— Они любили друг друга, да?

— Вероятно, — Келебран пожал плечами. — Во всяком случае, отец после ее ухода так

и не женился вновь, хотя женщины у него были. И некоторые из них прилагали немалые усилия дабы окольцевать богатого вдовца, ведь они полагали, что его первая жена умерла. Но ни одна из них надолго в нашем поместье не задержалась. А Дариан давно ухаживал за мамой, еще с тех пор, как она была совсем юной и сбегала из Заповедной Долины к оборотням.

Он устало опустился в кресло, а я села прямо на ковер у его ног, сожалея, что не знаю, как утешить, как утишить непроходящую боль. Ладонь Келебрана прикоснулась к моим волосам, сначала робко, несмело, но несколько минут спустя пальцы уже перебирали пряди. Я поймала брошенный на нас взгляд Диего, но о чем он думал в тот момент, догадаться не смогла.

— Но сейчас Моравен выглядит вполне довольной жизнью, — осторожно заметила я.

— Отец говорил, что в Заповедной Долине огонь, горевший в ее душе, утих, став ровным теплом, а не опасной стихией. Вероятно, здесь взяла верх ее эльфийская половина. К сожалению, я почти не помню, какой была она у нас, среди людей, но по рассказам тех, кто ее знал, она отличалась необузданным темпераментом. Полагаю, это произвело неизгладимое впечатление на отца. Он, знаешь ли, некогда принадлежал к высшей знати королевства, частенько бывал в королевском дворце и, думаю, женщин, подобных моей матери, в его окружении попросту не было. Хотя подобной ей я не повстречал и за годы своих странствий, так что она неповторима.

— А потом он внезапно исчез, — вмешался Диего. — Уехал на месяц в свое поместье и не вернулся в столицу. Мой отец, будучи его другом, встревожился не на шутку и отправился следом, разузнать, что случилось. Моравен очаровала и его. Возможно, он знал ее тайну, но мне о том и словом не обмолвился. Для всех мать Келебрана происходила из знатного, но давно обедневшего и захудалого рода. В столицу они наезжали редко, при дворе почти не появлялись. И даже мнимая кончина Моравен почти не вызвала слухов и пересудов — ее мало кто знал, а о ее супруге за несколько лет успели подзабыть. А спустя полгода мы с Келебраном и познакомились. Вот только придворная жизнь никогда не интересовала моего друга.

— Я предпочитаю жить так, как считаю нужным, и ни от кого не зависеть, ни на кого не оглядываться при принятии решений.

Скорее всего эту тему друзья уже обсуждали не единожды. Во всяком случае, сейчас возражать Диего не стал.

— Стоит признать, что в твоей жизни есть своя привлекательность, — отметил он. — Но ведь когда-нибудь и тебе надоеет странствовать.

— Возможно, — равнодушно отозвался Келебран. — Но и тогда я не поеду в столицу, а осяду в поместье. А ты, выйдя на старости лет в отставку, будешь заезжать ко мне по соседски на стаканчик светлого эльфийского или стопку горной слезы.

— Полагаю, сии идиллические времена наступят еще нескоро. Я нужен королю и королевству и, смею надеяться, еще неоднократно пригожусь. Да и тебя, сидящего сиднем, уж извини, представить не могу. Осеть-то ты, быть может, и осядешь, да вот только в любой момент будешь готов сорваться на поиски приключений.

Блондин на эти слова только пожал плечами.

— Все может быть.

Дальнейший разговор прервал стук в дверь. Открыв, я с удивлением обнаружила Владычицу Арнэль.

— Я пришла предложить вам прогуляться перед ужином и взглянуть на Источник, если вы пожелаете, — без тени улыбки на красивом безмятежном лице предложила она.

— Конечно же, мы согласны, — выпалила я и оглянулась на своих спутников. — Ведь мы желаем взглянуть на Источник, правда?

— Разумеется, — с улыбкой подтвердил Келебран, поднимаясь из кресла. — Диего?

— Давно мечтал, — ворчливо откликнулся дел Арьянте и мне уже второй раз за день захотелось сделать ему что-нибудь нехорошее.

Но Арнэль была невозмутима, похоже, ворчание Диего ничуть не задело ее. Она молча провела нас в парк. Чем дальше мы шли, тем сильнее я изумлялась. Закончились вымощенные камнем дорожки, утихли в отдалении звуки журчащей в фонтанах воды. Чудные светлые деревья и невысокие неизвестные мне кусты, усыпанные крупными благоухающими цветами росли все гуще и иной раз мне казалось, что мы забрели уже в непролазную чащу. Однако же Владычице всегда удавалось отыскать проход — либо же деревья и кусты попросту расступались перед ней, что вовсе не удивило бы меня. Уже смеркалось, аромат цветов на закате усилился, сам воздух стал будто бы гуще. Где-то неподалеку заливались птицы, а затем мы расслышали плеск воды. И вскоре вышли на небольшую поляну.

Источник оказался небольшим ручейком, стекавшим из каменистого холма в небольшое озерцо. Вода в нем будто бы искрилась и переливалась, а мы рядом с ним ощутили спокойствие и умиротворение, которых давно уже не знали.

— Можете опустить в него руки и умыть лица, — сказала Владычица. — Это придаст вам сил. Мы купаем в Источнике Жизни наших новорожденных.

Голос ее стал грустным и я поняла почему — давно уже Заповедную Долину не оглашали крики новорожденных. Но я послушно умылась прохладной водой и действительно ощутила себя так, словно мне и не пришлось проделать столь долгий трудный путь, а дорога до Эльдорана была всего лишь занимательной прогулкой. Кристалл, который я все еще носила под платьем, внезапно ощутимо потеплел, но не так, как в тех случаях, когда предупреждал об опасности. На сей раз от него исходило ровное приятное тепло. Удивленная, я вытащила его и поразилась еще больше — он приглушенно мерцал, хотя ранее никаким внутренним светом не обладал.

— Как странно! — не удержалась я от восклицания.

— Что именно кажется тебе странным, Риона? — повернулась ко мне Владычица.

Я показала ей свое украшение.

— Откуда у тебя гномий оберег? — спросила она.

Я рассказала о прощальном подарке дядюшки Равеля, о том, как кристалл предупреждал меня об опасности, как не дал той страшной ночью в лесной пещере поддаться на обманные видения Лесной Мари, и о том, как я пыталась разузнать побольше о его свойствах у Златы.

— Вот только Злата сказала, что это обычная безделушка и никакой силы в ней нет, — закончила я свой рассказ.

— Ох уж эти гномы, — покачала головой Арнэль. — Полагают, что защитить способна только секира и верят лишь в то, что могут потрогать руками. Они и легендам своим верят лишь потому, что Тронный Зал в Чертогах еще стоит невредимым. Посуди сама, Риона: кровью своей отвоевали гномы Горное Королевство. Тяжелым трудом из самого сердца гор добывали они кристаллы. С великой любовью изготавливали украшения для дочерей и жен своих. И они же полагают плоды своих трудов простыми безделицами? Иной раз логика

гномов разуму моему неподвластна, ведь та же горная слеза ценится ими куда выше.

— Но, насколько я поняла, помог этот кристалл только мне, — упрямо возразила я, хоть и не могла не признать правоту Владычицы. — И раньше он не мерцал.

— Источник Жизни проявляет суть вещей, — загадочно ответила Арнэль. — Да и за тебя этот камешек ничего не сделал, он лишь усилил твои природные способности, вот и все. Иной человек ничего бы и не почувял — но у тебя сильна связь со звездами и миром духов. В прежние времена подобные тебе почитались, но затем безумие тьмы пало на служителей одного из людских культов и заставило уничтожать способных прозревать грядущее. Ибо то, что происходит в храмах вашего Молчаливого Бога с прорицательницами, иначе как уничтожением и не назовешь.

Я промолчала, поскольку была с ней абсолютно согласна. А вот Диего мрачно произнес:

— Ничего, по возвращению я лично займусь и служителями Молчаливого, и шутами из Ордена. Слишком много воли они себе взяли, пора поставить их на место.

— Это не они взяли, — все тем же ровным тоном возразила ему Владычица. — Эту волю дали им твои предки, безразличные к судьбе простого люда. И нелегко тебе будет отобрать у них возможность поступать так, как они считают себя вправе.

— Ничего, — вот теперь в голосе дел Арьянте отчетливо слышалась угроза и я припомнила, что именно королевский кузен, по слухам, и принимал все важные решения, но никак не король. — Я разберусь. И очень хотел бы посмотреть на того смельчака, что осмелится мне возразить.

Арнэль промолчала, мы с Келебраном тоже — а что здесь сказать? Тихое журчание воды успокаивало и вскоре суровый взгляд Диего смягчился. Я замороженно смотрела на Источник, пытаясь представить то, о чем упомянула Владычица — сверкающий алмаз, разбрасывающий снопы искр прямо из воды и освещающий всю поляну.

— Совсем скоро камень вернется на свое законное место, — сказала Арнэль, словно подслушав мои мысли. — И после этого нам останется только ждать. Дальнейшее уже от нас не зависит.

— А что случится, если Источнику Жизни окажется не под силу возродить алмаз? — спросила я, холодея от ужаса.

— Круг так и останется разомкнутым, следовательно, зло будет проникать и дальше. Оно все сильнее станет поражать сердца людей, вытесняя из них заботливость, любовь, сострадание и милосердие — и это куда хуже внешних врагов, которые тоже навалятся всем скопом. Рано или поздно падет Заповедная Долина и троллям откроется проход к Горному Королевству. И нет у меня уверенности, что гномы смогут выстоять, особенно если пробудятся подземные духи. Люди останутся один на один со своими бедами, но даже им свары и раздоры не дадут объединиться. И рано или поздно мир наш затопит вечная тьма.

Голос Владычицы, произносящей столь страшные слова, был по-прежнему ровен и спокоен, с едва лишь уловимой ноткой горечи. Она, казавшаяся столь хрупкой и юной, видала уже на своем веку немало ужасных событий и с уверенным достоинством готова была встретить любые испытания, что ниспошлет ей судьба.

— Но нам пора возвращаться, — Арнэль столь резко сменила тему, что я даже не сразу поняла, приготовившись выслушивать дальнейшие мрачные перспективы. — Ужин уже ждет нас.

Ужин был удивительно вкусным, но достаточно скромным. Я уже успела понять, что эльфы не одобряют излишества. На белоснежной скатерти с изящной вышивкой по краям стояли блюда с зеленью, свежими овощами и хлебом. На горячее подали жаркое в горшочках и запеченные с сыром баклажаны под острым ореховым соусом.

— Из теплиц, — пояснил Санрод.

За столом у эльфов молчание принято не было. Собравшиеся беседовали, перебрасывались шутками, смысл которых не всегда был мне понятен, вспоминали о давних событиях. Похоже, все уже были осведомлены о цели нашего визита, но желания взглянуть на алмаз никто не выражал.

— Я слышал, вас ранил волколак, друг мой, — обратился к Диего эльф с золотистыми волосами и удивительного фиалкового оттенка глазами.

— Да, это так, — подтвердил дел Арьянте.

— Мое имя Авадор и я — здешний целитель, — представился эльф. — Если вы не против, то я мог бы после ужина взглянуть на вашу рану.

— Благодарю вас. Мне уже помог Арадан, дозорный. Он мазал рану какой-то мазью, но предупредил, что облегчение она дает временное.

— Полагаю, что смогу окончательно исцелить вас, — заверил Авадор. — Мазь эту мы даем всем нашим дозорным с собой, дабы они могли, не ослабев, добраться до Эльдорана в случае ранений. А уже здесь применяем более серьезное лечение.

Я порадовалась за приятеля. Несмотря на то, что Диего ни разу не пожаловался на боли либо же на усталость, я все равно с тревогой отмечала и темные круги у него под глазами, и чрезмерную бледность. И пусть он, отдав Владыкам алмаз, повеселел и словно бы даже помолодел, но назвать его окончательно здоровым я все же не смогла бы.

Моравен тоже присутствовала на ужине. Рядом с ней сидел Радмор, ее супруг, красивый, как и все эльфы, пепельноволосый и синеглазый. На свою жену он смотрел с таким теплом, что его любовь к ней была понятна и без слов. С Келебраном Радмор общался учтиво и я сделала вывод, что самые близкие для Моравен мужчины общий язык хоть и нашли, но родными друг для друга не стали. Впрочем, учитывая частоту появлений Келебрана в Заповедной Долине, удивительным это и не являлось.

После ужина Диего отправился с Авадором лечить раненную руку, а мне Келебран предложил прогуляться перед сном. Я несколько удивилась, но ответила согласием. Безмолвно блуждая по парку мы как-то незаметно для самих себя вышли на знакомую уже поляну. Яркие крупные звезды — я раньше и представить не могла, что они могут казаться столь крупными и близкими — отражались в озерце, слегка подрагивая. Ручеек, стекавший по камням, мерцал серебристыми искрами. Ветерок шелестел в листве и разносил повсюду нежный цветочный аромат, а птицы, несмотря на наступившую уже ночь, все пели и пели, не умолкая.

— Странно, правда? — спросила я. — Во всем мире царит зима, в Привратье властвует вечная весна, а здесь — непреходящее лето?

— Эльфийская магия, — ответил Келебран. — Эльфы любят природу и она отвечает им взаимностью. Потому-то они и могут влиять на погоду.

— А на что еще способна их магия? — полюбопытствовала я.

— Они — превосходные целители. Еще эльфы умеют ковать оружие, равного которому не сыскать в подлунном мире, даже гномья сталь не сравнится с ним. Вот, пожалуй, и все.

— А мне иной раз кажется, будто они способны читать мысли, — задумчиво сказала я. — Быть может, не все эльфы наделены этим даром, но Владыки — те уж точно.

— Полагаю, у них просто большой жизненный опыт, — улыбнулся блондин.

Вероятно, он был прав. Я присела на поросший мхом камень и принялась бездумно разглядывать стремительно бегущий ручеек. Келебран опустился рядом со мной прямо на землю.

— Здесь так спокойно, — наконец заговорила я снова, — так умиротворенно. Почему ты не захотел остаться здесь жить?

— Именно поэтому. Все дни в Благословенной Долине однообразны и сегодня здесь походит на вчера, а завтра будет походить на сегодня. Только лишь жизнь дозорных полна неожиданностей, но долго в дозорных не походишь — они сменяются через месяц. Возможно, когда живешь уже не первую тысячу лет, то как раз такая жизнь, размеренная и неторопливая, и кажется наилучшей, но вот мне она решительно не подходит. Матери тоже сначала было тяжело, хотя в ней эльфийской крови и побольше, нежели во мне. После ухода оборотней на север она какое-то время оставалась в Эльдоране, а потом не выдержала и сбежала. Странствовала среди людей, возвращалась в Долину, уходила опять. А однажды познакомилась с моим отцом. Позже он признавался мне, что оба они понимали — любовь их не будет долговечной. Моравен уже ощущала влияние тьмы, оттого и вынуждена была раз за разом брать передышку, возвращаться к эльфам, пережидать, пока тьма не отступится от нее. Но любовь была слишком сильна и мои родители рискнули. Семь лет они прожили вместе, не расставаясь ни на день. Моравен после моего рождения стала похожа на обычную женщину, заботливую жену и мать. Отец уж было решил, что все обошлось, что любовь их смогла побороть древнее зло. Как же он ошибался! Долгая отлучка из Заповедной Долины все сильнее давала о себе знать, но мать отчаянно пыталась бороться с приступами безумия. При этом она не желала расстраивать мужа и ничего не говорила ему. Он бы и не догадался, вот только однажды в полнолуние Моравен не смогла устоять. Тогда она лишь чудом никого не убила. И после этого случая приняла решение вернуться в Эльдоран навсегда.

— А ты? — с опаской спросила я. — Ты не ощущаешь тьму в своем сердце?

Келебран усмехнулся.

— Ощущаю. Да и всякий человек может обнаружить ее в своей душе, Риона. Возможно во мне несколько больше от зверя, нежели в прочих людях, но кровь оборотней во мне далеко не так сильна, как в моей матери. В ней кровь оборотней и эльфов смешалась в равных долях и это порой разрывало ее на части и не давало покоя. А я все-таки большей частью человек.

— Тебе не хватало ее, да? Матери? Ведь она ушла от вас, когда ты был еще ребенком.

— Очень. Первые дни я даже плакал, а отец не обращал на мои слезы внимания. Ему было не до меня, он пытался утопить свою боль в горной слезе. Но, к чести его, следует сказать, что его пьянство продлилось не более недели. И вот тогда-то он заметил то состояние, в котором пребывал его ребенок. И поговорил со мной, серьезно, как с взрослым. Объяснил, что мама нас любит и всегда будет любить. Пообещал, что мы будем навещать ее. И что в наш дом никогда не войдет хозяйкой другая женщина, пока я не вырасту и не приведу уже свою жену. И он сдержал слово. А со временем я и сам понял мотивы поступков родителей.

Я осторожно положила руку ему на плечо. Келебран склонил голову и на мгновение прикоснулся к моей ладони губами. Я затаила дыхание, но никаких дальнейших действий со стороны блондина не последовало, а сама я побоялась нарушить ту атмосферу хрупкого доверия, что воцарилась между нами. Некоторое время мы так и просидели в молчании, а затем Келебран с видимой неохотой поднялся на ноги.

— Пойдем, Риона. Уже поздно, тебе пора спать.

Он протянул мне руку и я вложила в нее свою ладонь. Так, держась за руки, мы и дошли до дворца и путь этот показался мне удивительно коротким.

— До завтра, — попрощался Келебран, все еще не выпуская мою ладонь.

— До завтра, — шепнула я.

Поднявшись на цыпочки, несмело мимолетно прикоснулась губами к его щеке, а затем, выдернув руку, резко повернулась и скрылась за дверью.

И замерла, словно с размаху налетев на невидимую стену. В комнате царил полумрак, едва рассеиваемый приглушенным светом светильников на стенах. Диего сидел в кресле и задумчиво крутил в пальцах полупустой стакан. Вид у него был на редкость угрюмый.

— Позно ты, — заметил он хриплым голосом.

— Мы гуляли, — невесть зачем принялась оправдываться я. — Прошлись до Источника. А как твоя рука?

— Намного лучше. Уже и не болит совсем. Эльфы обещают, что от укуса и следа не останется через несколько дней. Выпьешь со мной, Риона?

— Я, пожалуй, пойду спать, — неуверенно пробормотала я, начиная сожалеть, что Келебран остановился в доме матери, а не во дворце. — Покойной ночи, Диего.

— Сядь! — внезапно рявкнул дел Арьянте.

Я застыла на месте, похолодев от страха. Никогда прежде не вызывал во мне Диего такого ужаса, даже в тот день, когда заставил меня принести ему клятву на крови. За время нашего путешествия я привыкла к нему, привязалась, стала считать другом и как-то умудрилась позабыть о тех слухах, что ходили о нем в королевстве. Зато теперь разом их припомнила.

Тем временем дел Арьянте резко поднялся на ноги, в два шага преодолел разделяющее нас расстояние, схватил меня за плечи и буквально швырнул в ближайшее кресло. В руки мне он насильно сунул стакан.

— Пей!

Я послушно отхлебнула глоток. Золотистое ароматное вино чудесным образом отогнало мой испуг и придало мне сил.

— Отчего тебе не спится, Диего? — насмешливо спросила я у мужчины и бесстрашно посмотрела ему прямо в глаза.

— Ты ведь прорицательница, Риона, — горько усмехнулся он. — Тебе открыто то, что неведомо прочим людям. Вот и ответь сама на свой вопрос.

— Полагаю, — медленно произнесла я злым тоном, — что ты попросту пьян.

— Нееет, — протянул Диего, — для того, чтобы напиться, вина мне будет маловато.

Я припомнила его успехи в нелегком деле поглощения горной слезы и вынуждена была согласиться.

— Тогда в чем дело, Диего? Что с тобой произошло?

— Да ничего особого, — он пожал плечами. — Просто мой лучший друг даже не поинтересовался, как моя рана. Его, понимаешь ли, куда больше занимают прогулки под

луной с привлекательной девушкой.

Голос дел Арьянте сочился ядом, но мне стоило больших трудов не рассмеяться. И чего только я испугалась? Диего просто не по себе от столь непривычной для него роли. Как правило, он был всем необходим, он принимал решения, от него все зависело, а тут вдруг его оставили одного и даже не удосужились поинтересоваться его самочувствием.

— Келебран знал, что с тобой все будет в порядке, — как можно более мягко проговорила я. — Не забывай, он часто бывал у эльфов прежде и, уж конечно, прекрасно осведомлен об их лекарском искусстве.

— И ты отказалась выпить со мной, — недовольно проворчал мужчина, внезапно став похожим на мальчишку, которому строгая мама не пожелала купить конфету.

— Я просто устала, — пояснила я. — Но я посижу с тобой немного, если ты хочешь. Я понимаю, как нелегко тебе пришлось. Всю дорогу на тебе лежал огромный груз ответственности. Так ты из-за алмаза хотел, чтобы мы оставили тебя в лесу, а сами пошли дальше?

— Ну конечно! — воскликнул Диего. — Что значит судьба одного человека, пусть даже столь незаурядного, как я, против судьбы всего мира?

Я с удовлетворением отметила, что моя уловка сработала: к дел Арьянте вернулось его привычное самомнение и он, похоже, позабыл о своих надуманных проблемах.

— Но все обошлось и мы встретили Арадана.

— Да, мне повезло. Признаться, я уже не рассчитывал остаться в живых. Келебран, конечно, подбадривал меня и готов был даже тащить в Заповедную Долину на себе, я знаю, — Диего отхлебнул большой глоток из своего стакана. — Хороший он парень, Келебран. Цени его.

Я, как раз тоже отпившая вина, поперхнулась и закашлялась.

— Это ты о чем?

— Это я о вас, — ехидно ответил Диего. — Или скажешь, что вы просто звездами любовались?

— Источником, — буркнула я, осознавая, как могло выглядеть в глазах дел Арьянте мое ночное возвращение.

— Источником, — повторил он. — Знаешь, когда Владычица привела нас на ту поляну и позволила умыться, я так странно себя почувствовал. Будто не было не только долгих дней трудного пути, но и всех тех лет, что мне пришлось тащить на плечах заботы о королевстве. Я словно снова стал беззаботным мальчишкой.

Я задумалась и внезапно поняла, что меня тоже оставили былые горести и обиды. Только здесь, в Заповедной Долине, я смогла окончательно простить и отпустить от себя призраки родителей, Карла, Артура. И лишь теперь осознала, какая тяжесть лежала на моем сердце все эти годы, сковывая его и закрывая для новых чувств. И улыбнулась.

— Ты прав, — сказала я Диего. — Я ощутила нечто подобное. Полагаю, Владычица предложила нам умыться водой из Источника неспроста.

— «Источник проявляет истинную суть вещей», — напомнил мне дел Арьянте слова Арнэль и мы разом рассмеялись.

Спустя некоторое время и три стакана вина Диего снова заговорил о Келебране. Ему отчего-то взбрело в голову, будто у меня с блондином начинаются близкие отношения и его обуяла жажда непременно высказать по этому поводу свое безусловно ценное мнение.

— Риона, — начал он, — Келебран тебе, несомненно, об этом не расскажет, но ты

должна знать.

— А может, не должна? — с опаской осведомилась я.

Эльфийское вино, несомненно, кружило голову и поднимало настроение, но изменять своему правилу не лезть в чужие дела я не считала нужным. Если уж Келебран собрался утаить от меня некие факты своей биографии, значит, так тому и быть.

— Обязана! — настаивал упрямый королевский кузен.

— Ну ладно, — вздохнула я. — Говори.

И забралась в кресло с ногами, устраиваясь поудобнее.

— Ты ведь помнишь, что историю его семьи счастливой не назовешь?

Я кивнула.

— Разумеется, помню.

— А в юности у моего друга была печальная история с одной девушкой. Я толком не знаю, из-за чего они поссорились, но после этого случая Келебран решил, что одиночество ему на роду написано. Он и романы-то заводил все больше с замужними особами либо же с совсем легкомысленными, мол, так проще и всем все понятно с самого начала.

Как раз эту позицию, памятуя о том, как поступил со мной Артур, я всецело поддерживала. Если бы мой бывший возлюбленный сразу уведомил меня о том, что желает попросту напоследок развлечься перед свадьбой, то я бы точно отправила его искать развлечений в ином месте. Келебран же, на мой взгляд, поступал куда более честно.

— Но с тобой все иначе, — продолжал тем временем не подозревающий о моих размышлениях Диего. — К тебе он относится не так, как к другим.

Ну разумеется, иначе! Сам-то Диего уже дважды успел поцеловать меня, а от Келебрана я пока видала только лишь дружеское участие — видимо, основной признак того самого иного отношения.

— Ты ошибаешься, — возразила я. — Возможно, я и нравлюсь Келебрану, но не столь уж сильно. Он даже не пытался ухаживать за мной.

Дел Арьянте внезапно захохотал, запрокинув голову.

— Все-таки ты слишком наивна, Риона, — отсмеявшись, сказал он. — Несмотря на весь твой жизненный опыт, ты очень плохо знаешь мужчин. Поверь мне, смущаться мужчина будет лишь в присутствии женщины, которая является для него особенной. А если речь идет о таком мужчине, как мой друг — так тем более. Но вы замечательно подходите друг другу. Полагаю, что в конце концов вы все же будете счастливы. Ты сможешь его понять и дать ему то тепло, в котором он нуждается, а взамен получишь защиту и заботу, которых так тебе не хватало все это время. А главное — друг другу вы сможете доверять.

— Посмотрим, — мне вовсе не хотелось развивать эту тему. — А сейчас прости, Диего, но я действительно устала. Покойной ночи.

Несколько мгновений дел Арьянте молча смотрел на меня.

— Покойной ночи, — наконец отозвался он. — Я не обладаю твоим даром, Риона, но запомни мои слова: только что я предсказал тебе твое будущее. Не уппусти свое счастье!

На следующий день Арнэль объявила довольно-таки будничным тоном:

— Этой ночью мы вернем алмаз на место.

Эльфы, слышавшие ее слова, восприняли новость спокойно и едва ли не равнодушно, меня же предстоящее событие взволновало. Диего, похоже, тоже нервничал, поскольку остаток дня провел в молчании, а если к нему кто-нибудь обращался, отвечал краткими отрывистыми репликами.

В сумерках мы опять собрались у Источника Жизни. Вероятно, в том было виновно ожидание чуда, но на сей раз поляна показалась мне местом и вовсе нереальным, мистическим. Серебристый свет, исходящий от ручейка, бросал блики на серьезные лица собравшихся эльфов. На темном небе появился месяц, совсем крохотный, новорожденный. Ночь была совсем тихой — ни шелеста ветра в листве, ни даже пения вчерашних птиц, словно они умолкли, проникшись важностью момента.

Двенадцать эльфов — члены того самого эльфийского Совета, что управлял Долиной — стали полукругом у озерца и дружно подняли ладони к безоблачному звездному небу. Владычица Арнэль нараспев произнесла несколько мелодично звучащих фраз на неизвестном мне языке и подошла к холму, из которого бил ручеек. Владыка Санрод передал супруге камень, который она и поместила среди прочих.

Я отчего-то ожидала куда более пышной церемонии, но происходящее заворожило меня своей строгой торжественностью. Взволнованная, ожидающая чуда, я вытянула шею в надежде своими глазами увидеть радужные переливы алмаза, но даже не смогла разглядеть тусклый прозрачный камень в мерцающей воде. У нас ничего не получилось, алмаз не ожил. Плечи мои бессильно опустились, ноги подогнулись. Я села прямо на поросшие мхом острые камни и закрыла лицо руками. О том, как воспримут мое поведение присутствующие, я даже не думала. Больше всего на свете мне хотелось завывать от безнадежности похлеще любого волколака.

Прошелестело шелковое одеяние, повеяло нежным цветочным ароматом и на плечо мне легко опустилась узкая ладонь.

— Что с тобой, Риона? — встревоженно спросила Арнэль. — Тебе дурно?

Я помотала головой.

— Сейчас пройдет. Просто расстроилась из-за камня. Я так надеялась, что все наши беды позади.

— Годы несчастий нельзя перечеркнуть в один миг, — заметила Арнэль. — Потребуется время. Но наша надежда жива.

Я подняла глаза и вопросительно заглянула ей в лицо.

— Посмотри сама, — предложила она.

Медленно, с трудом переставляя отказывающиеся сгибаться в коленях ноги я подошла к Источнику и всмотрелась в серебристую воду. Где-то среди прочих камней слабо мерцала крохотная радужная искра.

— Значит, он оживет? — словно не веря увиденному, спросила у Владычицы.

— Он оживает, — поправила та. — Но процесс этот не может быть быстрым. Нам понадобится время. Однако же круг замкнулся. Те силы зла, что успели проникнуть в наш мир, никуда не денутся — с ними нам придется бороться самим. Но новые переступить

кровавую черту уже не смогут. И нежить упокоится со временем. У всех нас появился шанс вернуться к нормальной жизни.

— И это стоит отпраздновать, — добавил Санрод. — Как вы полагаете, друзья мои?

К моему искреннему удивлению, обращался он вовсе не к членам Совета, а к моим спутникам.

— Мы полагаем, что это отличный повод, — ответил дел Арьянте.

Особых приготовлений для праздника не понадобилось. Белоснежные скатерти разостлали прямо на траве, на них поставили блюда с фруктами, хлебом, сыром, холодным мясом и сладкими пирогами, кувшины с вином, тарелки и кубки. Две эльфийские девы завели нежными чистыми голосами песнь на незнакомом мне языке. Чуть позже к их пению присоединились и некоторые члены совета.

Это было самое странное празднование из всех, которые только можно себе вообразить. Эльфийские песни, наполненные какой-то щемящей грустью, бередили мне душу, пусть ни слова я и не могла понять. Они рождали в моем сознании странные образы: невероятно яркие звезды, тихий шепот никогда не виданного мною моря, пенящегося волнами, юных прекрасных влюбленных, разлученных злой судьбой... Я не знала, смогла ли я угадать смысл этих песен, да и, признаться, особо не хотела этого знать. Я просто наслаждалась тихой летней ночью, простой, но вкусной едой, мелодичным пением. И вином. Отчего-то золотистое вино этой ночью пьянило даже сильнее, нежели горная слеза.

Я отыскала глазами своих спутников. Диего беседовал о чем-то с Владыкой, а Келебран сидел у озерца, вглядываясь в воду. Я подошла к нему и легко прикоснулась к его плечу. Он обернулся и улыбнулся мне.

— Тебе нравится здесь, в Заповедной Долине? — спросил он.

— Очень. Хотя, — не смогла я удержаться от смешка, — представления о праздновании у эльфов и у людей сильно разнятся.

— В этом все эльфы, — пояснил Келебран. — У них все так: тихо, спокойно, неспешно. Никто никого ни к чему не принуждает, никто никому ничего не навязывает. Каждый волен делать то, что полагает нужным и правильным — лишь бы его действия не вредили другим и не нарушали законы.

— Пожалуй, я хотела бы пожить так некоторое время, — задумчиво произнесла я.

— Но не всю жизнь?

— Нет, не всю. Ты был прав: человеческая жизнь слишком коротка для столь размеренного существования. Оно хорошо для тех, кто живет вечно, но не для нас.

— Да, я неоднократно думал о том же, — согласился со мной блондин. — Возможно, после пары сотен прожитых лет суета нашего мира приедается и хочется такого вот спокойствия. Эльфы почти утратили любознательность, их уже невозможно чем-либо удивить. С годами даже мама все больше становится одной из них.

— Полагаю, тебе это не грозит, — засмеялась я. — Сам же признался, что ты в большей степени человек, нежели эльф или оборотень. Кстати, а что ты унаследовал от последних? Моравен проговорила, что кое-какие особенности есть и у тебя.

— Слух и обоняние, как у зверей.

— И все? Ни когтей, ни хвоста?

— Полагаю, мы с тобой еще не настолько близки, чтобы обсуждать мой хвост, Риона.

Я залилась краской и отвернулась. Келебран сжал мою ладонь.

— Прости, я не хотел тебя смутить. Скажи, а ты скучаешь по родным? По своей семье?

Я ответила сразу, не раздумывая — должно быть потому, что слишком часто размышляла над этим вопросом первое время после своего побега из столицы.

— Нет. Знаешь, у меня ведь так и не было настоящей семьи. Я изо всех сил старалась быть хорошей. Хотела, чтобы родители оценили мои усилия, заметили меня. Но они видели во мне только прислугу — и это в лучшем случае. Только вот Лита...

При упоминании имени подруги горло перехватило уже привычным спазмом. Но на сей раз он продлился недолго.

— Так получилось, что настоящей семьей являлись для меня люди, чужие по крови, — справившись с собой, продолжила я. — Лита и ее мать, спасшие меня от храмовников, аптекарь Ним, давший работу и приют. Странно, в свое время мне стыдно было прийти к нему проститься — а вот теперь я стыжусь, что не сделала этого.

— Ты можешь написать ему, — предложил Келебран. — Или даже навестить. Храмовники, равно как и члены ордена, больше не представляют для тебя опасности. Даже наоборот — это мы способна будешь повергнуть их в страх.

— Полагаешь? — заинтересовалась я.

— Конечно. Теперь ты можешь похвалиться дружбой с самим Диего дел Арьянте. Мало найдется желающих обидеть особу, имеющую такого покровителя.

Я поморщилась.

— Ты-то сам, небось, не похваляешься вашей дружбой направо и налево.

— Я — дело другое, — голос моего собеседника стал грустным. — Я способен сам постоять за себя, но ты нуждаешься в защите. Не возражай, Риона. В этом нет ничего дурного. И обещаю, что я, в свою очередь, всегда приду тебе на помощь. Да и Диего, — здесь Келебран лукаво улыбнулся, — если хорошенько подумать, немало тебе обязан. Ты спасла его от Лесной Мари, помогла с гномами, даже в битве с волколаками принимала участие.

— В последнем случае я не сильно-то и помогла, — справедливости ради заметила я.

— Но вела ты себя очень храбро. И знатно подпалила зверю шерсть. Если я не ошибаюсь, то даже ослепила его. Нет, что ни говори, я абсолютно правильно настоял на том, чтобы взять тебя с нами в поход.

— Знаменитая эльфийская интуиция?

— Она самая.

Невесомыми шагами к нам приблизилась Владычица Арнэль, словно плывущая по поляне в призрачном серебристом мерцании. Она склонилась над Источником и указала нам на алмаз.

— Видите, камень набирает силу? Есть предположение, что он впитывает в себя эмоции окружающих, потому-то так и сиял в свое время. А в сокровищнице королей угас — ведь алчность к положительным эмоциям отнести никак нельзя. А здесь он снова сможет до краев наполниться радостью и любовью.

Я задумалась. Как там обстояли дела в сокровищнице, я представления не имела, но во время нашего путешествия алмаз мог получить от Диего только тревогу и боль. Теперь же радужная искра внутри камня действительно, как мне показалось, несколько увеличилась — правда, ненамного.

— Ваш друг согласился остаться у нас, пока не сможет убедиться, что алмаз действительно восстанавливается и нашему миру не грозят новые напасти. Он выразил уверенность в том, что вы поддержите его решение, но я спрошу и у вас: не хотите ли немного погостить во дворце?

— Меня можно и не спрашивать, — ответил Келебран. — Я только рад возможности подольше побыть с Моравен.

Арнэль перевела вопрошающий взгляд на меня.

— Я соглашусь со своими спутниками, — сказала я. — У вас здесь так чудесно! Когда бы еще мне выпала возможность посетить Заповедную Долину.

— Ваш друг уже обсуждает с моим супругом возможность прибытия посольства, — сообщила нам Владычица. — Полагаю, теперь, после возвращения камня, можно будет восстанавливать разорванные связи. Так что, весьма вероятно, всем вам еще представится возможность сюда вернуться.

Тут я внезапно вспомнила о кое-чем еще.

— Простите, — обратилась я к Арнэль, — могу ли я задать вам вопрос?

— Конечно же. О чем ты хочешь узнать, прорицательница?

— Я хочу спросить о гномах.

— О гномах? — казалось, Владычица была удивлена. — Ты знаешь что-то об их будущем?

— Наоборот. Я хочу узнать о прошлом.

— Спрашивай. Конечно, сами гномы куда лучше рассказали бы тебе свои были и легенды, но я попробую ответить на твои вопросы.

— Меня интересует не столь отдаленное прошлое. Я хотела бы узнать о причине разлада между эльфами и гномами.

— Понимаю. Но ты заблуждаешься, Риона. Никакого разлада не было. Во всяком случае, не было ничего такого, о чем ты спрашиваешь. Просто после похищения алмаза мы были вынуждены окружить Долину стеной, прекрасно осознавая, сколь сильно будет манить наш край всевозможную нечисть и нежить. Между тем мы не желали обрубать связи ни с людьми, ни с гномами. Однако же нельзя сказать, что связи эти и прежде были столь уж тесны. Гномы, как ты, несомненно, знаешь — народ, привязанный к родным горам. Крайне редко покидают они насиженные места и к любителям путешествий уж никак не относятся. Иногда только кто-нибудь из молодых представителей горного народа отваживался на посещение Долины — я за всю свою далеко не краткую жизнь припомню не больше десятка смельчаков. И это в те времена, когда путешествия еще были безопасными!

— Но ведь и эльфы не появляются в Подгорном Королевстве! — возразила я.

— У нас сложилась сходная ситуация, — усмехнулась Арнэль. — Нет никаких запретов, но и желающих путешествовать становится все меньше. Раньше основным связующим звеном между нашими народами все же были люди — любопытные, непоседливые, жадные до всего нового. Однако после известных тебе печальных событий король Дерек предпочел не отправлять больше к нам посольства. А для одиноких путников пустоши между Горным Королевством и Заповедной Долиной попросту опасны. А со временем в сердцах эльфов поселилось недоверие и мы сами перестали быть столь гостеприимными, как прежде. Видимо, мы тоже подвержены влиянию тьмы — пусть и в меньшей степени, нежели прочие народы.

— Но ведь теперь все изменится, правда?

— Не будем загадывать, прорицательница. Кому, как не тебе, известно, что даже судьбу можно попробовать обмануть. Тебе дано видеть вероятности — но их возможно изменить. А вот надеяться и верить мы должны всегда. Когда погибает надежда — жизнь утрачивает смысл, превращаясь в безрадостное существование.

Арнэль ненадолго замолчала, склонилась над Источником, опустила ладонь в мерцающую воду. Тонкая гибкая изящная кисть на мгновение показалась мне причудливым дивным цветком, распустившимся в толще воды, и я подивилась своей фантазии. А Владычица, вновь распрямившись и стряхнув с руки капли воды, внезапно предложила:

— Я могу спеть для вас, если пожелаете.

Пение за нашими спинами на поляне как раз смолкло. Я кивнула и тихо сказала:

— Это такая честь для нас.

Арнэль, видимо, позабавили мои слова.

— Для эльфов петь в минуты радости или грусти вполне естественно, Риона. Соловей улаживает наш слух, но не оказывает нам чести — и все же любители соловьиного пения благодарны ему. Но я слишком давно уже общалась с людьми и отвыкла от того, что вы многое видите иначе, нежели мы. Я спою вам древнюю песню о звезде, которая увидела с небосвода прекрасного юношу и полюбила его. История их любви была светлой, но пронизанной грустью, как и сама жизнь.

И Арнэль запела, сначала тихо, но с каждой строфой повышая голос. Вскоре к ней присоединился стройный хор певцов с поляны. Напевная мелодия странным образом пробуждала в душе одновременно радость и грусть. Как-то само собой получилось, что Келебран обнял меня за талию, а я склонила голову ему на плечо. И еще подумала, что согласна сидеть вот так до рассвета.

У эльфов мы подзадержались. Алмаз поблескивал из воды крохотной радужной искоркой, почти не желавшей увеличиваться. Стаи волколаков, бродившие между Заповедной Долиной и Горным Королевством, не были еще окончательно истреблены и Владыка послал новые отряды охотников на смену вернувшимся. Среди прочих увидели мы и старого знакомого Арадана, но он не задержался в Эльдоране надолго — передохнул пару дней и вновь отправился в Привратье.

Диего наша вынужденная задержка нисколько не тяготила. Он постоянно что-то обдумывал, строил планы, пропадал на переговорах с Владыками и членами Совета. Мне поведение напоминало то время, когда мы гостили у мастера Громмышья в Горном Королевстве, только на сей раз Келебран составлял компанию мне куда чаще, нежели своему другу. Обычно он приходил к обеду и все время до глубокой ночи мы проводили вместе. Гуляли по парку, любовались Источником, иногда одевались потеплее и выходили в Эльдоран. В эльфийской столице уже сошли снега и показалась первая зеленая трава.

— Скоро зацветут первоцветы, — заметил мой спутник. — Возможно, мы застанем празднование по этому поводу.

Я уже имела возможность убедиться, что представления о праздниках у эльфов отличается от нашего (здесь к людям куда как ближе были гномы с их ломящимися от яств столами, льющей рекой горной слезой, заздравными тостами, веселыми песнями, а иной раз и доброй дракой в завершении торжества), а теперь узнала, что и поводы для торжеств у наших народов расходятся. Свадьбы у эльфов игрались редко, поскольку детей рождалось мало, а связывать себя узами брака они не торопились, собственные дни рождения отмечать после первого прожитого столетия им приедалось, зато появление первого цветка или начало сбора урожая встречалось в Долине неизменно радостно.

В Эльдоране блондин показал мне в числе прочих достопримечательностей и теплицы, где хозяйствовала Моравен. Они произвели на меня впечатление скорее своими размерами, нежели произрастающими там растениями.

— Прости, никогда не любила садовничать, — оправдывалась я потом перед Келебраном. — Даже когда жила в деревне, у меня и грядки-то с зеленью не было.

— И как ты только снискала славу травницы, — вздохнул собеседник.

— Травы я собирала, — с достоинством возразила я. — А вот копать в земле не люблю.

Келебран только хмыкнул.

Нам вообще на удивление было хорошо вдвоем. Мы могли вместе болтать, смеяться, молчать, подшучивать друг над другом. Гуляя теплыми вечерами по парку, мы делились друг с другом воспоминаниями о детских годах, об одиночестве, страхах и обидах. Келебрану, по его словам, пришлось в свое время несколько легче, нежели мне: отец всегда был рядом и поддерживал его во всем, да и мать во время нечастых встреч щедро одаряла любовью, тогда как я похвастать хорошим отношением родителей ко мне не могла. Зато моему собеседнику стоило немалых усилий понять и принять свою природу. Причудливое смешение кровей наградило его не самым легким характером и в прошлом Келебрана имелись поступки, которых он до сих пор стыдился — вроде того случая, когда он уничтожил после смерти отца не только виновных в несчастье волколаков, но и нескольких относительно мирных

оборотней, на свою беду подвернувшихся ему под горячую руку.

— Я тогда не разбирался, в ком из них остались человеческие черты, — горько рассказывал он мне. — Ведомый мстью, я имел только одно желание: истребить убийц отца. И не всматривался, повстречав в лесу зверя, превратился ли он окончательно в кровожадную тварь или в нем еще сохранился рассудок. Я просто убивал. А когда опомнился и пришел в себя, обнаружил, что оставшиеся в живых оборотни покинули наши края.

По какому-то молчаливому уговору мы не затрагивали тему неудачных любовных отношений. Я молчала об Артуре, а Келебран — о той девушке, которую упомянул Диего. Пока говорить об этом было не время.

Не делали мы и попыток к сближению. Самое большее, что позволяли себе — просто взяться за руки в темноте. И от ощущения сжимавшей мои пальцы сильной ладони сердце начинало биться чуточку быстрее, а душу затапливала теплая нежность. Я понимала, что нравлюсь Келебрану, и осознавала, что он стал дорог мне. Но мы не торопились.

В конце концов все произошло само собой. Вероятно, просто пришло время.

В тот вечер мы привычно уже расположились у Источника, разглядывая алмаз.

— Смотри, — произнесла я, — по-моему, искорка стала чуть-чуть ярче.

Подобно Владычице Арнэль в вечер празднования, я опустила ладонь в прохладную воду. Келебран последовал моему примеру. Пальцы его встретились с моими, сначала слегка коснулись, затем, будто осмелев, переплелись. Я повернула голову и заглянула ему в лицо. Мужчина смотрел на меня с такой нежностью и лаской, что у меня защемило сердце, а губы слегка дрогнули. Мне даже показалось, что глаза его сияют ярче, нежели звезды на небосклоне. Медленно он склонил голову и его губы накрыли мои — легко, почти невесомо. Я подалась ему навстречу, не желая разрывать поцелуй. Пальцы наших рук, вытасненных из воды, по-прежнему оставались сплетенными, другой же рукой Келебран обнял меня за плечи.

Наш первый поцелуй был лишен страсти. Это был достаточно целомудренный поцелуй, поцелуй-узнавание, в котором участвовали только губы, да и то едва-едва прикасаясь друг к другу. И когда он наконец прервался, а Келебран обнял меня покрепче, прижал к груди, нам не нужны были слова. И без того мы все друг о друге знали. Как знали и то, что уже второй наш поцелуй будет совсем иным — и теперь мы замерли, словно набираясь сил, как будто перед прыжком с закрытыми глазами в глубокий омут.

Глубокий вдох и медленный выдох. Моя рука медленно скользнула от локтя мужчины к его плечу, затем еще выше, обвила шею, притягивая к себе. Я подняла лицо, вновь встречая его губы, на сей раз жадные, требовательные. Если наш первый поцелуй был узнаванием друг друга, то второй — уже изучением, исследованием. Язык Келебрана скользнул мне рот, руки гладили спину, плечи, поднимались к шее, спускались к ягодицам. Я слегка выгнулась, теснее прижимаясь к нему, запустила пальцы в пряди его волос на затылке и закрыла глаза, наслаждаясь. Мужские губы наконец оторвались от моих, легко скользнули по скуле к уху, язык обвел раковину, зубы слегка прикусили мочку. И обжигающие прикосновения спустились ниже, дорожкой по шее к ямке между ключицами. Я тихо всхлипнула и прильнула еще сильнее — пусть это и казалось уже невозможным. Губы обжигали, оставляя следы, руки стискивали мое тело сильно, почти до синяков, но мне это нравилось.

— Риона, — Келебран поднял голову и взглянул мне в лицо потемневшими золотыми глазами. — Мы могли бы пожениться прямо здесь, у Источника, по эльфийскому обряду, если ты захочешь.

Голова у меня кружилась, так что смысл его слов я уловила не сразу. А когда поняла, что именно он предлагает, то спросила только:

— Сейчас?

К моему удивлению, мужчина расхохотался.

— Риона, ты удивительная женщина. И это единственный вопрос, который ты пожелала мне задать?

— А какие еще должны быть вопросы? — в свою очередь заинтересовалась я.

— Например, где и как мы будем жить после свадьбы. Насколько большое у меня состояние. Люблю ли я тебя.

— А вот это любопытный вопрос. Даже странно, как это он не пришел мне в голову, — не удержалась и съязвила я. — Так ты меня любишь?

— Люблю, конечно, — Келебран поцеловал меня в висок. — Иначе не предлагал бы стать моей женой.

— Я так и думала, — удовлетворенно вздохнула я.

Блондин посмотрел на меня с подозрением.

— А ты ничего не хочешь мне сказать, Риона?

— А что ты хочешь услышать? — удивилась я.

— Ну, например, — Келобран слегка повернул меня и теперь я сидела у него на коленях, прижавшись спиной к его груди и устроив голову у него на плече, — мне хотелось бы услышать, как именно ты ко мне относишься.

— Я к тебе отношусь очень хорошо, — кусая губы, чтобы не рассмеяться, сообщила я.

— Хорошо — и только?

— Нет, разумеется, — я повернула голову и слегка прикоснулась кончиком языка к его щеке, отчего мой мужчина дернулся, а руки его сильнее сжались на моей талии. — Я тебя тоже люблю, конечно.

— Это обнадеживает, — рука Келебрана переместилась выше и накрыла мою грудь, а сам он шепнул мне на ухо, — так что ты ответишь на мое предложение?

— А разве я ничего не ответила? Мне показалось, что я даже поинтересовалась датой свадьбы.

— Значит, это был ответ?

— Притом положительный, — выдохнула я с трудом, поскольку его ладонь сжала мою грудь чуть сильнее. — Да, вот так...

Но Келебран внезапно отстранился и внимательно посмотрел на меня.

— Риона, я хочу, чтобы ты отдавала себе отчет в том, с кем собралась связать свою жизнь. Мне не нужно согласие, данное под влиянием страсти.

— Хорошо, — я пересела на ближайший камень. — Давай поговорим. Почему ты сомневаешься во мне?

— Я не сомневаюсь, — Келебран взял мою ладонь и прижался к ней щекой. — Просто я полагаю, что лучше все обсудить заранее, дабы потом между нами не возникали недоразумения.

— Ладно. Итак, в тебе течет кровь оборотней и эльфов, но ты наполовину человек. У тебя не самый легкий характер, ты можешь быть вспыльчивым и гневливым, но старательно держишь себя в руках. Ты тяжело сходишься с людьми, но однажды назвав кого-то другом, останешься верным до конца. Ты часто бываешь молчалив и задумчив, ни с кем не желаешь делиться своими мыслями. Но ты добр и заботлив, в чем я уже имела возможность убедиться

лично. Я все перечислила или осталось что-то еще? Ревнивые бывшие любовницы? Внебрачные дети?

— Вовсе нет, — блондин улыбнулся. — Но ты действительно готова мириться с моими недостатками?

Я пожала плечами.

— Ты ведь готов мириться с моими, разве нет?

— Я еще хотел предупредить тебя, — тут Келебран отвел глаза, — что мне не по душе придворная суматоха. У меня есть особняк в столице — я не продал его после смерти отца и иногда даже останавливаюсь в нем на несколько дней. Но в поместье бываю куда чаще.

На сей раз я посмотрела на него с удивлением.

— Разве я хоть когда-нибудь упоминала о желании стать придворной дамой?

— Возможно, ты хотела занять место, положенное тебе при рождении...

— Вот уж нет, — фыркнула я, перебив его. — К тому же мне прекрасно известно, что ты — вечный странник. Если захочешь, я буду сопровождать тебя всегда и везде, нет — буду ждать дома, у теплого очага и за накрытым столом.

Келебран сгреб меня в охапку и замер на мгновение, прижавшись губами к моим волосам.

— Вечные странствия тоже могут наскучить, Риона. И даже странникам свойственно мечтать о домашнем уюте.

— Хорошо, — я не стала возражать. — Но если кровь твоей бабки вновь поманит тебя в путь, знай, что я всегда буду готова идти рядом с тобой.

— Значит, да?

— Конечно, да, — подтвердила я и первая потянулась за поцелуем.

Довольно продолжительное время нам было не до разговоров — не считать же за оные бессвязный лепет и отрывистые ласковые слова. Когда же я, наконец, опять уютно устроилась в кольце рук Келебрана, мы все-таки вернулись к обсуждению свадьбы.

— Согласно эльфийским законам мы с тобой могли бы принести друг другу клятвы прямо сейчас у Источника и считались бы мужем и женой, — пояснил мне мой уже жених. — Эльфам для бракосочетания даже свидетели не нужны — раз уж их слова слышали звезды и сам Источник Жизни. Но я все же предлагаю поставить в известность Диего, он ведь наш друг и ему будет неприятно, если мы поженимся втайне от него.

— Еще Моравен, — напомнила я. — Полагаю, матери тоже хотелось бы присутствовать на бракосочетании сына. И не знаю, насколько это здесь приемлемо, но я хотела бы сообщить Владыкам, раз уж мы у них гостим.

— Диего, моя мать с супругом и Владыки — у нас будет очень скромная свадьба, Риона. Возможно, ты хотела пышное торжество, а я тебя лишаю такой возможности?

Я только грустно улыбнулась.

— Пышное торжество, такое, чтобы полюбоваться на мой роскошный наряд сбежалось все предместье, а столы ломились от снеди и выпивки, я хотела когда-то давно, но вместо свадьбы мне пришлось бежать из родного дома. Теперь я хочу чувствовать себя одним целым с тобой, а уж как именно пройдет обряд и сколько будет гостей меня совсем не волнует, равно как и платье, закуски, вино и гуляния. Это все неважно. Да и близких друзей, сам знаешь, у меня теперь нет. В деревне остались люди, с которыми я была в приятельских отношениях, кое-кто из них, например, тот же лавочник, даже привязались ко мне, но я сама старалась никого не подпускать к себе слишком близко. Мне даже весть о предстоящем

замужестве послать некому. Сомневаюсь, что моих родителей заинтересовали бы новости о давно пропавшей дочери, а у Литы теперь своя жизнь и напоминание о сбежавшей невесте Карла ее, вполне возможно, вовсе не порадует. Разве что только Ним был бы рад весточке от меня.

— Теперь у тебя есть я, — Келебран обнял меня покрепче. — И ты больше никогда не будешь чувствовать себя одинокой. А теперь пойдем, разбудим Диего и сообщим ему новость.

Несмотря на позднее (или раннее, это уж как посмотреть) время, Диего не спал. И сразу все понял, стоило ему лишь взглянуть на нас. Впрочем, его догадливости я не удивилась: мы с Келебраном держались за руки, крепко переплетя пальцы, взгляд блондина был несколько расфокусирован, на лице то и дело появлялась улыбка, а сама я явственно чувствовала, как пылают мои щеки и покалывают и горят губы, должно быть, порядком припухшие от поцелуев.

— Ну что, — насмешливым тоном спросил дел Арьянте, — вас можно наконец-то поздравить?

Он разлил по стаканам золотистое вино, взял свой и отсалютовал нам.

— А я уж было начал сомневаться в том, что вы решитесь переговорить друг с другом, — продолжил он, отхлебнув разом едва ли не полстакана. — Присоединяйтесь.

Келебран, сев в кресло, притянул меня к себе на колени. Я зарделась еще сильнее, ожидая от Диего подшучиваний по этому поводу, но он молча подал мне стакан.

— Мы решили пожениться здесь, в Долине, — сообщил Келебран. — Особых приготовлений не потребуется, так что свадьбу можно назначить на завтра. Или на послезавтра, как решит Риона.

— А в столице могли бы отгулять с размахом, — заметил Диего.

— Зачем? Ни мне, ни Рионе шумное празднование не нужно, нас устроит и скромное торжество.

— Как знаете, — Диего покачал головой и долил себе еще вина. — Пожалуй, досадно, что я упустил такую женщину: и на переговорах пригодиться может, и многого не потребует. Зато я понял, почему ты так настаивал в свое время на том, чтобы мы взяли в поход прорицательницу. Интуиция, говоришь? Ну-ну, сделаю вид, что поверил.

Я не вмешивалась в разговор приятелей, понимая, что подколки дел Арьянте беззлобны. Более того, меня даже не тревожил предстоящий разговор с Моравен, которая должна была в самом скором времени стать моей свекровью. Мой дар молчал, но и без него я знала, что опасаться матери Келебрана мне не стоит.

Так оно и оказалось. Выслушав известие о скорой свадьбе, Моравен обняла сначала сына, потом меня и вызвалась помочь с приготовлениями.

Я, разумеется, согласилась, хотя никак не могла представить, какие именно приготовления требуются. Арнэль пообещала, что позаботится об угощении, а что нужно для самой церемонии, я даже не представляла. Оказалось, что Моравен подразумевала помощь с нарядом и прической. И уже под вечер следующего дня я, в новом платье, расшитом по подолу цветами и с венком на голове стояла с бешено колотящимся сердцем на знакомой поляне. Как-то внезапно пришло осознание, что вот сейчас, в эти самые мгновения должна была измениться вся моя жизнь — окончательно и бесповоротно. Я больше не была одиночкой и не несла ответственность только лишь за себя, как давно уже привыкла. Но вместе с тем в жизни моей появились и иные, непривычные мне до той поры ощущения заботы и поддержки. Я посмотрела в глаза будущему супругу и поняла, что нет больше отдельно меня и его, зато есть мы. И вместе мы сможем преодолеть многое.

Дальнейшее помнилось мне словно в туманной дымке. Простые слова о верности и любви, звучавшие для меня торжественно и сладостно. Кубок с эльфийским напитком, из

которого мы пили вдвоем. И прохладная вода Источника, которой мы поили друг друга из ладоней.

— Я люблю тебя, жена моя, — сказал Келебран, глядя мне в глаза. — Отныне и навсегда.

— И я люблю тебя, муж мой, — откликнулась я. — Отныне и навсегда.

Вспыхнуло мгновенной болью запястье и замысловатой вязью проступили на нем эльфийские руны — символ связавших нас уз.

А потом была ночь. Наша ночь. И я задыхалась, сходила с ума от блаженного восторга и понимала, что раньше даже не представляла, что такое настоящая любовь, истинная близость, способная сделать тебя одним целым с возлюбленным. Все, что доводилось пережить мне ранее, было лишь бледной тенью, слабым подобием того наслаждения, что дарили мы с мужем друг другу. Да и было ли оно, это ранее? Все ушло, все забылось и остались лишь мы вдвоем да призрачный звездный свет из распахнутого в ночь окна. И слова любви, звучащие музыкой для наших сердец...

Летели дни, складываясь в недели. Приходили новости из Привратья, возвращались отряды охотников — с волколаками, свирепствующими между Заповедной Долиной и Горным Королевством, было покончено. Диего успел обсудить с Владыками и членами Совета аспекты будущего сотрудничества и договориться о скором прибытии посольства. Алмаз, искра в котором засияла ярче после свадьбы, напитавшись нашей любовью, медленно, но уверенно оживал. В Эльдоран пришла весна. Сошли снега, зазвенели ручьи, распустились скромные первоцветы — эльфийский символ обновления природы. Празднование этого события проходило вполне в духе Заповедной Долины — с песнями, разговорами до рассвета и скромным, но вкусным угощением.

Мы с Келебраном оставались словно бы сторонними наблюдателями, занятые в основном друг другом и открывшимися нам радостями разделенной любви. И когда Диего наконец упомянул о том, что мы загостились, пора бы и честь знать, мы с супругом даже не сразу восприняли его слова. И лишь спустя несколько мгновений сообразили, что пора снова собираться в путь, где нам никак не выпадет возможность побыть наедине. Ночевки втроем не тяготили нас по дороге к эльфам, теперь же о них с тоской думали как мы, так и, вероятнее всего, Диего, менее всего желавший чувствовать себя лишним.

— Предлагаю выйти послезавтра, — говорил он непривычно сухим отрывистым тоном. — Завтра Владыки обещали устроить прощальный ужин, а на рассвете тронемся в путь.

Келебран взглянул на меня и сделал мне незаметный для друга знак оставить их вдвоем. Я вышла с надеждой, что разговор мужчин наедине поспособствует тому, дабы между нами не возникало неловкости в пути.

Медленно я шла среди вечноцветущих деревьев, стремясь навсегда запечатлеть в памяти их нежную неброскую красоту, надышаться напоследок чистым ароматным каким-то удивительно вкусным воздухом. За очередным поворотом дорожки мелькнуло светлое платье Владычицы. Арнэль тоже заметила меня и подошла поближе.

— Завтра наступит время прощаться, прорицательница, — сказала она мне. — Я рада, что ты побывала в Заповедной Долине. Алмаз получил от тебя и твоего супруга те эмоции, которых давно уже не видал Источник — не просто любовь, но горячую страсть и стремление подарить миру новую жизнь.

— Новую жизнь? — растерялась я. — Но мы еще не думали об этом.

Арнэль сжала мою ладонь хрупкими на вид, но удивительно сильными пальцами.

— Об этом и не надо думать. Для нас, эльфов, рождение ребенка — чудо, подарок звезд. Давно уже не было такой радости в Заповедной Долине. Возможно, теперь, когда камень вернулся...

Голос ее прервался, а я запоздало вспомнила, что у Арнэль и Санрода нет наследников. Учитывая продолжительность жизни эльфов вопрос престолонаследия занимал их, должно быть, куда меньше, нежели людей, но сейчас мне внезапно открылась вся глубина столь тщательно скрываемой этой удивительной женщиной боли. И я, охваченная порывом, крепко сжала ее пальцы в ответ.

— Конечно, теперь все изменится. У вас обязательно будет малыш!

Владычица с надеждой заглянула мне в лицо.

— Это предсказание?

Я сама не была уверена в том, предсказание это или пожелание, зато полагала, что если верить в чудо, то оно обязательно случится, поэтому твердо ответила:

— Да!

И при виде того, как засияли от счастья глаза Арнэль, мне стало радостно и тепло на сердце.

Когда я вернулась в комнату, друзья мирно болтали и неспешно попивали золотистое вино, к которому все мы успели пристраститься.

— Надо будет наладить поставки эльфийского вина в столицу, — говорил Диего между глотками. — Полагаю, немало горожан согласится расстаться с кругленькой суммой за кувшинчик такой прелести. И почему у тебя в поместье никогда не водилось ничего подобного? Ты ведь бывал в Заповедной Долине чуть ли не каждый год.

— Быть может, потому, что мне пришлось бы тащить бочонки на своих плечах, — ехидно ответил Келебран. — Да еще и в обход Горного Королевства — сам знаешь, отношения с гномами у меня ранее не складывались. Спасибо еще, что эльфы делились своим чудодейственным напитком, придающим силы.

— Кстати, Владыка пообещал нам всем по фляге оного, — вставил Диего. — А что, напиток этот столь ценен? Я не стал уточнять, но был бы не прочь закупить партию-другую.

— Только тебе никто его не продаст. Готовится он в весьма ограниченных количествах, поскольку для него требуются очень редкие растения. Одно из них, например, цветет всего лишь раз в три года, а цветы-то как раз и нужны. Сам ведь заметил, что даже здесь, в Долине, пьют его лишь по особым поводам. Так что береги свою фляжку и не трать драгоценный напиток понапрасну.

Помимо напитка, нам дали с собой в дорогу и снедь, остающуюся неизменной спустя долгое время: вяленое мясо, особые нечерствеющие лепешки, яблоки и апельсины из оранжереи. Моравен принесла сладких пирогов, но наказала их съесть в первые же дни пути, дабы они не успели зачерстветь.

На прощальный ужин собрались не только Владыки, мать и отчим Келебрана, но и члены Совета. Как бы ни хотелось нам посидеть с новыми друзьями подольше, но мы вынуждены были откланяться и удалиться спать, едва стемнело, поскольку тронуться в путь мы намеревались с первыми лучами солнца. Моравен, Арнэль и Санрод собирались проститься с нами утром, а с остальными мы с грустью распрощались уже сейчас.

Сумки были уже собраны, дорожная одежда, давно постиранная и поглаженная, висела в шкафу. И пусть мы твердо намеревались выспаться перед дорогой, но на деле нам с Келебраном довелось проспать не более четырех часов. Снова и снова сплетались мы в объятиях, памятуя о том, что за все время пути возможности побыть наедине у нас не будет.

Утром нас разбудил Диего, выглядевший на удивление свежим и отдохнувшим.

— Вставайте, сони, — провозгласил он, предусмотрительно замерев на пороге нашей комнаты и не рискуя подходить поближе. — Уже скоро рассвет.

Келебран, что-то глухо проворчав, швырнул в друга подушкой, от которой тот со смехом увернулся.

— Нам уже принесли завтрак, — сообщил дел Арьянте. — Одевайтесь, я подожду вас в гостиной.

Умывшись и одевшись, я наскоро заплела косу и присоединилась к мужчинам. Супруг, управившийся раньше меня, сидел рядом с Диего за маленьким столиком, заставленным

тарелками, и разливал по кружкам дымящийся травяной отвар. Я заняла свое место и без разговоров приступила к поеданию пышного золотистого омлета с сыром и грибами, время от времени откусывая от пирога с мясом. Едва мы покончили с завтраком, в дверь постучали и в комнату заглянула Моравен.

— Готовы? — спросила она. — Владыки уже ожидают вас. Мы перейдем с вами на другой берег реки и там уже распрощаемся. Лошадей вам дадут, но придется оставить их в Привратье.

Со вздохом я поднялась из кресла. Несмотря на мои слова о том, что жизнь в Заповедной Долине представляется людям слишком уж скучной, гостить у эльфов мне понравилось. Судя по лицам моих спутников, их мысли были созвучны моим. Но как бы ни хотелось нам задержаться в гостях, пора было возвращаться домой.

Обратная дорога показалась нам более легкой, нежели путь в Эльдоран. Весеннее солнце пригревало так, что мы сбросили капюшоны. Вдоль дороги зеленела трава, а кое-где на деревьях даже набухали почки. До Привратья мы добрались к обеду, сделав по дороге два коротких привала. У знакомого деревянного дома нас радостно встретил Арадан.

— А я уж и не чаял вновь свидеться с вами так скоро, друзья, — воскликнул он. — Келебран, Риона, я слышал о радостном событии, счастлив поздравить вас!

Из дома появился незнакомый эльф с пепельными волосами.

— Это Форнор, мой напарник, — представил его Арадан. — А это — Диего и Риона.

Келебрана Арадан представлять не стал, из чего я сделала вывод, что с моим супругом Форнор был знаком — впрочем, оно и неудивительно, похоже, все эльфы Заповедной Долины знали друг друга. И Моравен, как и ее сын, не являлись исключением.

Форнор, как оказалось, тоже слышал о нашей свадьбе. Он сдержанно поздравил меня, похлопал по спине Келебрана, а затем спросил, намерены ли мы остаться в Привратье на ночлег.

— Я полагал, что мы пообедаем с вами и тронемся в путь без промедления, — нахмурившись, ответил Диего.

А я с тоской вспомнила о теплом озерце в окружении цветущих яблонь. Как мне хотелось еще раз искупаться в нем!

— Ничего не изменится, если мы выедем утром, — словно уловив мое настроение, заметил Келебран.

— Но мы специально поднялись пораньше, — не сдавался дел Арьянте. — Какой в этом прок, если мы потеряем полдня?

— Выехать с рассветом — решение мудрое, — лукаво улыбнувшись, заметил Арадан. — После полудня в дорогу собираться неохота. Вот и нас вы покинете завтра хоть с первыми солнечными лучами.

Диего все еще колебался и я устремила на него просящий взгляд.

— Давай останемся до утра. Полюбуйтесь цветущими яблонями в начале весны, искупаемся в теплом озере.

— Ну раз вы все этого желаете, — согласился наконец дел Арьянте, — тогда остаемся.

Мигом был накрыт стол к обеду. Арадан разлил по тарелкам сытную мясную похлебку и некоторое время за столом царило молчание. Потом, потягивая вино из стаканов, мы принялись обмениваться новостями. В Долине, правду сказать, с оными было негусто: праздник первоцветов и наша свадьба — вот и все события. Арадан и Форнор рассказали об охоте на волколаков: Форнор с друзьями выследил большую стаю из дюжины особей. Бой был жестоким и одного из эльфов знатно потрепали, но его удалось довольно быстро вылечить, в основном благодаря тому, что целебную мазь использовали сразу же. Диего на излечение потребовалось больше времени как раз потому, что яд уже успел проникнуть в организм и подтачивал его силы несколько дней до встречи с Араданом. Прочие же стаи обезумевших оборотней были малочисленны и иных потерь в схватках эльфы не понесли.

За беседой время летело незаметно. Когда закат раскрасил небо в множество оттенков золотисто-алого, я спохватилась и вспомнила, что хотела искупаться. Любезные хозяева выдали мне мыло и полотенце, а от провожатого я отказалась — дорогу к озеру помнила с

прошлого раза.

На берегу неспешно разделась и с наслаждением погрузилась в теплую воду, закрыв глаза. Откинулась на спину, легла, раскинув руки и блаженствовала, вдыхая нежный аромат. И внезапно услышала тихий плеск. Охнув, я с головой ушла под воду, а когда вынырнула и открыла глаза, увидела мужа, что уже подплывал ко мне.

— Полагаю, нам предоставят отдельную спальню, — сказал он, — но стены в доме тонкие, а кровати узкие, так что я решил составить тебе компанию сейчас.

Рассмеявшись, я повернула к берегу — следовало бы выплыть на место достаточно мелкое для того, чтобы можно было чувствовать дно под ногами. Келебран плыл рядом, а над нами уже начинали сгущаться сумерки и на небе показались первые звезды. И запах цветущих яблонь, казалось, дурманил разум...

Я немного опасалась подшучиваний по поводу нашего долгого отсутствия, но эльфы просто наполнили вином еще два стакана, а Диего только мимолетно ухмыльнулся. Поскольку ночью мне почти не довелось поспать, глаза у меня сами собой закрывались. Наскоро поужинав, я пожелала мужчинам покойной ночи и удалилась в спальню, которую указал мне Арадан. Келебран остался сидеть на освещенной неяркими огнями веранде, обсуждая с Форнором оружие эльфийской работы и сравнивая его с гномьим. На момент моего ухода, мужчины пришли к мнению, что секиры работы гномов непревзойденны, а вот мечи — не то, совсем не то. Разговор этот для меня интереса не представлял, так что компанию я покинула без сожаления, а уснула, похоже, сразу же, едва голова коснулась подушки.

Проснулась я в сером предрассветном сумраке в непривычном одиночестве. Приподнявшись на локтях, оглянулась в поисках мужа и обнаружила его спящим на соседней кровати. Словно почувствовав мой взгляд, Келебран тоже открыл глаза.

— Не хотел тебя будить, — извиняющимся тоном сказал он. — Ты так крепко спала.

— Иди сюда, — позвала я, отодвигаясь к стенке и откидывая край одеяла.

Супруг мгновенно оказался рядом и крепко обнял меня.

— Жаль, что уже пора вставать, — с сожалением произнес он. — Но поцеловать свою жену я успею.

Увы, но мы действительно успели только пару раз поцеловаться. За стеной послышались бодрые голоса, затем по лестнице раздался звук шагов — несомненно Диего, поскольку эльфы ходили бесшумно, и мы, вздохнув, выбрались из кровати.

На завтрак Форнор, изрядно нас всех удивив, предложил нам оладьи, горячие, пышные, золотистые, политые растопленным янтарным медом. Я умудрилась съесть целую горку, запивая их горячим бодрящим травяным отваром.

— После такого завтрака и идти никуда не хочется, — заявил Диего, когда на огромном блюде не осталось ни крошки. — Разве что в сторону кровати — отдыхать.

В целом мы были с ним согласны, однако же короткая передышка закончилась. Лошадей мы оставляли в Привратье и далее были вынуждены передвигаться пешком. Распрощавшись с эльфами и выйдя за ворота, я была готова вновь попасть в снежную бурю, сквозь которую мы в свое время вынуждены были идти в Долину. Однако же на приграничных территориях властвовала все та же ранняя весна, что и в Эльдоране. Деревья, правда, стояли голые, еще не обзаведясь даже почками, однако же кое-где к солнцу уже пробилась нежная первая трава.

— В лесу еще лежит снег, — пояснил Келебран. — И не обольщайся обманчивым

теплом: весенние ветры холодны и часто приносят простуды, так что лучше укутайся потеплее.

Я признавала его правоту, но как же хотелось распахнуть плащ, подставить лицо ярким лучам весеннего солнца, радостно сиявшего с пронзительно-голубого безоблачного неба, вдохнуть полной грудью свежий воздух и раскинуть руки, воображая себя птицей, готовой воспарить ввысь!

— Келебран! Риона! — окликнул нас успевший уйти вперед Диего. — Заснули вы там, что ли? Поторапливайтесь, нам еще до вечера надо отыскать место для ночлега. Нормальных кроватей до самого Горного Королевства нам не видать.

— Узнаю своего друга, — фыркнул Келебран. — Но он прав, Риона, не стоит задерживаться.

Местами в лесу действительно еще ощущалось студеное дыхание уже покинувшей равнины зимы. Напоминания о ней то и дело попадались нам то неопытными сугробами нестаявшего снега в тени густых деревьев, то покрытыми корками льда лужицами на полянах. И все равно обратный путь казался мне более легким и радостным. В чем была причина, я и сама затруднилась бы сказать: не то радовала сброшенная тяжесть опасного задания, не то грело тепло призрачного очага в пока еще неведомом, но уже по праву моем доме, в котором я окажусь в конце пути, не то придавало сил присутствие Келебрана — уже не просто попутчика, но возлюбленного супруга.

Весь день мы шли по холмистой местности без усталости, лишь единожды устроив привал. На мгновение мне припомнилось, как брели мы всего несколько недель назад к Долине с неумолимо слабеющим Диего. Тогда у нас не было уверенности в том, что мы доберемся до цели своего путешествия, не встретив никакой опасности. Теперь же волколаки были уничтожены, безветренная погода радовала теплом и дорога не казалась мне тяжелой. Ближе к ночи мы обнаружили небольшую пещеру и решили в ней переночевать.

— Не помнишь, мы на пути в Долину останавливались здесь же? — спросила я у Келебрана.

Он осмотрелся и уверенно произнес:

— Нет. Видишь вон тот покореженный старый дуб? Я бы его запомнил.

— Разводите костер, а я пойду на охоту, — вмешался Диего.

Услыхав эти слова, я удивилась, ведь прежде нас снабжал свежиной Келебран, но потом сообразила, что дел Арьянте просто желает дать нам с мужем возможность побыть наедине. И когда приятель скрылся за деревьями, мы несколько минут жадно целовались, прежде чем приступить к сбору хвороста.

— Можно было бы сначала проверить на уют пещеру, — усмехнулся Келебран, с сожалением выпуская меня из объятий. — Но уверен, что Диего вернется в самый неподходящий момент.

Диего вернулся, когда в котелке над костром закипала вода и принес одну куропатку. Его нахмуренный вид отбивал всякое желание подшучивать над незадачливым охотником и я, отвернувшись, принялась рыться в сумке в поисках пакетика с сухими травами для заварки, а Келебран молча забрал у приятеля добычу и принялся ее разделять. Сам же Диего взялся накрывать импровизированный стол на большом плоском камне. Из его сумки появились лепешки, миски, ложки, кружки и завернутые в промасленную бумагу пироги Моравен. Голодная смерть нам никак не грозила.

Поужинав, мужчины взялись делить дежурство. Я возилась с посудой и на своей

помощи не настаивала, памятуя о том, как некогда Келебрану удалось застать меня врасплох. Пусть эльфийские отряды и перебили всех волколаков, но бдительность все равно проявить следовало. Первым выпало дежурить моему мужу и я, дождавшись, пока дыхание Диего не стало глубоким и размеренным, выдавая, что он уснул, тихонько скользнула ко входу в пещеру и села рядом с Келебраном.

— Не спится? — спросил он.

— Хочу посидеть с тобой, — честно призналась я.

К моему удивлению, супруг покачал головой.

— Лучше ступай спать, Риона. Твое присутствие будет отвлекать меня.

Вздыхнув, я поцеловала его и вернулась на свое место. Сон пришел не сразу, но, поворочавшись, мне все же удалось уснуть. А потом родные руки обняли меня, привычно опалило жаром прижавшегося тела, и я поняла, что Диего сменил Келебрана на дежурстве. Устроилась поудобнее, не открывая глаз, и вновь проваливаясь в сон, ощутила легкий поцелуй в висок.

Проснувшись и выглянув из пещеры, мы обнаружили, что погода испортилась. Небо затянуло серыми тучами, накрапывал мелкий, но противный дождь. Натянув на голову капюшоны, мы медленно брели через лес, но к полудню непогода усилилась и мы вынуждены были поискать себе пристанище. К счастью, как упоминал некогда Келебран, пещер и пещерок в этой местности имелось в изобилии, так что мы довольно быстро подыскали для себя подходящую. Развели огонь и, развесив плащи, чтобы они высохли, устроились у костра. Ни о какой охоте речь не шла, но я гораздо больше жалела о невозможности хоть ненадолго остаться с мужем наедине, нежели о жареной куропатке или о рагу из кролика. У Диего в сумке обнаружилась фляга с эльфийским вином, а еще орехи и меду, о которых мы вчера подзабыли, так что обед удался на славу.

Поскольку дождь стоял сплошной стеной, продолжать путь мы не могли и скоротали день за разговорами. Диего и Келебран припоминали свои детские шалости и проказы, немало позабавившие меня.

— Скажи, Риона, — внезапно спросил дел Арьянте, — а ты намерена навещать своих родителей, вернувшись в столицу?

Все мое веселье разом померкло. Я опустила голову и задумалась. Келебран молча сжал мою ладонь.

— Не знаю, — наконец сказала я. — В свое время они отказались от меня, заявив, что я им больше не дочь.

Голос мой прервался, я судорожно вздохнула. Пусть я и смогла их простить, но боль от предательства, похоже, все еще оставалась со мной.

— И они не предпринимали попыток разыскать тебя, — добавил Диего.

Я даже не стала спрашивать, откуда ему это известно — похоже, королевский кузен в считанные часы мог узнать всю подноготную любого жителя королевства.

— Ты пообещал мне деньги, — внезапно напомнила я. — Внушительную сумму, если я пойду с вами к эльфам.

— Обещал, — несколько удивленный, ответил Диего.

Келебран вопросительно взглянул на меня. Разговора о деньгах мои спутники никак не ожидали.

— Я хочу, чтобы эти деньги получили мои родители. Нет, не так. Я хочу, чтобы у них всегда была хорошая еда, одежда и чтобы к ним приходила прислуга — помогать по

хозяйству. Это можно устроить? Ведь любую сумму, попавшую к нему в руки, отец попросту пропьет.

— Это устроить совсем несложно, — сказал дел Арьянте. — И денег понадобится не столь уж и много — признаться, я планировал заплатить тебе куда больше.

— Моей жене хватит на ее нужды и моего состояния, — вмешался Келебран. — Оно довольно внушительно и Риона может распоряжаться им так, как сочтет нужным.

— Спасибо, конечно, — немного растерянно откликнулась я. — Но, честно признаться, я не слишком-то хорошо представляю, как именно должна распоряжаться твоими деньгами. Я думала, что мы с тобой обо всем договорились: жизнь будем вести скромную, вовсе не светскую.

— Это на случай, если ты передумаешь, — улыбнулся супруг. — А пообщаться с родителями ты не хочешь?

Я закусила губу и покачала головой.

— Нет, мне довольно будет знать, что у них все хорошо. К тому же если отец с матерью узнают, что я вышла замуж за богатого человека со связями во дворце, они просто не оставят нас в покое и начнут требовать от тебя все новых и новых благ. Так что лучше мне не возвращаться в те места, где прошло мое детство. Ничего хорошего из этого не выйдет. Это Моравен оказалась достаточно мудра, чтобы предоставить своему сыну право выбора. Мои родители, увы, ее мудростью не отличаются.

— Хорошо, родная, — успокаивающе произнес Келебран. — Как скажешь, так и будет. А теперь — кто хочет еще вина?

Мы с Диего дружно пододвинули свои кружки. И разговор снова вернулся к детским воспоминаниям приятелей.

К утру небо вновь прояснилось и мы смогли продолжить свой путь. Земля не успела просохнуть и под ногами чавкала грязь, а кое-где нам приходилось преодолевать вброд огромные лужи. Впрочем, иногда нам доводилось идти и посуху — там, где почва была каменистой и усыпанной побуревшей хвоей. За все дни пути никаких происшествий не случилось. Диего все так же уходил вечерами охотиться, милостиво предоставляя нам возможность урвать хоть немного времени для мимолетных ласк, а еще я то засыпала, то просыпалась в объятиях мужа. И была благодарна судьбе за это счастье.

Но когда на горизонте показались горы, мы все вздохнули с облегчением. Все-таки мы успели соскучиться по нормальным бытовым условиям: горячей воде для мытья, мягким кроватям, теплым одеялам, сытной домашней пище. С тоской припомнила я удивительно вкусную стряпню Златы и Бирюзы и дала себе зарок непременно вызнать у них побольше рецептов. Готовить я, разумеется, умела и делала это довольно неплохо, но за последние годы привыкла обходиться самыми простыми блюдами. Теперь же мне хотелось побаловать мужа чем-нибудь особо вкусеньким, приготовленным собственноручно. Хотя, наверное, и в поместье, и в городском доме Келебрана хватало прислуги... Но все равно я была полна решимости заботиться о супруге как можно лучше.

Близость Горного Королевства, казалось, придала нам сил. Последние дни мы шли почти без отдыха с рассвета и до позднего вечера и когда добрались, наконец, до незаметной дверцы, дружно вздохнули с облегчением. Как оказалось, рано. Никто из нас не имел представления, как именно открывается эта дверь снаружи.

Диего старательно исследовал ее руками, а затем для верности пнул пару раз ногой. Дверь не поддавалась.

— Скажи-ка мне, друг мой, — голос Келебрана прямо-таки сочился ядом, — вот ты когда выznавал у мастера Громмыша секреты горных переходов, ничего, случайно так, не позабыл?

— Сам мог спросить, — огрызнулся Диего.

— Похоже, дражайший мой приятель, память стала тебя подводить. Это ведь ты у нас — как это правильно обозначить? — вожак отряда, в том смысле, что самый главный? Или я ошибаюсь?

Дел Арьянте рассерженно пнул дверь еще разок, посильнее, но с тем же результатом.

— А ты попробуй с разбега, — предложил Келебран нарочито безмятежным голосом. — Авось сломается.

Глаза Диего полыхнули такой злостью, что я даже испугалась. Конечно, невозможность открыть дверь очень сильно расстроила меня, но перспектива наблюдать первую настоящую ссору друзей за все время похода настолько страшила, что все прочие мысли разом выветрились из головы.

— Если ты такой умный, — рассерженной змеей прошипел Диего, — то придумай сам способ попасть внутрь.

— Знаешь ли...

— Замолчали! Оба! — заорала, сама себе удивляясь, я.

Надо признать, что цели своей я добилась: друзья изумленно умолкли и уставились на меня.

— Даже если вы вцепитесь друг другу в горло, дверь не откроется, — воодушевленная успехом, озвучила я очевидное.

Диего хмыкнул, а Келебран расхохотался.

— Согласись, дружище, моя жена — потрясающая женщина, — сквозь смех с трудом выговорил он.

Дел Арьянте посмотрел на меня не то одобрительно, не то, напротив, скептически. Мне уже стало немного не по себе из-за внезапной вспышки, но сдавать позиции я не собиралась.

— Как мы видим, ручки с этой стороны у двери нет...

— Ценное замечание, — вклинился Диего.

...стало быть, открывается она иначе, — не обращая внимания на его ехидство, закончила я фразу. — Например, заклинанием.

— Знать бы еще, каким, — угрюмо откликнулся дел Арьянте.

— Надо пробовать, — предложил Келебран. — Откройся, мы пришли с миром!

Ничего. Дверь даже не дернулась.

— Мы друзья, — не особо веря в успех, поддержала я мужа.

Диего был оригинален.

— Славься в веках, горный народ, — пафосно провозгласил он, но треклятая дверь на лесть не купилась.

Следующий час мы развлекались тем, что пытались подобрать способные открыть дверь слова. Устав стоять, мы уселись на поросшие мхом камни и по очереди говорили уже первое, что только взбрело нам в голову.

— Могучий молот!

— Непобедимая секира!

— Эльф плешивый!

— Эй, а эльфов-то ты к чему приплел? — оскорбился Келебран на последнее предположение Диего.

Тот пожал плечами.

— Да гномы отчего-то жителей Долины не жалуют, вот я и подумал, что они могли так подшутить.

— Вовсе ты не подумал ничего подобного, — давясь смехом, проговорила я. — Признайся честно, что фантазия твоя уже истощилась и тебе ничего лучше просто в голову не пришло.

— Признаюсь. По-моему, все наши усилия ни к чему не приведут. Надо придумать какой-нибудь другой способ, если не хотим ночевать перед дверью.

Небо действительно уже налилось предзакатным багрянцем, солнце неумолимо склонялось к горизонту. Ночевать у запертой двери мне, безусловно, не хотелось, но и способа открыть ее я не знала.

— А есть иной путь? — спросила я.

— Есть, — ответил Келебран. — В обход Горного Королевства.

— Но ведь не может эта дверца быть единственным западным входом, — в отчаянии воскликнула я.

— Раньше были Западные Врата, подобные Восточным, — сказал Диего. — Но после того, как эльфы возвели стену, отгородив Заповедную Долину от прочего мира, гномы приняли решение завалить Западные Врата камнями.

Нелестные высказывания и о эльфах, и о гномах уже готовы были сорваться у меня с

языка, но я заставила себя проглотить их, дабы не начинать вновь ссору.

— Но и сидеть без дела я не в силах, — заявил дел Арьянте, вытаскивая меч.

Я с интересом посмотрела на него: уж не задумал ли королевский кузен покромсать дверь мечом? Я сильно сомневалась, что из этой затеи могло бы что-нибудь получиться, все-таки дверь гномы смастерили на совесть.

Но Диего попробовал вогнать меч в невидимый глазу зазор между стеной и железной оковкой двери.

— Не поддается, — пропыхтел он.

— Я вытащила подарок мастера Громмыша и протянула ему.

— Попробуй вот этим, все же гномья сталь.

На удивление легко лезвие клинка скользнуло внутрь, а затем дверь распахнулась.

— Гномья сталь? — изумленно повторил Диего. — Это и были слова заклинания? Или все дело в ноже?

— Не знаю, — честно ответила я. — Возможно, свою роль сыграло и то, и другое. Не проходи поскорее, пока дверь снова не закрылась.

Мы втроем ввалились в неширокий коридор и расхохотались. Смеялись долго, всхлипывая, вытирая выступившие на глазах слезы. Келебран прислонился к стене и время от времени бил по ней кулаком, повторяя:

— Гномья сталь! Гномья сталь, а не плешивый эльф, ясно тебе, гоблин горбатый?

Диего, усевшийся на пол и раскачивающийся из стороны в сторону, на удивление и не подумал обижаться на столь нелестную характеристику.

— Твой вариант тоже не прошел, — выговорил он, задыхаясь от смеха. — Могучий молот, подумать только! Сказал бы еще — неутомимый. Ну, Риона! Это твой талант сработал?

Мне, как женщине, воспитанной в скромности и целомудрии, полагалось бы смутиться от прозвучавшего неприличного намека, но я только прикрыла лицо рукой, а в ответ на обращенный ко мне вопрос покачала головой.

— Будь это проблеск Дара, то за прорицательницами охотились бы не храмовники, а твое ведомство. Представь, какие бы из нас получились взломщицы.

После этих слов и Келебран медленно сполз по стене на пол и уселся рядом с Диего.

Вскоре приступ веселья, вызванный благополучным разрешением нелегкой задачи, пошел на спад. Мужчины поднялись на ноги и подхватили сумки.

— Камера совсем рядом, — припомнил Диего. — Наконец-то мы сможем переночевать хоть в каком-то подобии постели.

— И с крышей над головой, — добавила я.

А еще без возможности уединиться с мужем хоть ненадолго. Но это соображение я оставила при себе. В конце концов, до жилища мастера Громмыша осталась какая-то пара дней пути.

— Радость-то какая, — всплескивал руками мастер Громмыш, то и дело кланяясь. — Мы уж и не чаяли, право слово. Вот сейчас соберу Совет да всем объявлю, то-то наши пир закатят!

Я недоуменно посмотрела на своих спутников, но они тоже выглядели растерянными. Мы, чего уж лукавить, рассчитывали, разумеется, на теплый прием, но никак не ожидали, что достопочтенный гном впадет при виде нашей компании в столь бурный восторг. Однако следующие его слова несколько прояснили ситуацию.

— Уж так мы были счастливы, многоуважаемая прорицательница, что поверили в ваше предсказание и отравили на север драконоборцев!

— Стало быть, корона нашлась? — усмехнувшись, спросил Диего.

— Нашлась, как не найтись, уважаемый дел Арьянте! Ждет теперь в Чертогах возвращения Правителя. Желаете на нее взглянуть?

Признаться честно, более всего мы желали как следует вымыться в купальнях, поужинать и завалиться спать на мягкие перины, но отказать гному никто из нас не решился. Глаза Громмыша горели столь восторженным возбуждением, что и без слов было понятно: корону он почитает величайшим сокровищем мира и твердо уверен, что все вокруг разделяют его мнение и полагают за счастье взглянуть на сие диво. Так что все мы дружно направились в чертоги.

Тронный зал был пронизан алыми лучами заходящего солнца, падавшими из высоких узких окон. Едва войдя, я сразу же отметила нововведение: на стене у трона ярко горели факелы, разгоняя начавшийся сгущаться сумрак. В результате в неосвещенной части зала белый мрамор колонн отливал розовым, а ближе к трону — золотом. И сам постамент невольно притягивал взгляд.

— Когда вернется Правитель, — торжественно провозгласил мастер Громмыш, — зажгутся факелы на всех стенах и в Чертогах ночью будет светлее, нежели днем.

Сама же корона мирно лежала на троне. Массивный простой золотой обруч, в котором ярко вспыхивали, отражая свет, семь драгоценных камней. Я подошла поближе и Громмыш не стал останавливать меня. В короне Правителя Горного Королевства тоже ощущалась магия, но отличная от эльфийской. Эльфийское волшебство было воздушным, светлым, каким-то невесомым и радостным, а магия гномов, которую я почуяла от венца, напротив, была основательной и прочно связанной с землей. Неудивительно, что прежде носил эту корону легендарный великий Правитель — простому смертному сия ноша будет непосильной. Вся гордость и мощь горного народа была заключена в простой ободок с камнями и надеть его мог отважиться лишь достойный.

— Она прекрасна, — искренне сказала я. — Великолепна в своей суровой простоте.

Громмыш внимательно взглянул на меня.

— Ты смогла увидеть главное, прорицательница, — утвердительно заметил он. — Суть. То, что внутри, а не то, что снаружи.

— Я почувствовала, — откликнулась я.

— Дорого она нам досталась, но все равно мы рады ее возвращению. Двое наших драконоборцев навсегда остались лежать в стылой северной земле. Жители окрестных деревень посадили у их могил березы. Туккон вернулся без ноги, да и остальных потрепало

изрядно. И все равно это невеликая цена за возвращение нашего достоинства.

Я понимала его. И мои спутники, судя по их лицам — тоже. Слишком давно гномы мечтали о возрождении своего Правителя, при котором наступит расцвет Горного Королевства. И за приближение этого дня каждый из них не задумываясь отдал бы жизнь.

— Ну да все это уже дела минувшие. А сегодня радость у нас. Жаль вот только, что времени мало, — кручинился достопочтенный мастер. — Не успеем подготовить все как следует, эх, не успеем!

— Что именно не успеете подготовить? — спросил сбитый с толку Диего.

— Пир, разумеется. Уж как вся община благодарна прорицательнице, что подсказала, где корону искать — словами не передать! Вот ежели бы вы с утра пожаловали, то наши хозяйки со всем бы управились. Ну да ничего, авось не осраммимся.

— Многоуважаемый мастер, — вмешалась я, видя, что мои спутники впали в ступор от предложения участвовать в праздновании, — мы очень устали после долгого пути. Можно ли перенести пир на завтра? А сегодня нам бы просто отдохнуть.

— Вот я гоблин слабоумный, — ругнулся почтенный гном. — И как сам не сообразил-то? Разумеется, вам отдых нужен, а я на радостях даже и не подумал. Пойдемте скорее ко мне домой. Покуда вы в купальнях помоеетесь, Злата на стол соберет. А уж завтра я Совет созову да и сообщу всем радостную весть.

В купальнях по вечернему времени было людно, но я обнаружила небольшую купель с теплой водой, в которой никого не было, забралась в нее и расслабилась, закрыв глаза. Плеск воды и гомон голосов не позволял мне совсем отрешиться от происходящего вокруг. Еще когда я только вошла в помещение, то заметила устремленные на меня многочисленные взгляды, но заговорить со мной никто из женщин не решился, они только кланялись, когда я проходила мимо. В исполнении представительниц горного народа, находящихся в почти обнаженном виде, выглядело это забавно, но я молча отвечала на поклоны и поспешила побыстрее забраться в воду. Сил на общение у меня уже не оставалось, даже со словоохотливой Златой я перемолвилась всего лишь парой фраз, сообщив, помимо прочего, что мы с Келебраном поженились в Заповедной Долине и теперь можем обойтись одной комнатой на двоих. Ахнув, Злата кинулась меня поздравлять, но быстро заметила, что реагирую я довольно вяло. Тогда она собрала в корзинку принадлежности для мытья и без излишних разговоров отвела меня в купальню.

— Я вернусь через час, — пообещала она. — Побегу ужин готовить.

— Не отвлекайся от ужина, — улыбнулась я. — Я запомнила дорогу еще с прошлого раза.

Сообразив, что уже долго просто лежу в теплой воде, я потянулась за мылом и принялась за мытье волос. Все-таки опаздывать к ужину в домах приличных гномов принято не было.

Насухо вытершись, высушив волосы и облачившись в подаренное Моравен к свадьбе платье, я поспешила вернуться в жилище мастера Громмышы. Достопочтенный гном, несомненно, лукавил, когда сетовал на нехватку времени для подготовки к пиру. Во всяком случае, Злате удалось тесно заставить стол разнообразными яствами.

В центре гордо возвышался штоф с неизменной горной слезой, с ним соседствовало блюдо с запеченным гусем. Чуть поодаль расположились миски с соленьями и квашеной капустой. Над жарким из кролика поднимался аппетитный парок, а жареные цыплята манили румяной корочкой. На плоских тарелках были поданы уже нарезанные колбасы и

солнечно-желтый сыр, а также ломти пышного свежего хлеба с хрустящей корочкой. Рядом стояла высокая миска с морковью в сливочном соусе, а на другом конце стола — еще одна, с исходящим паром отварным картофелем.

Отвыкшая за время, проведенное в Заповедной Долине, от такого изобилия, я молча наблюдала, как Злата выставляет на стол очередные блюда, на сей раз с пирогами, и думала, что нам и за неделю не расправиться со всеми этими яствами.

Мастер Громмыш разлил горную слезу по стаканам.

— За встречу, — провозгласил он и мы дружно выпили.

Второй тост был поднят за новобрачных — Злата успела рассказать отцу новости. А вскоре я поняла, что далеко не все успела узнать об обычаях горного народа за время своего пребывания в гостях у гномов. Их свадебные задравные тосты оказались способны вогнать в краску даже Келебрана, не говоря уже обо мне. Диего же только посмеивался и охотно подставлял стакан для очередной порции горной слезы.

Когда Громмыш провозгласил очередной длинный тост, в котором фигурировали гном, его молот и наковальня, я закашлялась, а дел Арьянте ухмыльнулся, должно быть, припомнив «заклинания» перед дверью. Под такие застольные речи быстро уменьшалась и выпивка, и закуска, а я засомневалась, что мы с супругом будем в силах исполнить хоть часть пожеланий доброго гнома. Скорее всего, добравшись до постели, мы просто упадем и уснем.

Так оно и случилось. Причем к концу ужина я находила шуточки Громмыша и Диего ужасно забавными, а их самих — необыкновенно милыми, о чем и порывалась им сказать. Когда же мы все пожелали друг другу покойной ночи и Келебран отвел меня в выделенную нам комнату, я повисла у него на шее.

— Я уже говорила, как сильно люблю тебя?

— Говорила, — мой муж усмехнулся. — А теперь постой спокойно, пока я тебя раздену.

— О! — я подняла палец. — Тебя впечатлили тосты гномов?

— Тосты у гномов, конечно же, впечатляющие, — терпеливо согласился Келебран, снимая с меня платье. — Но я куда больше руководствуюсь теми соображениями, что спать в одежде неудобно. Присядь-ка, я сниму с тебя обувь.

— И что, — подозрительно осведомилась я, — ты даже не попробуешь покуситься на мое... на мою...

Я замолчала, подбирая подходящее слово. Все-таки упоминать о невинности было бы некстати — это я понимала, несмотря на количество выпитого.

— Продолжай, — поощрил меня супруг, роясь в сумке в поисках расчески. — Я тебя внимательно слушаю. На что именно я должен покушаться?

Найдя искомое, он подошел ко мне и принялся медленно расчесывать мои волосы. Меня охватила сонная истома и соображала я с трудом.

— Покушаться? Так тебе ведь Громмыш рассказал.

— Не помню, — обманчиво невинным тоном сказал супруг. — Вот об обычаях гномов помню, и о том, что у молодых молот поднимается куда резвее, нежели у стариков, зато с возрастом приходит опыт — тоже помню, а вот о том, чтобы я что-то должен у тебя отнять, почтенный мастер не говорил.

Комната кружилась перед глазами и я со смехом откинулась на спину.

— Точно не упоминал? — осведомилась подозрительно.

— Точнее некуда. Так, а теперь наденем рубашку и будем спать.

Я была занята тем, что пыталась пересчитать количество светильников на стене, но всякий раз у меня получалось разное количество. Воспользовавшись тем, что я отвлеклась, Келебран быстро натянул на меня ночную рубашку и принялся раздеваться сам.

— Постой-ка! — воскликнула я, внезапно кое-что припомнив.

— Да, дорогая? — муж смотрел на меня с выражением мученической покорности на лице.

— Помнишь, ты мне сказал у Источника, что мы недостаточно еще близко знакомы, чтобы обсуждать твой хвост?

— Риона, — простонал Келебран, — давай просто поспим, хорошо? А поговорим уже завтра, если у тебя не слишком сильно будет болеть голова.

— С чего бы ей болеть? — удивилась я.

— Действительно, — ядовито процедил супруг.

Я перевернулась на живот и поболтала в воздухе ногами.

— По-моему, ты просто уваливаешь от ответа. Так что там с хвостом?

— Извини, Риона, но я не понял, о чем ты.

Я ткнула в него пальцем — вернее, хотела ткнуть, но промазала.

— Теперь мы знакомы довольно близко, так?

— Да уж, — пробормотал Келебран, — ближе некуда.

— Значит, — торжествующе провозгласила я, — мы имеем полное право обсуждать твой хвост!

— А мне-то казалось, что я женился на спокойной и рассудительной женщине, — вздохнул блондин, возведя глаза к потолку.

— А я такая и есть, — радостно сообщила я, приподнимаясь на локтях.

— Какая?

— Спокойная, — я улеглась на бок, опираясь на локоть, вытянула ногу и зашлась от хохота, пощекотав мужа пальцами. — И рассудительная. И вообще, ты сам говорил, что я — сокровище.

— Спать будем, сокровище? Смотри, какие мягкие подушки. А какое теплое одеяло!

Я помотала головой.

— Мне не холодно.

— Но ты ведь устала, да? — вкрадчиво спросил супруг. — Конечно, ты устала и очень-очень хочешь спать.

— Нет, — капризно возразила я. — Сначала хвост!

— И за что мне это наказание? — Келебран картинно заломил руки. — Солнышко мое, завтра на пиру ты будешь сидеть рядом со мной и пить только то, что я тебе налью, договорились?

Я кивнула.

— Хорошо. А теперь — хвост, да?

— Завтра, — произнес муж, улегся рядом, притянул меня к себе и укрыл нас обоих одеялом. — Все завтра.

Рядом с ним было так хорошо, тепло и уютно, что я опять расслабилась и тут же ощутила, как на меня наваливается дремота.

— А почему не сегодня? — отчаянно зевая, выговорила я, собрав все свое упрямство.

— Потому что я тоже устал. Спи, а завтра я покажу тебе и хвост, и все, что захочешь. Спи, любовь моя.

Я тоже хотела пожелать ему покойной ночи и сказать что-нибудь ласковое, но неожиданно обнаружила, что силы покинули меня. Глаза закрылись будто бы сами собой и все, на что меня хватило — легко прижаться губами к плечу мужа.

А вот утром мне было невесело. Совсем-совсем невесело. Неяркий еще солнечный свет, падавший из оконца под потолком, нестерпимо резал глаза, во рту пересохло, а голова раскалывалась от боли.

— Пить, — хрипло простонала я, попробовав приподнять голову с подушки.

От этого незамысловатого действия мне стало столь плохо, что я тут же легла обратно и замерла в ожидании, когда перед глазами перестанут мельтешить разноцветные пятна и пройдет внезапный приступ тошноты. Келебран услужливо поднес к моим губам стакан с водой. Сам он выглядел настолько свежим и жизнерадостным, что у меня поневоле промелькнула мысль о жизненной несправедливости: пила-то я куда как меньше, нежели он, а вот страдаю несоизмеримо больше.

Глоток воды принес мимолетное облегчение, но сил встать с постели у меня не было.

— Приходила Злата, спрашивала, когда мы будем завтракать, — сообщил супруг. — Я сказал ей, что не хочу тебя будить и она пообещала приготовить что-нибудь, когда ты проснешься.

Мысль о еде вызвала такое сильное отвращение, что я не смогла удержаться и скривилась.

— Дело плохо, — сказал Келебран, наблюдая за моей болезненной гримасой.

Он порылся в сумке и вытащил уже знакомую мне серебряную флягу.

— Конечно, не для таких случаев его изготавливали, но на что только не пойдешь ради облегчения страданий любимой. Думаю, нескольких капель хватит.

От эльфийского снадобья мне действительно стало значительно лучше. Прошли головокружение и тошнота и я наконец-то смогла безбоязненно открывать глаза.

— А теперь ступай в купальни, — распорядился супруг. — Я пока попрошу Злату приготовить нам завтрак — или, вернее, уже обед.

— А ты не хочешь пойти со мной? — вопрос вырвался у меня прежде, чем я осознала его глупость.

Глаза Келебрана забавно округлились.

— Риона, я, разумеется, понимаю, что в такое время мало кто из приличных гномов принимает ванну, но все равно никого смущать мне бы не хотелось.

— Да, — тихо произнесла я. — Просто я вспомнила озеро в Привратье...

Келебран нежно провел пальцами по моей щеке.

— Ничего, дорогая. Дома мы обустроим самую роскошную купальню, какую только можно придумать. С огромной ванной, куда поместится тьма народу.

— Куда нам столько? — улыбнулась я. — Главное, чтобы мы поместились в ней вдвоем.

— Согласен. Толпа нам только помешает.

Супруг коснулся моих губ легким поцелуем. Сожалея, что до вечера еще далеко, а минувшая ночь была столь бездарно упущена по моей вине, я спустилась в купальни. Они были почти пусты, лишь пара девочек стирала белье в специально отведенном для стирки водоеме.

Очень хотелось понежиться в бурлящей купели, но времени для этого не было, поэтому я просто окунулась несколько раз сначала в прохладную, а затем в горячую воду. Самочувствие улучшилось окончательно и я даже ощутила голод. Обратно я поднималась

уже бодрым шагом в надежде на скорый обед.

Злата не подвела. Конечно же, это было далеко не вчерашний торжественный ужин, но запеченное мясо с овощами просто таяло во рту, а пироги были из нежного теста и с разнообразными начинками: с печенью и картофелем, с курицей и грибами, с капустой, с вареными яйцами и зеленью и с творогом и яблоками — на сладкое.

Диего вернулся как раз к обеду. Для него, как и для Келебрана, выпитая накануне горная слеза не имела плачевных последствий, потому друг наш проснулся рано и успел уже побывать на Совете, где выслушал подробный отчет об экспедиции на север. Нас с Келебраном мало занимали сокровища, обнаруженные в сокровищнице убитого дракона, а их распределение между казной королевства и горным народом — и того меньше, так что мы, можно сказать, ничего не потеряли.

— Сегодня будет большой праздник, — объявил приятель. — Известие о вашей свадьбе взбудоражило весь совет. Они были единогласны в своем решении устроить народное гуляние по этому поводу.

— Гуляние? — испуганно переспросила я. — Но ведь со свадьбы прошло уже довольно много времени.

— Многоуважаемые гномы заявили, что «эти эльфы ничего не смыслят в хорошем торжестве» и что ваша свадьба «наверняка прошла не в той обстановке, в которой подобает». Так что готовьтесь.

Припомнив некоторые из вчерашних тостов, я в ужасе уставилась на мужчин. Мне и спяну-то было стыдно, а уж на трезвую голову я повторение гномьих напутствований молодоженам точно не переживу!

Диего только похохатывал, а у Келебрана был несколько растерянный вид. Похоже, ему идея свадебного пира с участием всей общины гномов тоже не пришлась по душе.

— Вообще-то я полагал, что сегодня ты будешь пить только воду, Риона, — наконец медленно выговорил он. — Но вынужден признать, что я погорячился. Лучше уж я потрачу еще пару глотков эльфийского напитка, чем буду разыскивать собственную жену по темным углам.

Услышав эту фразу, Диего и вовсе согнулся пополам от смеха.

— Всегда знал, что женитьба не приводит ни к чему хорошему, — заявил он и тут же охнул, поскольку я сочла, что мы уже состоим в достаточно близкой дружбе, чтобы отвесить ему хороший подзатыльник.

От дальнейшей расправы приятеля спасло только появление мастера Громмыша.

— Рад сообщить уважаемым гостям, что сегодня состоится гуляние в их честь, — сияя, провозгласил он.

Я не стала упоминать о том, что новость эта уже известна нам от Диего, просто спросила:

— Многоуважаемый мастер, а очень много соберется народа?

Втайне я все еще надеялась, что гномы не пожелают откладывать запланированные дела ради внезапно наметившегося праздника — все же они слыли народом основательным и перемены, даже столь мелкие, не любили. Однако ответ Громмыша развеял все мои иллюзии.

— Да почитай все Королевство праздновать и будет. Повод-то какой! Ну а вас, многоуважаемые гости, под вечер почтут за честь принять в Банкетном Зале члены Совета и их семьи. Мы немало польщены, что вы пожелали разделить с нами свою радость.

Опять-таки возражать я не стала, хотя с тем, что происходящее совпадало с моими желаниями, была категорически не согласна.

Банкетный Зал поразил меня своими размерами. После пояснения мастера Громмышя, что праздновать мы будем с членами Совета и их семьями, а прочий люд соберется на Гульбище, я ожидала увидеть не слишком большую пещеру, почему-то с одним длинным столом. Что же, столы тут были. Они стояли вдоль стен, оставляя в центре Зала пустое пространство. Я припомнила, что Совет составляли около тридцати гномов. Окинув взглядом помещение, я невольно усмехнулась: похоже, семьи у членов Совета действительно очень большие. Судя по толпе, чинно рассаживавшейся за столами, просто племянниками и двоюродными дядюшками дело не ограничилось.

Мастер Громмышя сопровождал нас на почетные места в центре стола, стоящего напротив входа. Неподалеку от нас сидели старые знакомцы, Терзарис с Бирюзой, и я радостно приветствовала их. Злата, впервые за все время нашего пребывания у гномов, тоже устроилась за столом по левую руку от отца. Я улыбнулась девушке и она застенчиво кивнула в ответ.

Судя по количеству уставлявших стол блюд, гномьи хозяйки сегодня трудились не покладая рук с самого рассвета. Одной только птицы я насчитала несколько видов: фаршированные гуси, жареные перепела, рябчики в сметанном соусе, утки с яблоками, цыплята с грибами. Рыба тоже была представлена щедро: и щука, и речная форель в сливках, и карп в томате, и заливное из пока неопознанной мною рыбыны, и мелкая жареная рыбешка, названия которой я не знала. На гарнир предлагались овощи: жареные, отварные, тушеные. И еще едва ли не возле каждого гостя стояло блюдо с горкой румяных пирогов с разнообразными начинками, а бесчисленные штофы с горной слезой и со сладкими наливками, предназначенными для таких юных девиц, как Злата, окружали миски с соленьями и плоские тарелки с колбасами и сырами.

Не успели гномы рассестись за столами, как их стаканы тут же оказались наполнены до краев. Келебран покосился на почтенное собрание, вздохнул и сам налил мне горной слезы — но только треть стакана.

Впрочем, начало пиршества было довольно безобидным. Первым поднялся пожилой гном с длинной седой бородой и произнес прочувствованную речь, в которой выразил благодарность мне за то, что подсказала, где искать корону, и надежду на долгое взаимовыгодное сотрудничество между нашими королевствами. Потом он поздравил нас с Келебраном со свадьбой и пожелал счастливой жизни в достатке.

— И пусть жарким теплом согревает вас ваш семейный очаг, и дни ваши будут полны радости и удовлетворения от праведных трудов, а ночи страстной любви, многоуважаемые молодожены, — заключил он.

Пусть упоминание за праздничным столом о ночах и любви у нас принято и не было, но после вчерашних тостов мастера Громмышя я несколько не смутилась, а поблагодарила почтенного гнома за пожелания и отпила из своего стакана, закусив маринованным грибочком. Пожелания следующих двух гномов были не менее красноречивы, но тоже в краску не вгоняли, и я несколько расслабилась, полагая, что вчерашние речи Громмышя были вызваны более близким знакомством с нами. Я наивно решила, что незнакомые гномы деликатно ведут себя, не желая нас смущать, но вскоре поняла, что ошиблась.

Третий тост произносил крепкий моложавый гном с курчавой рыжеватой бородой и

лучиками смешливых морщинок вокруг глаз.

— Пусть многоуважаемый молодой супруг и не гном, — объявил он, — но хочу пожелать ему от чистого сердца всего того, чего желаем мы обычно соплеменникам. Да будет остра его секира! Да не будет остра на язык его жена, ибо секира — для врагов, а жена — для мира и любви. Да будет неутомим его молот как днем, так и ночью! И да пошлют ему предки здоровья крепкого, дабы хватало ему сил оба эти молота неутомимо поднимать!

Слова эти были встречены одобрительным гулом. Пока Келебран благодарил за пожелания, я одним глотком допила горную слезу из стакана, едва не закашлялась и наколола на вилку крохотное моченое яблоко — закусить.

Слова эти были встречены одобрительным гулом. Пока Келебран благодарил за пожелания, я одним глотком допила горную слезу из стакана, едва не закашлялась и наколола на вилку крохотное моченое яблоко — закусить.

С каждым тостом веселье набирало обороты, а пожелания становились все раскованнее, чтобы не сказать — развязнее, и каждое из них встречалось одобрительными выкриками. Совсем дряхлый гном, от которого я ожидала разве что пожелания достатка, так и вовсе заявил Келебрану:

— Крик — он в женской натуре, некрикливых баб не бывает, так пусть жена твоя кричит по ночам и молчит днем.

От удивления я даже поперхнулась — никак не ожидала подобного напутствия от благообразного старика. Диего, сидевший рядом со мной, прыснул со смеху. Только количеством уже выпитой горной слезы могла я позже оправдать свои слова.

— Будешь смеяться, — прошипела я на ухо приятелю, — запомню все эти наставления и приму к сведению. Ехать нам еще долго, а я что-то не припоминаю, чтобы стены постоянных дворов отличались толщиной.

Смех дел Арьянте резко прекратился. Я полагала, что сумела напугать королевского кузена открывшейся перспективой, но он с недоумением уставился мне в лицо.

— Вот уж никак не ожидал, — наконец протянул он насмешливо. — Пожалуй, тебе хватить пить, Риона.

Но я упрямо протянула руку к стакану. На дальнем конце стола гномы уже завели развеселую песню о некоем купце, вознамерившемся надуть гнома и заплатить ему за работу меньше положенного. К строкам о том, как обиженный горный кузнец гонял нечистого на руку торговца по всем переходам Горного Королевства, к пению присоединился уже весь зал и даже я поймала себя на том, что подпеваю незамысловатому припеву.

Потом оказалось, что на каждом возгласе «Хей-йа!» можно притопывать ногой и хлопать в ладоши и я вовсе развеселилась и даже немного огорчилась, когда песенка подошла к концу. Впрочем, огорчение я тут же зажевала пирогом с мясом, грибами и луком.

— Желая молодым всяческого благоденствия и процветания, — звонко провозгласил совсем юный гном и я едва не прослезилась от умиления.

Тост оказался непривычно кратким, видимо, по причине молодости произнесшего его — юноша с жиденькой бороденкой мышинного цвета смутился и быстро юркнул обратно за стол, но собравшиеся и его поддержали возгласами. Я отпила еще горной слезы, чувствуя непривычную легкость во всем теле. Мысли не желали задерживаться в голове, настроение было превосходным и хотелось только веселиться. Я была готова хохотать, петь, плясать и находила всех собравшихся в Банкетном Зале необычайно милыми.

Следующий тост я расслышала плохо, потому как провозгласивший его гном сорвал,

видимо, некогда голос и говорил негромко и сипло. Но я уловила слова «не разочаровать молодую жену» и охотно выпила и за это — кому же охота оказаться разочарованной в чем бы то ни было. Затем нам была рассказана замысловатая история, смысл которой сводился к тому, что главное — это не размер молота, а умение кузнеца. С данным утверждением я охотно согласилась и не сразу сообразила, отчего на лице Диего появилась ухмылка, а у Келебрана слегка покраснели кончики ушей. А когда наконец поняла скрытый смысл рассказанного, то, на удивление, не смутилась, а склонилась к супругу и шепнула:

— Ну я-то ни могу пожаловаться ни на размер, ни на умение.

На сей раз поперхнулся Келебран.

Я снисходительно похлопала его по руке и присоединилась к гномам, поющим очередную песню, на сей раз о некоем счастливчике, которому повезло добыть особо крупный алмаз. Везунчик долго размышлял, кто из его родни достоин того, чтобы получить драгоценный камень в дар: жена, тесть, теща, сын или брат, но в конце концов решил-таки оставить находку себе. Слов я не знала, зато старательно хлопала в ладоши, притопывала и весело подхватывала припев.

После еще нескольких тостов собравшиеся решили, что уже достаточно разгорячились и можно пускаться в пляс. Тот самый рыжий гном, что желал Келебрану побольше здоровья, дабы хватило на труд днем и ночью, с хохотом утянул Диего в хоровод. Дел Арьянте пробовал было сопротивляться, но тут к товарищу на подмогу подскочил коренастый широкоплечий чернобородый гном, схватил Диего за другую руку и рывком поднял его со стула. Возможно, королевский кузен и желал возмутиться столь неподобающим обращением со своей персоной, но, взглянув на благодушные лица гномов, промолчал. Я же вскоре присоединилась к танцующей толпе по своей воле, а Келебрану просто не оставила выбора, взяв его за руку и направившись с ним прямо в центр Банкетного Зала.

Танцы гномов, как и их песни, были довольно незамысловаты, но весьма веселы. Мы с мужем довольно быстро поняли, что именно нужно делать: там слегка присесть, здесь притопнуть ногой, а потом покружиться, взявшись за руки. Диего среди танцующих я обнаружила легко — он изрядно возвышался над прочими, но вот пробиться к нему через плотную толпу не стала даже пытаться. Все собравшиеся уже покинули свои места за столами и теперь лихо отплясывали, не всегда попадая в такт.

Солнце давно уже зашло и на стенах Банкетного Зала вспыхнули многочисленные светильники, заливая помещение ярким светом. Веселье же и не думало стихать. Натанцевавшись, гномы (и мы вместе с ними, само собой) попадали на свои места и с новыми силами принялись воздавать должное вкуснейшим блюдам. Опять один за другим сыпались тосты. Пили уже не только за свадьбу, но и за неоскудевающую жилу, за верную секиру, за негасимый огонь и за возвращение легендарного Правителя. Последний тост опять вернул всеобщее внимание к моей скромной особе и мне пришлось выслушать немало восхвалений в свой адрес. Затем кому-то пришло в голову спеть балладу о смерти Правителя, павшего в кровавой битве с горными троллями. И если все песни гномов, услышанные мною ранее, были веселыми и задорными, то баллада же, напротив, была преисполнена тоскливой грусти.

— Уснули Чертоги и трон опустел.

Но ждем пробуждения мы, — старательно выводили гномы последние строки.

Я украдкой вытерла глаза, но мастер Громмыш заметил, что я смахиваю слезы и закричал:

— А теперь что-нибудь веселое, нечего расстраивать уважаемых гостей! О богатой вдове, желавшей выйти замуж повторно!

И гномы разом грянули развеселую песенку о разборчивой вдовушке, что никак не могла выбрать себе второго мужа, хотя претендентов было более чем достаточно — никто из них не мог полностью ей угодить.

Веселье продолжалось.

На сей раз мы не стали надолго задерживаться у гостеприимных обитателей Горного Королевства и уже на следующий день после пира принялись готовиться к отъезду. Диего рвался в столицу, доложить королю об успехе нашего похода, узнать последние новости и вновь взять все дела королевства под свой контроль. Меня же раздирали противоречивые чувства: с одной стороны я сгорала от нетерпения поскорее увидеть дом, где мне предстояло жить и навеститься в поместье Келебрана, с другой — перемены всегда внушали мне опасения. Порой я задумывалась о тех людях, рядом с которыми мой супруг провел свое детство и юность. С Диего мне удалось поладить, иных близких друзей у Келебрана вроде бы не было, бывшая возлюбленная, о которой как-то обмолвился дел Арьянте вызывала скорее интерес, нежели беспокойство, но ведь существовали еще, несомненно, какие-нибудь дальние родственники, приятели, знакомые, соседи и, что важнее всего, слуги. Вот с последними мне непременно стоило поладить, особенно с теми, кто некогда служил еще покойному отцу моего мужа. А я не имела ни малейшего представления о том, как следует вести себя с прислугой. В ту пору, когда у моих родителей еще хватало денег на помощницу по хозяйству, я была еще слишком мала, а потом только мне самой довелось побывать в услужении и приятным этот опыт я никак не могла назвать.

Келебран, у которого я спросила совета, заявил, что я вольна вести себя так, как посчитаю нужным. Мне показалось, что он вообще не понял, что именно меня беспокоит. С Диего же я даже заводить подобный разговор не стала, зато спросила об ином.

В вечер перед отъездом мы в последний раз зашли в Тронный Зал. Келебран ворчал, что за два дня никаких перемен там произойти не должно, однако же последовал за нами — подозреваю, исключительно из нежелания оставаться с мастером Громмышем наедине. Все-таки вольно чувствовать себя в обществе гномов моему супругу никак не удавалось.

Алмазы вспыхивали в короне разноцветными искрами, притягивали взгляд. Обруч поистине был символом власти — незыблемой, несокрушимой.

— Как странно, — озвучила я пришедшую мне в голову мысль, — вот сейчас рядом с нами стоит наш приятель, с которым мы вместе брели по снегу в Заповедную Долину, пили эльфийское вино и горную слезу, веселились на празднике у гномов. Но стоит нам вернуться в столицу — и что общего будет у простой семейной пары с кузеном самого короля?

— Прошое, — спокойно ответил Диего. — То, что мы пережили вместе. Я не отношусь к неблагодарным людям и не забываю тех, кто оказал мне услугу — в противном случае вскоре может оказаться, что никто и пошевелить пальцем ради меня не захочет. Так что ты можешь рассчитывать на мою признательность, Риона. Что до Келебрана, то он — мой единственный друг, рядом с которым я перестаю быть королевским кузеном и главой Тайной Службы, а становлюсь просто Диего. Мы знаем друг друга слишком давно и не нуждаемся в масках. Кстати, не знаю, в курсе ли ты, что по своему происхождению твой супруг вполне мог бы занимать высокую должность при дворе?

— Да, мы говорили об этом. Но меня, как и моего мужа, не манит придворная суэта.

— Я понимаю ваш выбор, хоть и не разделяю ваше мнение, — усмехнулся Диего. — Для меня так даже лучше: всегда остается своего рода тихая гавань, где я могу отдохнуть и расслабиться.

— Полагаю, если бы я выбрал иную жизнь, наша дружба дала бы трещину, — вставил

Келебран. — Диего видел бы во мне соперника в борьбе за власть и не смог бы доверять.

— Именно, — подтвердил дел Арьянте, нимало не расстроенный несколько нелестными для него словами друга. — Так что могу лишь повторить: все сложилось как нельзя лучше для меня.

Он протянул руку к короне, но так и не осмелился прикоснуться к ней. Пальцы его замерли над сверкающими камнями.

— Подлинный Правитель, достойный этого венца, — задумчиво проговорил он. — Интересно, дождутся ли его гномы?

— Когда-нибудь, — откликнулась я. — Они, их дети или их внуки. Главное, что теперь у них есть надежда.

Мастер Громмыш, стоявший в отдалении и не слышавший нашего разговора, приблизился, грузно ступая.

— Пора ужинать, — заметил он. — Жаль, что утром вы нас уже покинете.

— Мы бы с удовольствием погостили еще, но нас ждут дела, — извиняющимся тоном произнес Диего. — И без того мы отсутствовали слишком долго.

Гном кивнул.

— Занятой человек не может надолго оставлять свои дела без пригляда. Я понимаю, многоуважаемый дел Арьянте, гномы полагают так же. Злата напечет вам в дорогу пирогов.

По правде говоря, в этом не было никакой необходимости: на Гномьем Тракте в каждом селении, не говоря уж о городах, имелись приличные постоянные дворы и трактиры, так что вполне можно было обойтись без особых запасов еды, но забота все равно была нам приятна. Так что возражать мы не стали, напротив, поблагодарили гостеприимного хозяина и позже повторили слова благодарности для его дочери.

Наконец-то мы снова могли ехать верхом. Можно было больше не бояться того, что к вечеру ноги будут гудеть от усталости, а первые утренние шаги — даваться с трудом. И о кровавых мозолях, доставивших мне столько мучений в первые дни нашего похода, тоже можно было позабыть, словно о страшном сне — теперь-то они мне точно не грозили.

Келебрана и Диего их лошади встретили радостным ржанием, а моя Песня покосилась на меня с подозрением. Но я протянула ей кусочек яблока на раскрытой ладони, шепнула несколько слов на древнем эльфийском наречии, что запомнила в Эльдоране — отчего-то мне казалось, что слова эти действуют на животных успокаивающим образом, и моя верная спутница признала меня.

Громмыш простился с нами у самых Врат, взяв с нас обещание непременно приехать погостить. Со Златой, не только напекшей нам в дорогу пирогов, но и завернувшей в промасленную бумагу колбасу и кусок запеченного мяса, а также вручившей едва ли не полную сумку яблок и орехов, мы распрощались еще раньше. И теперь, бросив последний взгляд на возвышавшуюся над нами неприступную твердь, мы удалялись от Горного Королевства. Небо было ясным и ярко-голубым, того неповторимого оттенка, что бывает лишь весной. Снег сошел уже повсеместно, вдоль обочины проросла трава, а в воздухе явственно разливался аромат особой — весенней — свежести. Солнце приятно грело, но еще не припекало. Я смотрела по сторонам и удивлялась, насколько разительно отличалось мое нынешнее восприятие от зимнего, когда за каждым спящим деревом, за каждым темным кустом мне мерещилась опасность. Или дело было вовсе не в растаявшем снеге и не в наступившей весне, а в том, что наконец-то вновь замкнулся Кровавый Круг и злу больше не было доступа в наш мир?

Въехав в небольшой городок, мы остановились в трактире на обед, а спустя немногим более часа продолжили свой путь. И вскоре вновь очутились в лесу, где я провела самую страшную в своей жизни ночь. Воспоминания нахлынули на меня и я непроизвольно поежилась. Но довольно быстро заметила, что и этот лес переменился. И дело было даже не в том, что из черно-белого он стал разноцветным, раскрасившись травой и первыми робкими цветами. Нет, перемены заключались в том, что лес действительно ожил. Тогда, зимой, в нем царило гнетущее безмолвие. Теперь мы то и дело слышали шорохи, потрескивание веток, пение птиц.

— Как вы полагаете, Лесная Марь сгинула окончательно? — спросила я у своих спутников.

— Ослабла так уж точно, — отозвался Келебран. — Раз сюда вернулись птицы и звери, значит, Марь более не может пить чужие силы. Вот наслать ночные кошмары заночевавшим в здешних местах путникам она, пожалуй, еще способна. Но вскоре кошмары превратятся просто в тревожные сны, а затем и на это силенок Мари не хватит. И она исчезнет. Навсегда ли? Как знать, Риона. Ведь до своего пробуждения пять лет назад много веков провела нежить в забвении. Но свет алмаза из Источника ослепляет злые силы и не дает им развернуться вновь.

— Подумать только, — грустно сказал Диего, — что совершенный моим далеким предком бесчестный поступок привел к столь пагубным последствиям и вечной тенью лег на его потомков.

— Ты сделал все, что в твоих силах, дабы исправить содеянное не тобой, — заметил Келебран. — Так к чему теперь столь печальные рассуждения? Наша жизнь слишком коротка, чтобы постоянно оглядываться назад — это могут позволить себе лишь эльфы. А нам надлежит смотреть вперед, но жить настоящим.

— На тебя так повлияло пребывание у эльфов? — с усмешкой осведомился Диего. — Или это последствие женитьбы? Прежде ты не был склонен к философским рассуждениям.

— Как и ты — к пустым сожалениям, — парировал Келебран. — Ты всегда был человеком деятельным.

— Я таковым и остаюсь. Но все это путешествие что-то переменяло во всех нас. Вот и Риона уже мало походит на ту настороженную молодую женщину, в дом которой я постучался ненастной ночью. Тогда за ее уверенностью в себе все же таился испуг — а теперь он пропал бесследно.

Я хмыкнула, привлекая к себе внимание собеседников.

— Осмелюсь напомнить, что кузен самого короля лично пообещал мне разогнать Орден и приструнить храмовников Молчаливого Бога. К тому же я теперь не просто беглая прорицательница, а дама замужняя, следовательно, нахожусь под защитой своего супруга. Так чего же мне бояться?

— Полагаю, храмовники тебя пугали сильнее волколаков? — со смехом осведомился мой муж. — Во всяком случае, мысль как след дать промеж глаз какому-нибудь храмовнику горящей веткой тебя точно не посещала.

Я сделала вид, что задумалась.

— Полагаешь, что это надежный способ борьбы с адептами Молчаливого?

Диего тоже рассмеялся. Его грусть улетучилась и мы продолжили свой путь, изредка перебрасываясь шутками.

В столице мы с Келебраном не стали задерживаться надолго. Я желала только убедиться в том, что Диего выполнит данное мне обещание и позаботится о моих родителях — для этого хватило нескольких дней. Причем приятеля в эти дни мы толком и не видели. Сразу по приезду он направился во дворец и тут же погрузился в водоворот придворных интриг. Иногда он заглядывал к нам ненадолго, жаловался, что за время отсутствия «совсем выпал из жизни» и что «все так изменилось, никак не понять, кто с кем и против кого на данный момент дружит». Келебран только посмеивался над жалобами друга и уверял, что тот быстро во всем разберется и мигом приструнит тех придворных, кто слишком уж осмелел за время отсутствия главы тайной службы. Я осматривалась и обживалась в особняке, казавшемся мне слишком огромным, знакомилась с окрестностями и пыталась наладить отношения с прислугой — надо заметить, небезуспешно.

Однажды мне пришло в голову навестить родное предместье и своими глазами взглянуть на родительский дом. Натянув пониже капюшон плаща, я вышла из кареты на знакомой улице, застроенной торговыми лавками, и неторопливо спустилась по кривому переулку. Мне казалось, что за прошедшие годы я должна была позабыть те места, где прошли мои детство и юность, но нет — я помнила каждый дорожный камень. Дыхание перехватывало, сердце колотилось, на глазах выступили слезы. Я остановилась на мгновение, чтобы глубоко вздохнуть и успокоиться, и ощутила, как меня довольно-таки сильно толкнули.

— Простите, госпожа, — произнес знакомый до боли хриплый голос.

Онемев, я смотрела, как отец кланяется мне, обдавая запахом перегара, и удаляется, пятясь. Он меня не узнал.

Разом наступило спокойствие. Сердце билось в привычном размеренном ритме, дыхание восстановилось, слезы высохли сами собой. К дому, в котором я прожила большую часть своей жизни, я подходила скорее из упрямства, нежели из любопытства. Не дойдя нескольких шагов, я увидела, как на крыльцо поднимается коренастая женщина лет сорока с корзиной в руках — должно быть, та самая служанка, нанять которую пообещал Диего. Развернувшись, я пошла обратно, но перед домом родителей Литы остановилась, точно вкопанная и прижалась к дереву в надежде, что меня не заметят.

Карл с супругой решили навестить родню. Волос на голове моего бывшего жениха уже совсем не осталось, сугулость его усилилась и он отрастил за чем-то длинные усы. Лита несколько располнела, но ей это очень шло — она по-прежнему была красавицей. За руки супруги держались, как мне показалось, с неподдельной нежностью. Следом за ними шла дородная женщина с малышом на руках — видимо, няня. Я дождалась, пока семейство скроется в доме, и лишь после этого продолжила свой путь.

Лита выглядела довольной жизнью и меня это не могло не обрадовать. А вот то, что я так и не повидала маму, на удивление даже не расстраивало. Судя по отцу, особых перемен в их жизни не произошло. Я сделала для них все, что было в моих силах, а устраивать трогательную сцену воссоединения семейства желания не возникало. Оставались еще две нити, связывающие меня с прошлым: аптекарь Ним и домик в деревушке, за которым присматривали Равель и Гална. Немного поразмыслив, я решила съездить спустя какое-то время в деревню и забрать оттуда часть своих вещей — особенно дороги мне были

некоторые книги. Что же касается домика, то его я решила подарить лавочнику — все-таки его подарок спас в свое время мне жизнь, пусть даже сам Равель и посчитал оберег безделушкой. А я не хотела оставлять себе напоминаний об Артуре и его матери, даже в виде денег, которые я могла бы выручить за дом.

Ниму я все же написала и довольно скоро получила ответ. Старый аптекарь стал совсем слаб глазами, поэтому письмо было написано его учеником — парнишкой из трущоб, которого Ним взял в обучение вскоре после моего исчезновения из города. Аптекарь передавал мне свои наилучшие пожелания и заверял, что у него все благополучно. Несколько позже мне представился случай убедиться в этом. Ученик Нима оказался сиротой и окружил своего учителя заботой и уважением, словно родного отца. Дела в аптеке шли ни шатко, ни валко и я передала приемышу внушительную сумму с тем условием, что Ним будет полагать, будто деньги эти появились от продажи мазей и притирок.

Диего тем временем всерьез принялся за Орден. Всемогущий глава Тайной Службы объявил, что, чем без толку охотиться на каких-то мифических ведьм и колдуний, молодые здоровые мужчины могут послужить королевству в избавлении от настоящей и довольно серьезной напасти — расплодившихся на севере страны волколаков. После гибели дракона северные провинции вздохнули с облегчением, но, даже лишившись столь грозного союзника, волколаки продолжали время от времени нападать на одиноких путников, а то и на торговые обозы. Иной раз доставалось и окраинам стоящих неподалеку от леса деревенок — там больше задирали скот, нежели нападали на людей, но убытки были немалыми. Кое-кто из членов ордена пошел в новообразованные заградительные отряды добровольно, прельстившись высоким жалованьем, иные, потрусливее, попытались уклониться от службы, да не тут-то было.

— Значит, как над беззащитными девками измываться, так они у тебя смельчаки, каких поискать, — кривя губы, выговаривал дел Арьянте Главе Ордена. — А вот столкнуться с настоящим врагом, способным дать отпор, твои храбрецы не желают. Значит, так, пусть выбирают: либо заградотряды, либо плети и подвалы. Пусть свою готовность послужить на благо короля доказывают делом, а то придумали забаву: за бабами по всей стране гоняться. Наслышан я, как какую-то бедолагу едва с постоялого двора не похитили, хорошо еще, нашелся добрый человек, заступился. Напомни-ка мне, сколько твоих орлов вступило в неравную схватку с защитником девушки?

На лице Главы Ордена явственно читалось недоумение. Он полагал, что о неудачном покушении на ведьму на постоялом дворе дел Арьянте никак не может быть известно: дело-то было не из подлежащих огласке. О том, что глава Тайной Службы лично расправлялся с его приспешниками, а упомянутая «ведьма» стала супругой лучшего друга дел Арьянте, несчастный орденец и помыслить не мог.

Диего похихатывал, пересказывая нам эту историю в лицах. Поскольку Орденом он занялся почти сразу по возвращению в столицу, мы с Келебраном еще не успели уехать в поместье и виделись с другом пусть и недолго, зато часто.

С храмовниками Молчаливого Бога вышло несколько иначе. Впрочем, все разрешилось довольно быстро и легко благодаря двум неоспоримым фактам: культ Молчаливого Бога был далеко не самым распространенным в нашем королевстве и не имел ни влиятельных покровителей, ни больших доходов. И второе: прорицательниц почти не осталось. Шансы, что в ближайшие сто лет в семье рабочего люда родится девочка с Даром, были ничтожны. А дел Арьянте пообещал служителям щедрое финансовое вливание и они, поразмыслив,

согласились, решив, что лучше уж получить определенную сумму золотом и сразу, нежели иметь туманные перспективы на отдаленное будущее.

Об окончании истории с храмовниками мы узнали уже спустя пару месяцев, когда Диего заглянул к нам в поместье.

— Вырвался на недельку, — пояснил он. — Хорошо-то как у вас, свежо, просторно! Столица начинает казаться душной и тесной.

— Но без ее духоты и тесноты жизнь тебе не мила, — подколот друга Келебран.

— Без сплетен, интриг, мелких заговоров, — подхватила я.

— Отчего мелких-то? — ворчливо осведомился приятель. — Полагаешь, что крупные мне не по зубам?

— Напротив, уверена, что никто не рискнет устраивать крупные у тебя под носом — недолго и головы лишиться. Как здоровье короля?

Вопрос не был праздным. Последние годы силы короля действительно подтачивала неведомая болезнь, о чем во всем королевстве знали всего трое — Диего, королевский лекарь и, разумеется, сам монарх. Придворные же полагали короля просто нелюдимым и угрюмым из-за того, что он редко принимал участие в празднествах и увеселениях. Простому люду и вовсе ничего известно не было. О том, что король слаб здоровьем, я впервые услышала в Заповедной Долине.

— Значительно лучше, — ответил Диего. — А с моим возвращением он и вовсе стал стремительно идти на поправку.

И приятель самодовольно улыбнулся.

— Оставайся у нас подольше, — предложил Келебран. — Отдохнешь.

— Увы, — вздохнул дел Арьянте. — Надолго оторваться от дел не получается. Только-только уладили вопросы с гномами о торговых пошлинах, как возникли небольшие шероховатости с эльфийским посольством. Представляете, этот дуралей Нельсон решил наладить контрабандный сбыт эльфийского вина. Само собой, Владык он в свои планы не посвятил и теперь...

Диего рассказывал о неизвестном мне Нельсоне, все больше распаляясь. Он незаметно для себя повысил голос и принялся бурно жестикулировать. Мы с мужем переглянулись и улыбнулись друг другу.

Уже не в первый раз я подумала о том, как замечательно, что оба мы предпочитаем жить в загородном поместье. Его я полюбила сразу, в первый же день по приезду. Луга, неширокая река, лес, просторный светлый дом, окруженный садом — мне казалось, что именно о таком жилище я и мечтала всю жизнь. На удивление быстро я ощутила себя здесь хозяйкой — казалось, поместье только и ожидало моего приезда. Я знала, что когда-нибудь Келебрана (а возможно и меня) вновь поманит дорога и тогда мы быстро соберемся в путь, чтобы повидать и новые места, и старых знакомых. Но всегда мы будем возвращаться сюда. В дом, где горит очаг, ожидая усталых путников. В дом, где уютно пахнет свежее испеченными пирогами. В дом, который однажды наполнится счастливым детским смехом. В наш дом.

Больше книг на сайте — Knigolub.net